

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ДЕКАБРЬ

2004

КИСЛЕВ

5765

N 12 (152)

ВОЗВРАТИТЬ ПОТЕРЯННЫМ ДЕТЯМ СЕМЬЮ

NEIAT AEAATITAT DAATEIT A DINNEE

*I a oae aaii i deoea ei i ia ia i deai iai a aeit ueia; ei y ai a Dinnee ecaioii i ai aeii o
+eieo ebrae. E, +oi iaqiaioii, n iidiia ioeii eea i ai y ai idimi: «Eae maaoouy aadeie?» B
ideiyey iaiuyou +oi eoaeci - daeey, ia ideiapuay i eneiadnoai xoi +aeiaa, ia
diaeaeey aadai, eia:ii, i iaeo ei noaou ii yoi aiia a aeoeaiue i diiai, ioeii i iiaa
oiaou i iai o e:ouy... E oae aaeia A aeit ueia i ia ia yoi aiidoe: «I e:ai noaoiia, y
ai oia i daiaeaoii ebraa odoi noe. Oi: o noaou aadeie!» Oae aai iue, n daeep, i i:ai o ae
aieioa ia iiaioe o iuaioy ioeii aeii noii e +oi cao aaei ai e: aiia daeae aiaaoii ei ai i
aadeie. «Aa i iei aaoa - io ai: aao i i noe oaeieo, - y a aaoia i: ai ii ebraea ntr aadeie
i ai ei oi aou a iia auea aadeie. Ato e i ia oai adi caoi oaeiii...»*

Наверное, ни одна идея, имеющая целью развитие еврейской жизни на постсоветском пространстве, не вызвала столько споров, сколько идея проведения «еврейской переписи» в России. Одни горячо ее приветствуют, другие с такой же горячностью против нее возражают. В личных беседах меня нередко спрашивают: «Если государство уже провело перепись, зачем еще одна? Она к тому же и денег стоит...» «А что нам даст “еврейская перепись”? – Это я, между прочим, слышал множество раз. – Какой в ней смысл? В России, слава Б-гу, все народы равны, национальная принадлежность – личное дело каждого». Есть, наконец, люди, опасющиеся, что перепись принесет больше вреда, чем пользы. «Зачем привлекать к себе особое внимание? – привычно недоумевают они. Недоумевают и тревожатся. – Антисемиты и без того увлеченно предаются поискам евреев в правительстве, в экономике, в культуре и в науке!»

Конечно, перепись – дело серьезное. Проблем в связи с ней возникнет порядочно, и я понимаю тех, кто сомневается, не приемлет и даже побаивается. Все они хотят добра евреям – так, как сами это добро себе представляют. Тем не менее я убежден: перепись нам необходима. Прежде всего для того, чтобы знать, сколько евреев живет в каждом городе, чтобы решить, кому и как помочь, где нужно безотлагательно строить синагогу и открывать школу...

На Западе такие вопросы давным-давно исчерпаны: там жизнь каждой еврейской общины во всех деталях отлажена много десятилетий назад. А здесь все только начинается. Пятнадцать лет назад еврейской жизни в нашей стране фактически не было! И двадцать лет назад тоже не было, и пятьдесят, и семьдесят пять... В результате подавляющее большинство евреев полностью лишены всего, что входит в понятие еврейства и составляет его суть: своей религии, своей древней культуры, своего языка. Сейчас каждый год возникают новые общины, строятся общинные центры, синагоги, открываются школы и детские сады. Это бесспорно. Но чем больше мы делаем, тем отчетливее сознаем, сколько еще предстоит сделать. Наша конечная цель – добиться того, чтобы община сама предложила каждому еврею то, что его еврейство может и должно ему дать. А поскольку мы физически не в состоянии сделать это за день, за неделю, за год, надо установить приоритеты. Но чтобы их установить, следует точно знать, сколько нас и где мы живем. Круг, таким образом, замыкается: без переписи не обойтись.

Разумеется, мы не возьмем за образец ту схему, что существует при государственной переписи населения; мы не собираемся отправлять активистов общины звонить во все двери и спрашивать людей об их национальной принадлежности. Система опроса предлагается прямо противоположная. Люди сами станут приходить в общину и сообщать о далеких предках и ныне живущих родственниках. На основании их рассказов мы постепенно составим генеалогическое древо каждой еврейской семьи. Данные будут занесены в компьютер, и таким образом российские евреи смогут узнать о своих корнях, о пращурах, о потерянных родных, в том числе и о тех, кто когда-то переселился за границу. Итогом нашей работы станет восстановление многовековой традиции «пинкас а-кеила» – родословных общинных книг. Они существовали некогда в каждой еврейской общине Российской империи.

Разберемся теперь со вторым доводом противников переписи: еврейство, мол, есть личное дело каждого. Это не совсем так. В Талмуде сказано: «Все евреи в ответе друг за друга». Б-г заключил союз не с каждым из нас, а со всем народом как с нераздельным единством, и мы должны выполнять Его заповеди. Если какой-нибудь еврей заповедей не выполняет – это огнюдь не только его личное дело, это напрямую касается остальных – хуже в конечном счете будет не одному еврею, а всем. На сей счет имеется

хасидская притча. Плышет человек на корабле, сидит себе в каюте, а сосед вдруг замечает, что он долбит обшивку возле своей койки. «Прекрати немедленно, корабль потонет!» – кричит сосед, а человек отвечает: «Ты мне не указ. Я за свое место заплатил, что хочу, то на этом месте и делаю!»

Любой из нас сочтет естественным при виде нищего еврея, у которого ни денег, ни дома, ни лекарств, прийти бедняге на помощь – насколько это в его силах. Таков наш человеческий и еврейский долг. Но в той же мере обязаны мы помочь еврею, «бедность» которого, так сказать, духовного свойства, который и ведать не ведает про еврейские традиции, еврейские праздники, а заповеди не выполняет просто потому, что никто никогда не учил его заповедям. Вот для чего нужна «еврейская перепись» – чтобы установить контакт с каждой семьей и сделать так, дабы люди узнали как можно больше о своем народе и его уникальной истории. Чтобы помочь соплеменникам ощутить гордость, оттого что они евреи. Гордость, а не страх, как повелось с незапамятных времен. Это возвышает и укрепляет дух.

Если прибегнуть к сравнению, наша национальная семья сейчас оказалась, в общем-то, в такой же ситуации, что и миллионы семей после Великой Отечественной войны. Скольких людей тогда разметало по стране – эвакуация, поспешное бегство... Да мало ли что еще! А сколько детей пропало без вести! Малыши даже не помнили, кто их отец и мать; иные воспитывались в детских домах, иные стали приемышами... А настоящие родители долгие годы, порой и десятилетия, искали их повсюду. И какое счастье испытывали, когда находили!

Вот и в нашей еврейской семье так: мы просто не можем теперь не искать близких, когда-то потерянных и по чужой вине лишившихся своего еврейства. Этого требует от нас высший нравственный закон. Если хотите – даже инстинкт кровного родства. Так что заблуждаются полагающие, будто перепись способна разъединить людей. Ее задача именно в том, чтобы вернуть в лоно семьи детей, оставленных на произвол судьбы в ужасные времена. Пусть потом каждый идет своим путем; главное – он будет знать, что не сир, не одинок в этом мире!

Áëááí úé ááááéí Ðíííé Ááðé Éáçáð



ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2004 КИСЛЕВ 5765 – 12 (152)

ДЕКАБРЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ



Ó×ÁÍ ÈÁ ÐÁÁÁ ÍÁ Ó×ÁÍ ÈÈ

Àðüü Ñæüü ïï

Ï ÐÁÍ ÁÐÀÆÁÍ ÈÁ ÁÈÈÆÍ ÁÁÍ ×ÁÐÁÇ ÑÏÏ ÁÐÁÆÈÁÍ ÈÁ

Наставник несет ответственность за тех, кто емуверяется. Но как следует понимать ответственность учителя за своих учеников? Конечно, он заботится об их благе и радуется об их прогрессе на путях учения. Однако такой прогресс не может быть равномерным, и наставник печется о том, чтобы найти методы, которые обеспечивают прогресс для всех учеников, т. е. методы, подходящие большинству обучаемых. Опять-таки, забота о большинстве не должна заслонять заботу о каждом в отдельности. Только через трансформацию личности каждого можно достичь трансформации всей группы. Ребе делает на этом особый акцент. Понимание ближнего, постижение его внутреннего мира возможно через вживание в этот мир и через сопереживание – только тогда узы, объединяющие ученика и учителя, будут по-настоящему прочны.

ÑÁÈÁÁÒÁÈÛÑÒÁÀ ÒÏÐÛ

Обосновывая свое понимание роли наставника, Ребе ссылается на египетский эпизод истории Йосефа и его братьев. Отправляя братьев из Египта, Йосеф велит управляющему: «Наполни сумы людей этих съестным, сколько могут нести, и положи серебро каждого в верх сумы его. А кубок мой, кубок серебряный, положи в верх сумы младшего и серебро за покупку его» (Брейшис, 44:1,2). Едва братья покидают пределы города, их останавливают, обвиняют в краже кубка – и обнаруживают его у Биньямина. Братья возвращаются во дворец Йосефа. Иеуда предлагает себя в плен вместо младшего брата, ибо, как говорит он Йосефу, «раб твой поручился за отрока отцу моему, говоря: если не доставлю его к тебе, то провинюсь перед отцом моим на всю жизнь» (Брейшис, 44:32).

Характерно, что в Мидраше этот эпизод описан еще более драматично: Иеуда готов разрушить Египет, подобно тому, как он разрушил Сихем (Брейшис Раба, 93).

Ребе задается вопросом: каковы моральные основы такой несдержанности Иеуды, вступающего в открытую конфронтацию с Йосефом и в этой конфронтации готового на всё, вплоть до применения силы: ведь Биньямин уличен в краже и Иеуда не может не ощущать шаткость своей позиции. (Так, в агодическом предании Йосеф, в ответ на заявление Иеуды, что в нем пылает огонь Сихема, спрашивает брата, не огонь ли это Тamar, – т. е. напоминает ему эпизод, в котором Иеуда, в стремлении к справедливости, оказался настолько неправ, что вынужден был сказать о своей невестке, обвиненной в блудодействе: «Она праведнее меня, так как я не дал ее Шеле, сыну моему» [Брейшис, 38:12-26].)

Ребе, толкуя конфликт Иеуды и Йосефа, видит в поведении Иеуды самоотверженность человека, взявшего на себя заботу о благе другого: он радуется не о себе, но о Биньямине, которого он обещал вернуть отцу, – и готов заплатить за эту любую цену, вплоть до собственной жизни.

Ребе подчеркивает глубинный смысл такого поведения Иеуды, указывая на то, что фрагмент, начатый речью Иеуды перед Йосефом и просьбой отпустить Биньямина, несмотря на его проступок (Брейшис, 44:18), заканчивается упоминанием о процветании всего народа Израиля: «И жил Израиль в стране Египетской, в стране Гошен, и стали в ней оседлыми, и расплодился, и очень умножились» (Брейшис, 47:27). То есть процветание всех неотделимо от заботы о каждом и ответственности за него. Только таким путем можно добиться значимого результата.

Другое указание на важность индивидуального подхода Ребе видит в эпизоде приношения двенадцатью коленами Израиля даров для строительства Шатра Собрания. Характерно, что перечень этих приношений, совпадающий в мельчайших деталях, повторен в Торе двенадцать раз. Разве не было бы логичней перечислить его лишь однажды, указав, что такие дары принесли все двенадцать племен израильских, – помня стремление Торы к лаконичности и предельному «сжатию» текста?

Вспомним традицию толкований Торы, построенную на этом принципе, когда малейшие оттенки текста служат основанием для тех или иных алохических законов. Поэтому в упоминании двенадцати одинаковых списков даров на строительство Шатра Откровения Ребе видит указание на то, что каждое из колен Израиля вносит свой уникальный вклад в дело созидания обители для Всевышнего в мире и преображения нашего земного существования. Каждый из живущих вносит в это свой уникальный вклад, подтверждение чему Ребе находит также в агодической традиции и хасидских памятниках.

וְאֵת אֵלֶּיךָ יָבִיאוּ אֲנֵי עַם יִשְׂרָאֵל אֶת הַדָּבָר הַזֶּה

Анализируя предусмотренную Талмудом юридическую процедуру, связанную с рассмотрением тяжких преступлений, Ребе приходит к выводу, что исполнение закона и наказание имеют своей целью не столько воздаяние преступнику, сколько его очищение. Особенно показательно в этом отношении положение о непредумышленном убийстве. Так, Ребе приводит талмудическое положение об изгнании непредумышленного убийцы в города, дававшие право убежища (Бемидбар, 35:11), – в этом проявилась ориентация на исправление человека, невольно повинного в преступлении. Ребе обращает внимание на высказывание Мидраша, называющее исполнение закона (осуществление приговора) благом и милостью для человека. Этот подход отражен и в языке: на иврите слово «цедек» («справедливость») имеет тот же корень, что и «цдока» («благотворительность» или «альтруизм»). В хасидской традиции исполнение наказания также связывается с искуплением вины и очищением человека, т. е. ведет в итоге к снятию вины. Поэтому следует понимать: истинная цель всей судебной системы и института городов-убежищ – в очищении преступника от негативных последствий его деяний.

АЛОХИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В отличие от системы городов-убежищ, институты судей и наказания по закону продолжили свое существование и в диаспоре, в виде местных судов той или иной общины. Этот отход от изначальной традиции Ребе объясняет принципом внимания к индивидуальному: судить может лишь тот, кто учитывает ситуацию преступника; и Иерусалимский суд не может адекватно рассматривать дело человека из диаспоры, живущего в условиях сокрытого Б-жественного присутствия. Как указывает Ребе, чтобы вынести правильное решение, ведущее к преображению личности человека, повинного в преступлении, суд должен ясно представлять эту личность и условия, в которых живет человек. То есть судопроизводство должно быть приспособлено к местным условиям.

וְאֵת אֵלֶּיךָ יָבִיאוּ אֲנֵי עַם יִשְׂרָאֵל אֶת הַדָּבָר הַזֶּה

Рабби Шнеур-Залман из Ляд, давая свое толкование стиха «От Тебя да изойдет суд мой, глаза Твои видят справедливость» (Теилим, 17:2), подчеркивал, что царь Давид взыскует здесь суда Б-жьего, а не ангелов, – ибо ангелы чужды трудностей, перед лицом



которых стоит человек, и потому не способны ни понять его, ни вынести правильное суждение. Иначе говоря, ангелы не способны на сочувствие человеку. Именно поэтому Давид просит о Б-жественной справедливости.

В хасидской традиции движения Хабад мы неоднократно встречаем упоминания об йехидус – частной аудиенции, во время которой хасид обращается непосредственно к своему Ребе, ища его совета как в связи с духовными, так и в связи с мирскими проблемами.

В один из вечеров, предназначенных для йехидус, второй Любавичский Ребе Дов-Бер прервал аудиенцию. И вот как он объяснил этот поступок позже: прежде чем дать совет, Ребе должен преисполниться сочувствия к спрашивающему, а это возможно лишь тогда, когда он найдет у себя самого аналогичное прегрешение. В тот вечер порочность посетителя рабби Дов-Бера была столь чудовищна, что Ребе не смог спроецировать его состояние на себя.

Из эпизода с рабби Дов-Бером Ребе делает вывод: именно сочувствие к ближнему дает возможность повлиять на его личность и изменить ее.

В этом же контексте следует понимать замечание Ребе, что сам Шнеур-Залман из Ляд, стоявший у истоков движения Хабад, стремился не к созданию самостоятельного религиозного течения внутри иудаизма, но желал лишь одного – чтобы идеи, сформулированные хасидским движением Хабад, стали достоянием всего народа Израиля.

צִיָּא אֵי עָא עֵאָאֶ דְּאָאָ יֵאִינִי וְאֵי עֵי יֵאֵנְוֵאָאִי עֵי יֵנֵאֵוֹ אֵי עֵיָא

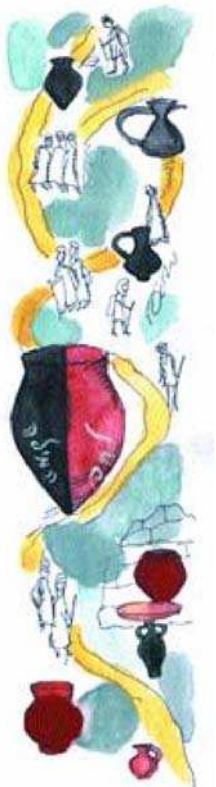
На основе интерпретаций Торы, Талмуда и хасидских памятников Ребе выстраивал весьма эффективную модель духовного образования. Он подчеркивал, что критерием эффективности должны быть не успехи большинства членов группы, а то конкретное благо, которое обретает каждый в отдельности. Решимость Иеуды поступиться не только своей безопасностью, но и безопасностью братьев во имя свободы Биньямина указывает на то, что во главу угла наставник должен ставить благо отдельного ученика – и никогда не приносить интересы одного в жертву интересам группы в целом, но поступать в точности наоборот. При этом Ребе предостерегал: готовность к конфликту, к битве, подобная готовности Иеуды к сражению с Йосефом и всем Египтом, отнюдь не является положительным качеством наставника, но самое важное, чтобы учитель не испытывал удовлетворения, видя успехи большинства членов группы, и не считал, на основании этого, что его долг наставника исполнен. Учитель должен заботиться о духовном развитии каждого из своих подопечных.

В понимании Ребе отношение наставника к ученику близко отношению родителя к своему чаду: и тот и другой должны быть готовы принести себя в жертву ради интересов «малых сих».

אֵאֵנְוֵי יֵדֵי יֵנֵי יֵאֵאֵיָאִי עָא עֵאָאֶוֹ

Считается, что Йосеф пытался ввести обрезание среди египтян. Основанием для таких утверждений может служить стих: «Когда стала голодать вся страна Египетская, и народ завопил к фараону о хлебе, сказал фараон всем египтянам: “Идите к Йосефу, что он скажет – делайте”» (Брейшис, 41:55). В этом духе толкует данное место Торы Мидраш, к этому же мнению склоняется и Раши в своем комментарии. Заметим, что различные комментаторы строят свои толкования на разных исходных предпосылках. Некоторые указывают на тот факт, что в этом стихе мы встречаемся со словом «лахем», являющемся дополнительным для понимания фразы, – зато числовой эквивалент этого слова равен эквиваленту для слова «а-мила» («обрезание»). Как бы то ни было, существует авторитетная традиция, предполагающая, что Йосеф пытался побудить египтян к обрезанию.

Хасидизм считает, что единственным источником жизненной энергии и силы является святость. Искры святости, рассеянные во всем мире, обеспечивают существование всех тварных феноменов. Но тогда мы должны признать, что действия Йосефа – насаждение в стране Египетской священного обряда – значительно усилили мощь и жизнеспособность Египта и впоследствии это негативно сказалось на положении евреев в египетском пленении. Именно ощущение, что их внутренние силы значительно возросли, не в последнюю очередь побудило египтян поработить евреев. К этому мнению склоняются все последователи лурианской Кабалы.





По утверждению же Талмуда (Хулин, 60б), политика переселения египтян с одного места на другое, проводимая Йосефом, положительно сказалась на евреях, переселившихся в страну Египетскую: коренное население воспринимало их как обычных переселенцев.

В чем же разница между этими двумя «реформами» Йосефа, если одна из них обернулась евреям во благо, а другая – во вред?

Переселения египтян, предпринятые Йосефом, никак не взаимодействовали с духовными основами жизни египтян или евреев. В то время как «рассеивание» духовных ценностей в Египте обнаружило свою неуместность: язычники не возвысились до верного понимания структуры мироздания, но обрели дополнительную силу, позволившую поработить избранный народ.

Ребе указывал, что план Йосефа насаждения среди египтян духовных ценностей не был вдохновлен свыше, а выношен им самим – и потому оказался попросту вредоносен. Ребе отмечает, что, казалось бы, вполне разумно мотивированные попытки изменить ближнего часто оборачиваются своей противоположностью. В связи с этим он приводит библейские и агадические доказательства того, что принятое Моше по собственному почину решение не отделять при исходе из Египта детей Израиля от примкнувшей к ним «иноплеменной примеси» обернулось катастрофой – созданием золотого тельца и поклонением ему. Ведь именно под влиянием иноплеменников евреи соблазнились и впали в идолослужение.

Попустительство по отношению к чуждым духовным ценностям оборачивается размыванием собственных. Наставник не должен снисходить до чьего-то духовного уровня, но поднимать обучаемого до себя самого – лишь в этом случае можно рассчитывать на эффективность процесса обучения.

וְאֵלֵינוּ יְנוּעֵהֶם יְנוּעֵהֶם אֵלֵינוּ

Рассматривая Алоху в перспективе Б-жественного замысла, Ребе не раз указывал: от каждого из нас требуется большее, чем просто исполнение буквы Закона. Обосновывая этот подход, он ссылался на Мидраш, в котором сказано, что цель заповедей – «очищение личности, с тем чтобы человек мог обрести единение с Б-гом» (Брейшис Раба, 44:1). Б-г требует от человека не просто деяний, но – целостности личности, когда задействованы не только сознательные способности человека: действия, речь, мысль, но и подсознательные мотивации: принципы воли и удовольствия, лежащие в основе нашей активности. Все, что дано человеку, все его таланты и способности должны слиться воедино во имя исполнения задачи, поставленной Б-гом перед нами. В противном случае мы имеем дело с пустым, «механическим» исполнением требований Алохи, когда заповедь не затрагивает пнимиус – внутренних ресурсов человека.

Ребе подчеркивал: одна только Тора может проникнуть целиком всю личность человека, затронув самые косные измерения его существа, недостижимые для воздействия духовных способностей. Раввинистическая традиция учит нас: человек является микрокосмом, мирозданием в миниатюре, и в нем мы видим те же ступени бытия, что и в окружающем нас мире: материальность, лишённую души, растительное, животное и человеческое начала. Об Аврааме сказано, что удостоился он Бжественного благословения, «потому что слушался голоса Б-га». В этой формуле на иврите причинная связь – «потому что» – передана словом «айкев», буквально означающим «пятка». В хасидской традиции сказано, что в этой формуле речь идет о том, что даже наша пятка должна внимать духовным повелениям. Духовное должно проникать всю нашу личность, наполняя нас «с головы до пят».

Преображение ученика – это преобразование всего его «я», во всей целостности такового.

«ЗАЖГИТЕ ДУШУ ПЛАМЕНЕМ ТОРЫ»:

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С РЕБЕ

Еврейская Алия

Еврейская Алия: ашкенази-еврейская община в Израиле в 1972 году. В центре: Ицхак Рабин, слева: Залман Шазар, справа: Менахем Мендлу Шнеерсон.



Ицхак Рабин в ожидании встречи.

В те годы Ицхак Рабин был послом Израиля в Вашингтоне, и президент его страны, Залман Шазар, велел ему лично засвидетельствовать свое почтение Любавичскому Ребе Менахему-Мендлу Шнеерсону в день 70-летия духовного лидера хасидов.

И вот Рабин сидит в приемной, на голове – золотисто-голубая ермолка, которую он не надевал со времен бар-мицвы, и чувствует себя иностранцем в чужой стране.

Когда его наконец провели в «святая святых», Рабина поразило: лицо Ребе лучилось сиянием. Это было лицо ангела, наполовину скрытое квадратной седой бородой и увенчанное фетровой шляпой, чуть приподнятые поля которой напоминали крепостную стену, призванную оборонять разум – сколько орд кичливых завоевателей от современности в бессилии были вынуждены отшатнуться от этого рубежа!

Но больше всего Рабина поразили глаза: широко посаженные, затененные тяжелыми ресницами, над которыми двумя высокими арками вздымались брови. Цветом эти глаза напоминали морскую лазурь, переливающуюся целым спектром оттенков: они настойчиво вопрошали, светились мудростью, вниманием, добротой, дружеским расположением. Позже мне довелось узнать: когда душа Ребе погружалась в скорбь и смятение, эти глаза наливались серым, напоминая небо, затянутое тяжелыми тучами.

Это были глаза человека, прозревающего загадку в привычно-обыденном, поэзию – в повседневности и видящего великое в малом. Эти глаза притягивали верующих, наполняя их души

счастьем, радостью, готовностью к самопожертвованию. Однако Ицхак Рабин всегда чурался подобных сантиментов, будучи практичным, земным человеком до мозга костей.

Рабин и Ребе по большей части обсуждали дела в Вашингтоне. Но, когда мудрец перевел разговор с земного на небесное и заговорил о Торе, вечности, духовном уделе каждого человека, глаза посла потускнели. С его точки зрения, все это было выше человеческого понимания: Рабин был старым суровым солдатом, вскормленным жестким хлебом повседневности, для него реальность всегда представлялась явлением физического, а не метафизического порядка.

И все же он ушел под большим впечатлением от встречи с Ребе. Позже Рабин с восторгом говорил мне: «Этот человек знает о том, что творится в Израиле и на Ближнем Востоке, лучше, чем большинство членов Кнессета!»

Президент Шазар был рад услышать его отчет. В детстве Шазар был воспитан в хасидских традициях и на закате жизни находил глубокое удовлетворение в возвращении к этому опыту, восстановлении разорванной, казалось бы, нити.

Во время своих нечастых визитов в Нью-Йорк он готов был пренебречь дипломатическим протоколом и предпочитал – как ученик – сам навещать Ребе в Бруклине, вместо того, чтобы обременять его просьбами прийти для беседы в отель «Уолдорф», где Шазар останавливался в качестве главы Израильского государства. Один эпизод даже вызвал недовольство израильского правительства и прессы: журналисты застали запыхавшегося Шазара, в канун Пурима спешащего навесить Ребе в его апартаментах на Истерн Парквей, 770. За спиной Шазара надрывались сирены полицейского эскорта на мотоциклах, вспыхивали мигалки. «Чего они там, дома, от меня хотят?! – не выдержал Шазар. – Я могу быть президентом Израиля, но при всем том я еще и простой хасид, ищущий встречи со своим Ребе. У них что, есть возражения?!»

Позже, июльским днем 1977 года, в похожей ситуации оказался Менахем Бегин. Нестриженный репортер в несвежем костюме с «непосредственностью», свойственной почти всем, кто работал тогда в «Уиллидж войс» – издании, претендовавшем быть голосом радикалов от интеллектуализма, – поинтересовался у него: «Лишь недавно вы были избраны премьер-министром Израиля. Что заставляет вас идти на поклон к Ребе Шнеерсону? Насколько я помню, протокол предполагает, что он должен прийти к вам с визитом».

«Интервью» происходило на ступеньках штаб-квартиры Любавичского движения в тот момент, когда Ребе вышел приветствовать Бегина – и попал под перекрестный огонь репортерских блицев. Бегин не растерялся. «Да что вы говорите? – обернулся он к журналисту. – Мне нравится постановка вопроса!» И с глубоким пиететом продолжил: «Я пришел сюда, потому что сейчас я нахожусь на пути в Вашингтон, где мне впервые предстоит встретиться с президентом Джимми Картером. И что может быть естественнее, чем испросить перед этой встречей благословения самого мудрого из евреев. Ребе Шнеерсон – один из выдающихся сынов еврейского народа, живущих в наши дни. Его просто не с кем сравнить. Право, его благословение укрепит меня для выполнения миссии, которая столь важна для будущего моей страны».

«А у Ребе будут на это какие-либо комментарии?» – не унимался репортер.

Ребе ответил: «Я готов от всей души дать благословение. Если что-то надо к этому добавить, скажу так: честь, которую оказал мне своим визитом премьер-министр, я отношу не на свой счет, а расцениваю ее как признание заслуг Любавичского движения, стремящегося всемерно способствовать распространению Б-жественной любви и света Торы среди всех евреев, живущих на земле».



С Залманом Шазаром.

Ребе и Бегин были давними друзьями, их беседа наедине затянулась почти на час, а после ее окончания Бегин сказал Ребе, что после поездки в Вашингтон я (автор. – И. А.) вернусь в Нью-Йорк, чтобы рассказать Ребе о ходе переговоров в Белом доме.

Вот как получилось, что через пять дней после этого разговора я оказался один на один с Ребе в его кабинете, отделанном деревом и обставленном простой старинной мебелью, тронутой временем. Потертые от частого использования тома Талмуда, множество толстенных книг выстроились на полках, напоминая о веках учености и тех спорах, которые вели поколения мудрецов – раскачиваясь, бормоча молитвы, показывая пальцем на тот или иной пассаж в комментариях. Эти люди пребывали в особом мире мудрости, где учитель – это не тот, кто учит, а ученик – это не тот, кто лишь вникает, тот и другой заняты одним – постижением Б-га.

Мы говорили на иврите – Ребе на классическом, я – на современном. И покуда он вникал в мой отчет о поездке в Вашингтон, я все больше и больше ощущал силу его личности. Это было что-то за пределами познаваемого. И это таилось в самом его существе, принадлежало его душе, дарованное ему, живущему в тени каштанов и кленов Бруклина, никогда не выдавшему маков и сосен Иерусалима – по какому-то загадочному стечению обстоятельств ему так и не довелось там побывать...

Мой рассказ, прерываемый вопросами, обрастающий пояснениями, продолжался три часа. Было уже два часа ночи с лишним, и я чувствовал себя совершенно выдохшимся. Ребе же, полный сил и энергии, попросил передать Бегину такие слова: «Твердо отстаивая Эрец Исроэл в Белом доме, вы вселяете уверенность в весь еврейский народ. Успеха в деле защиты Эрец Исроэл вы можете добиться только в том случае, если будете избегать конфронтации с США. Только такова может быть позиция государственного мужа, следующего традиции нашего народа. Эта позиция: честность, твердость без оговорок или извинений. Сила и смелость – ее основа».



С Менахемом Бегиним.

Ребе произнес это мягким голосом – но сколько в этом голосе было огня!

Затем, расслабившись, сплетя пальцы рук, он пристально взглянул мне в глаза и произнес с удивительно теплой улыбкой: «Как получается, что мы столь часто с вами встречаемся – и вы вроде бы столь близки нам по духу, – но при этом вы не являетесь хасидом?»

Я на миг растерялся от прямоты этого вопроса. Это было правдой: я уже в третий или четвертый раз встречался с Ребе. Многие годы я был чем-то вроде неофициального посредника между премьер-министрами Израиля и «Любавичским двором».

Несколько смутившись, я пробормотал: «Возможно, объяснение состоит в следующем: я встречал множество людей, приписывающих им Ребе силы, на которые он сам вовсе не претендует».

Еще не кончив говорить, я почувствовал, что взял на себя слишком много. Голос мой дрогнул.

Ребе нахмурил брови, и его голубые глаза подернулись серой пеленой печали. Безо всякого нажима он произнес: «Йеш к-нире аношим а-зекуким л-кобайим» («Есть люди, которым, чтобы стоять, нужны костыли»).

Повисла долгая пауза. Возможно, обостренная способность Ребе к внутреннему восприятию открыла ему мои мысли, потому что прозвучавшее дальше было ответом на невысказанный вопрос.

Подняв ладонь в жесте, как бы снимающем всякую возможность недоверия, и улыбнувшись мне ободряющей улыбкой, Ребе произнес: «Позвольте, я попытаюсь объяснить, что я делаю. Представьте, что вы смотрите на свечу. И что вы видите перед собой? Столбик воска с фитилем посередине. Но как и когда фитиль и воск становятся свечой? Иными словами, когда они исполняют то, ради чего сделаны? Свеча становится свечой, когда вы подносите к фитилю пламя».

Покуда он говорил, в его речи стал нарастать ритм, который можно услышать у талмудиста, цитирующего Писание. Конец речи звучал как молитва: «Воск – это тело, фитиль же – наша душа. Зажгите душу пламенем Торы, тогда человек исполнит то, ради чего пришел в мир. Именно это я и стараюсь сделать – зажечь душу народа пламенем Торы».

В наш разговор то и дело врвался настойчивый писк звонка, напоминая, что еще множество людей ждут аудиенции у Ребе. Я поднялся и раскланялся, но затем спросил: «Моя свеча – Ребе зажег ее?» «Нет, – ответил он, похлопывая меня по руке. – Я дал вам спичку. А зажечь свечу можно лишь самому».

ОТСИДЕТЬСЯ НЕ УДАСТСЯ НИКОМУ!

Судьба российского еврейства неотделима от тревожных судеб всего нашего многострадального отечества. Это единение, эта братская солидарность не однажды служили источником силы в тот тревожный час, когда «Иван» и «Абрам» совместно доказывали собственную верность отчизне, подвергшейся смертельной опасности.

Так было, так есть, так будет!

И вряд ли существует необходимость подтверждать это словами, когда хватает и сравнительно недавних фактов и хрестоматийных примеров, давно уже прочно ставших достоянием истории. Хочется даже верить – частью школьных программ.

Не просто более разумно, а насущно необходимо размышлять теперь о настоящем. Ибо оно не сулит ни безоблачных дней, ни радостных ночных фейерверков, ни юмористических телепередач без начала и конца. По крайней мере тем, кто адекватно воспринимает реальность.

История – будем объективны – вступила в новую фазу. Фаза эта именуется борьбой с терроризмом. Борьбой, предполагающей массовое участие всех, кто страшится за судьбу близких и судьбу отчизны. Иными словами, думает о завтрашнем дне.

Было бы неверно утверждать, будто противная сторона нам мало известна, что мы не имеем о ней представления. Имеем. Знакомство это, даже если счесть его беглым, не должно кому-либо разрешить пассивность, позу, памятную всем: сидеть у моря и ждать погоды. Ждать нечего и некого. Противник не отличается хорошими манерами, не нуждается в вежливом приглашении. Не на того напали.

В оправданном стремлении предотвратить очередную стадию роковых событий российские спецслужбы, хоть и с опозданием, но все откровеннее обращаются к опыту Израиля. Оно, конечно, надо было раньше. Но лучше поздно, чем никогда.

Именно еврейское государство выступает в авангарде целеустремленной борьбы с терроризмом, не признающим границ и каких-либо других препон. Как не признал их нацизм, прославившийся «хрустальной ночью», лагерями, снабженными печами-душегубками.

Ничто, однако, не спасло гитлеровских ублюдков. Не должно спасти и их наследников, принявших на вооружение пластиковые бомбы, тротильные шашки, легковые машины, начиненные взрывчаткой. Короче говоря, террористы не сидят сложа руки. Заблуждаться на сей счет не стоит. И не стоит предаваться самоуспокоению или самодовольству. Час для этого еще не наступил. Разве что у недоумков, сходящих с ума при мысли о вчерашних успехах. Необходимо, повторяю, думать о завтрашней опасности и смотреть правде в глаза. Даже коли эта правда досадна, обидна. Ничего тут не попишешь. Правда далеко не всегда отличается приятностью во всех отношениях.

Терроризм романтизации и украшательству не подлежит. Хотя именно на этом настаивали несколько десятилетий назад. Когда государство наше любило поигрывать мускулами и демонстрировать бессмысленную жестокость, вызывающую всеобщий страх.

Терроризм – это бессмысленная жестокость в квадрате. Она, коли пользоваться медицинской терминологией, подобна ужасу перед чумой. Но средства борьбы с чумой тут не применишь. Хотя последствия террора сопоставимы с последствиями чумы, уничтожающей все на своем пути, не делая исключения ни для детей, ни для женщин, ни для инвалидов.

Знакомая психология? Знакомые принципы?

Совершенно верно.



Однако уловить это безусловное сходство, эти безусловные совпадения еще недостаточно.

Нужны выводы, подкрепленные новым знанием, новым опытом. Таким, как, скажем, Беслан.

Скудость подобного опыта у российских спецслужб, в конечном счете, объяснима. Но сейчас не время искать виновников этой досадной ситуации.

Девиз «На войне, как на войне» касается каждого. В том числе и того, кто надеялся отсидеться – если не в кустах, то хотя бы в сторонке.

Только отсидеться никому не удастся. Н и к о м у.

Война с террористами – война с фанатиками, сознательно идущими на смерть ради гибели ни в чем не повинных людей. То есть каждого из нас. И не надо полагаться на спасительное якобы «авось». Единственное, чего можно с его помощью достичь, – репутация труса. Которая при данном положении дел не слишком отлична от репутации предателя.

Многовековой опыт и опыт последних лет исключает малейший повод для благодушия. Тотальный терроризм требует не менее тотального противодействия.

אִי צְדִי אַאִי עֶא

אַאְעֶאֶדֶנֶעֶא יִיאִי נֹעֶ אַאֶאֶדֶאֶוֶעֶ אַאֶדֶאֶנֶעֶוֶ יִאֶוֶעֶי

III נֻאָצֶאֶ אֶאִיֶּ

«אַאֶדֶאֶנֶעֶאֶב יִאֶוֶעֶי אֶדִי נֶנֶעֶ אֶוֶאֶאֶוֶ יִאִיֶּ יֶעֶ עֶצֶ נֶאִיֶּ וֶוֶ
אַעֶעֶבֶאֶעֶיֶ וֶוֶ אֶיֶ עֶדֶאֶ»

2 סעודות א יומא יעדערע III פלאץ אאאדאעע אדערעע יאיעי דינע. א יומאיעי אדערעע יאיעי ווי אויב פאדערעע איעא 400 אאאאויא עץ 178 אדערעע יאיעי. א דאאויא אויב א יעדעע א-אויבא ידערעע אאאדאעע אדערעע יאיעי נִיאֶ עֶאעֶ עֶאאאֶאֶ ידאאויאעֶאעֶ אֶאֶיעֶפֶדאעֶע ידערעעאֶאֶ דו, יומעווא יאיעי אויב יודא, א דאעא דינעיע ידאאיעאאֶיעֶ אדערעֶ אֶוֶאֶאֶ יאֶ אויבאֶיעֶ י איעוֶאֶ דינע.



В рамках съезда, являющегося высшим органом ФЕОР, состоялись перевыборы руководящего состава федерации. Съезд констатировал, что Федерация еврейских общин России является всероссийской религиозной организацией ортодоксального иудаизма. Главная цель ФЕОР – возрождение еврейской жизни во всей ее полноте и многообразии.

Президент России Владимир Путин обратился к участникам и гостям съезда с приветствием.

«Убежден, что работа форума будет способствовать консолидации конструктивных сил общества, утверждению в нем гражданского мира и согласия, – говорится в послании президента. – Деятельность вашей Федерации способствует приобщению российских евреев к национальной культуре, служит благородным целям возрождения духовных и нравственных ценностей, сохранению вековых традиций взаимного уважения, добрососедства и терпимости». Как отметил президент, «это особенно важно для нашей страны, где веками живут люди разных национальностей и вероисповеданий».

«Только сообща мы сможем успешно решать важнейшие проблемы эффективного развития России, давать отпор международному терроризму, бороться с проявлениями ксенофобии и антисемитизма», – подчеркнул Владимир Путин в заключении.

На открытии съезда выступил главный раввин России Берл Лазар.

Поблагодарив участников съезда, глав и активистов общин, раввинов, он подчеркнул: несмотря на то, что достижения ФЕОР за время, прошедшее после предыдущего съезда, впечатляют, сделать предстоит гораздо больше, чем сделано до сих пор. «Начинать пришлось почти с нуля, поэтому высокие проценты роста, конечно, радуют, но не удовлетворяют, – заявил главный раввин России. – Если где-то в общине было 500 человек, а стало 1000 – это вроде бы стопроцентный рост, но этого, конечно, еще очень мало».

Раввин Берл Лазар далее сказал: «Сколько бы мы ни говорили, что победили коммунизм, что сегодня свобода, что никто уже не может помешать человеку быть евреем, – но ущерб, который был нанесен нашему народу в советские времена, огромен. На протяжении трех поколений наш народ был лишен религии, традиций, культуры. Мы, как говорится, успели вскочить в самый последний вагон – еще немного, и еврейства в России могло бы просто не остаться...»

«Не буду долго объяснять, почему так важно, чтобы каждый человек знал свои корни, осознавал свое еврейство, гордился им, – продолжал главный раввин России. – Б-г недаром сотворил всех людей разными, недаром создал разные нации и народы! Реальные ценности в любом обществе всегда формировались вокруг семьи, вокруг общины. Поэтому для нас особенно важно сейчас восстановить эти ценности, наши традиции, нашу семью, нашу духовность... Если мы не сумели в каком-то регионе, в каком-то городе охватить всех евреев до последнего, – значит, мы сделали недостаточно».

Подумать и решить, как нам прийти в каждый еврейский дом, – так раввин Берл Лазар определил главную задачу съезда.



В этой связи духовный лидер евреев России сформулировал три идеи.

«1. По официальной российской переписи у нас только 230 тысяч евреев. Все мы понимаем, что это абсурд. Есть много причин, объясняющих, почему эти цифры появились. Я говорил со многими прихожанами: от силы один из десяти внес в перепись свою национальность! Раньше у каждой общины была книга "Пинкас а-кеила", в которую записывали всех евреев. При современных компьютерных технологиях сделать такую книгу можно не только в городе или регионе, но и на общероссийском уровне. Кстати, это поможет тысячам людей найти своих потерянных родственников, которых из-за трагических событий XX века разбрало далеко друг от друга.

2. Надо постараться, чтобы в каждой еврейской семье были основные книги еврейства. Тогда каждый еврей, по крайней мере, будет знать, кто он и что значит "быть евреем".

3. В каждом городе должен быть общинный дом: место, куда любой еврей мог бы прийти и заняться тем, что ему близко и интересно. Везде, где есть община, должен быть общинный дом. Так мы объединим религию и культурную жизнь. Это будет местный центр еврейской духовности».

«Наша община будет одной из самых значимых еврейских общин мира, – сказал в заключение раввин Берл Лазар. – Такая община нужна и России, и Израилю, и всему еврейскому народу. Мы приглашаем каждого разделить нашу победу. Но каждый должен чувствовать свою долю ответственности. Наш долг – объяснять людям, которые к нам приходят, что община – это не только место, где "получают", но и куда "вкладывают". Уверен, кто вложит в свою общину, получит от Б-га во сто крат».

Еврейская община России – одна из самых динамичных и быстро развивающихся в мире; об этом свидетельствуют данные статистики, приведенные на III съезде ФЕОР.

С докладом об итогах развития еврейской жизни в последние годы выступил исполнительный директор федерации Валерий Энгель.

Вот лишь некоторые цифры, которые он привел:

- * ФЕОР объединяет 178 еврейских общин в 170 городах России;
- * под эгидой федерации действуют 35 синагог, 36 раввинов работают в 33 городах;
- * работают 4 высших религиозных учебных заведения, а также система дополнительного образования для детей и курсы переподготовки учителей воскресных школ;
- * отремонтировано и построено 11 крупных общинных центров, запланировано строительство еще 30 общинных центров в разных регионах;
- * в городах России успешно функционируют 19 общеобразовательных школ с еврейским этнокультурным компонентом и 16 детских садов;
- * работают 20 детских оздоровительных лагерей;
- * действуют 94 еврейские воскресные школы и 368 клубов по интересам;
- * в гуманитарных программах ФЕОР участвуют свыше 100 000 человек;
- * ежемесячно распределяется более 90 000 благотворительных обедов;
- * оказана поддержка 128 приютам в 114 городах; открыт еврейский детский дом в Москве, питомцы которого воспитываются согласно законам иудаизма;
- * получили помощь 12 712 сирот и детей из неблагополучных семей;
- * распределено более 300 тонн продовольственной помощи;
- * адресная помощь оказана более чем 120 учреждениям для несовершеннолетних в 52 субъектах Российской Федерации;
- * годовой тираж ежемесячной и еженедельной прессы только на территории России превысил 2,5 миллиона экземпляров.

Эти факты, по словам Валерия Энгеля, свидетельствуют о том, что в последние годы в России происходит «ренессанс религиозной и культурной еврейской жизни».

ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА С ГЛАВНЫМ РАВВИНОМ РОССИИ

Á òîò æá äáü îððåäáò Ðííèè Áåääèì èð Ýòèí íðèíý á Èäàì èá æäááí íáä ääáèíà Ðííèè Áäðèà Èáçàðà



Президент сообщил, что государство будет помогать в возрождении еврейских общин. «Будем работать и дальше вместе», – сказал глава государства.

«Мы говорили на одной из предыдущих встреч о проблемах, с которыми сталкиваются еврейские общины в регионах. В некоторых из них – Красноярске, Ростове-на-Дону, Оренбурге – позитивное движение идет, по имеющимся у меня данным», – отметил Владимир Путин.

Главный раввин России согласился с президентом. Он сообщил, что на Дальнем Востоке открылась синагога и общинный центр. В Хабаровске, Владивостоке, Биробиджане – «тенденции хорошие». «В Биробиджане сам Б-г велел», – с улыбкой ответил Владимир Путин.

Вместе с тем главный раввин России Берл Лазар признал, что в некоторых регионах еще остаются проблемы, связанные с возрождением и развитием еврейской общинной жизни. Говоря об открывшемся в Москве III съезде ФЕОР, он отметил: «Мы подводим итоги того, что было сделано за последний год. Слава Б-гу, можно констатировать, что еврейская жизнь динамично развивается, возрождаются культура, традиции, язык».

**ΙΉΑΝΝ-ΕΙΙΩΑΔΑΙΟΕΒ ΟΑΑΑΔΑΟΕΕ ΑΑΔΑΕΝΕΕΟ ΙΑΨΕΙ
ΔΙΝΝΕΕ: «ΑΨΟΨΑΑΔΑΙ - ΙΑΔΙ Ι ΑΒ Ι ΟΑΑΟΝΘΟΑΙ Ι ΙΝΟΥ»**

*Ι à ιδισσασάε ά άαι εάσ ππααα ιδανν-είιόάδαί όεε, ιηνγυαίίτε αα ιόεδυόερ ε άπό δά:ά
αααίτá δααείά Διίνε Ααδέα Έααδα η ιδαεάαί όιι Αέααεί εδιι Ιόείύι, Ααδέ Έαααδ δανπααε
αοδιάεειόαι ι ππταε ααπκá η ααατέ αππκáδπόαα. Ιί ιόι αόεε, :όι αύεί ααοδιόοί ι ίπá οαι, á
:άπό ίππδε, δά:ύ οεά ι ππá αί γοιáε πεόόάοεε ά πδούά, ι όιι, εαεεά ππυάπδάπδ ιδπáεαι ύ ε εαεεά
άπόι αππδεααί εγ. Ι δαεάαί ό ειόάδαππáεπγ ιδγυαί εγι ε άι όεππι εόεει á ε όαι, εαε :άπδάπδ ό
ππγ áαδθε ά δαειύδ δαείίαδ. «Ι ύ ιδπειόιόι εδιáαεε αα ι όιι, :όι ππá αί γ ιαεβπáαόπγ όαι ααί όεγ
ε όι άι ύοαι εβ είεε:άπόαά άι όεππι εόππεό άεόεε», - ππίαυεε Ααδέ Έαααδ*



В пресс-конференции также приняли участие исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель и глава Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин.

Валерий Энгель рассказал о работе III съезда ФЕОР.

На вопрос телеканала «Столица» о том, присутствуют ли на съезде ФЕОР представители других конфессий, Валерий Энгель ответил: «У нас был представитель Управления внешних церковных связей Русской православной церкви отец Михаил Прокопенко, был представитель Союза муфтиев России, который зачитал приветствие съезду муфтия Равиля Гайнутдина. Уровень межрелигиозных отношений в нашей стране очень высок. Думаю, не каждая европейская страна может похвастаться такими отношениями, какие сложились у нас. Наша задача – распространить опыт взаимодействия и связей, дух толерантности на все общество».

Борух Горин напомнил о некоторых межконфессиональных акциях, в которых участвовала ФЕОР, в частности об акции против наркомании среди молодежи «Поезд в будущее», проекте помощи семьям пострадавших в местах боевых действий, и о ряде других программ. «Мы должны четко осознавать, – сказал он, – трагедия Беслана – это национальная катастрофа, но гибель таджикской девочки в Петербурге – это катастрофа такого же масштаба. Когда дети гибнут от рук обезумевших фанатиков – это всегда трагедия, вне зависимости от цвета кожи, национальности и религии той семьи, которая лишилась ребенка».

Отвечая на вопрос «Российской газеты» о том, какие главные проблемы были подняты на съезде, раввин Берл Лазар отметил проблему самоидентификации. «Сегодня многие просто не знают, что такое быть евреем, – сказал он. – По официальной переписи в России проживают 200–300 тысяч евреев. Между тем реально евреев как минимум миллион. 70 лет коммунистического режима нанесли огромный ущерб, но сейчас есть возможность сделать так, чтобы все было по-другому. А для этого евреям необходимо получать информацию, читать книги, бывать в общине».

На вопрос газеты «НГ-религия» о том, будет ли увеличиваться количество раввинов, действующих под эгидой ФЕОР, главный раввин России ответил: «Количество раввинов не является оптимальным, – можно сказать, мы только начали! В будущем раввины будут работать даже в маленьких городах. К сожалению, в России недостаточно раввинов. Но сейчас открываются ешивы, где их готовят. Лучше, конечно, чтобы в России работали раввины, которые здесь родились. В стране уже есть 30 раввинов – это хорошо».

Валерий Энгель напомнил присутствующим, что в начале 1990-х годов в Ростове, например, не могли собрать миньян. А Борух Горин сообщил, что лишь в прошлом году ФЕОР начала направлять раввинов в города, где проживает менее 10 тысяч евреев. В Москве, по самым скромным подсчетам, проживает не менее полумиллиона евреев и действует всего 5 синагог. МЕОЦ объединяет 27 тысяч

еврейских семей: эта цифра кажется невероятной! Но что это для города с полумиллионным еврейским населением?

На вопрос «Едиот Ахронот» о том, сколько же евреев сегодня проживают в России и имеют возможность быть евреями, Борух Горин ответил: «По различным данным, в России проживают от 270 тысяч евреев до 10 миллионов. Мы должны понимать: речь идет не только о проблеме самоидентификации. Просто многие, являющиеся евреями с алохической точки зрения, об этом не догадываются. А многие из тех, кто принимает активное участие в еврейской жизни, по паспорту неевреи. До 80% учащихся еврейских школ евреями не записаны. Сегодня раввин Лазар выступил с идеей независимой переписи еврейского населения страны. Это задача, которую нам предстоит решить. Мы предполагаем, что евреев в России примерно в 6 раз больше, чем по официальной переписи, если не считать тех “потерянных” евреев, которые просто не знают о своих корнях. Чтобы вернуть “потерянных” евреев, необходимо пробудить понимание, зачем нужна религия и связь с наследием предков... Порой люди, узнав о том, что они евреи, сразу же начинают интересоваться еврейством».

Говоря о проблеме самоидентификации, главный раввин России Берл Лазар отметил: «В приемные дни приходит такое количество неевреев, которые хотят стать евреями, что это просто удивительно. Большинству из них мы отказываем, поскольку считаем, что это неправильно – менять религию. Быть евреем – огромная ответственность. Важно, чтобы те, кто действительно являются евреями, ощущали свою тесную связь с еврейством».

А. Ашкенази

Участники съезда не обошли своим вниманием проблему антисемитизма и ксенофобии. В принятой резолюции подчеркивается, что в России нет государственного антисемитизма и что антисемитские настроения в обществе снижаются. В то же время в стране продолжают действовать расистские группы скинхедов, маргинальные антисемитские партии и организации.

Поэтому в резолюции съезда ФЕОР выражена озабоченность низкой активностью правоохранных органов по профилактике и раскрытию преступлений, совершаемых на расовой и национальной почве.

«ФЕОР обращает особое внимание на необходимость эффективного внедрения в общественное сознание принципов толерантности, что невозможно без участия представителей традиционных религий. Действующие программы являются недостаточно продуктивными и не подразумевают участия служителей культа. Россия – одна из немногих стран, где не только отсутствует конфронтация между основными религиозными течениями, но и наличествует плодотворное сотрудничество между конфессиями. Распространить этот опыт на все общество – важнейшая задача как власти, так и религиозных организаций, – подчеркивается в резолюции. – III съезд Федерации еврейских общин России обращается к президенту страны, правительству, руководителям правоохранных органов и представителям традиционных религий с призывом разработать новую совместную программу толерантности применительно к различным возрастным, профессиональным и социальным категориям россиян».

Участники съезда приняли также резолюцию «О состоянии и развитии межконфессионального сотрудничества». Особо было отмечено активное участие ФЕОР в работе Межрелигиозного совета России, а также в создании Межрелигиозного совета стран СНГ.

В качестве приоритетных направлений межконфессионального сотрудничества съезд ФЕОР определил борьбу с терроризмом, борьбу за мир, воспитание толерантности и взаимного уважения между последователями разных религий, распространение в обществе знания основных законов морали (семи законов сыновей Ноя), реализацию социальных и гуманитарных программ.

Ίη ἰ ἀὐτὰρ ἔπειτα εἰρήνη ἀφ'ἑλλητῶν αἰῶν ὀφείλει

ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ УКРАИНЫ ПРИОБЩАЮТСЯ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ

7 ноября в Днепропетровске прошел первый региональный Конгресс еврейских женщин, организованный Федерацией еврейских женщин Украины. Эта организация была создана по инициативе супруги главного раввина Украины Сары Хайкиной совместно с женами раввинов Днепропетровского региона. Федерация ставит задачу приобщения как можно большего числа еврейских женщин к традициям национальной жизни. Нынешний конгресс – важный шаг в этом направлении.



Завава Эдри из Кривого Рога, Дина Стамблер из Днепродзержинска, Дина Саламон из Кременчуга, Дина Сигаль из Полтавы выдвинули идею проведения конгресса в одной из крупных еврейских общин, где могли бы собраться еврейские женщины из разных городов. Организацию конгресса взяла на себя днепропетровская еврейская община, а Хана Каминецкая и Сара Стамблер возглавили оргкомитет и совместно с Юлией Барам и Нелли Гориновой провели огромную подготовительную работу.

Конгресс проходил в зале днепропетровского театра им. Шевченко, где собрались более тысячи еврейских женщин. В форуме приняли участие делегации Криворожского, Днепродзержинского, Кременчугского, Полтавского, Мелитопольского, Запорожского, Харьковского и Донецкого регионов. Самая большая делегация представляла днепропетровскую общину. Значительную поддержку в организации и проведении конгресса оказали Федерация еврейских общин Украины, фонд «Ор Авнер», «Джойнт», Израильский культурный центр, представительство Еврейского агентства.

В холлах первого и второго этажей театра работала выставка, посетив которую женщины не только узнали много нового о деятельности еврейских организаций, но и приобрели книги, видеофильмы, музыкальные диски и кассеты, посуду, косметику, еврейскую символику. Здесь встретились подруги, знакомые по семинарам и летним лагерям, по совместным поездкам в Израиль и на могилы праведников. Возможность снова увидеться на конгрессе, определяющем дальнейшее развитие еврейской жизни в Украине, было большой радостью для всех.



Форум открыла посол Государства Израиль в Украине Наоми Бен Ами. Сара Хайкина в своем обращении к собравшимся отметила: «Женщина дает жизнь, женщина создает свет в доме. Женщина ответственна за духовную чистоту и святость в своем жилище. Именно поэтому мы создали Федерацию еврейских женщин и проводим этот конгресс – мы должны поддерживать друг друга в непростой, но благородной миссии».

Всех участников и гостей форума благословил главный раввин Украины Азриэл Хайкин. После церемонии торжественного открытия началась работа конгресса. С лекциями о еврейском образе жизни выступили Мирьям Москович (Харьков), психолог Луиза Липшиц (Бостон), Александр Фридман и Меир Верзуб из Израиля. Очень подробно обсуждались две главные темы – еврейская Суббота и соблюдение кашрута. По этим темам прошли мастер-классы, в ходе которых еврейские женщины обменялись рецептами, научились самостоятельно делать субботние свечи, рассмотрели вопросы правильного проведения субботних трапез.

В завершение программы первого Конгресса еврейских женщин всех ждал сюрприз – выступление камерного оркестра «Времена года» под управлением Дмитрия Логвина. Прощаясь, участницы конгресса отмечали, что благодаря таким встречам еврейские женщины Украины обретают единство и получают возможность обратиться за помощью в решении любых возникающих проблем. А организаторы заверили, что отныне конгрессы будут проводиться регулярно в различных городах Украины.

P. Nadeia

ΑΓΓΛΙΑ ΝΙ ΑΕΑΟΓΑΔΓΑΙ ΟΙ ΟΑΒΒΙΒΕΣΙ ΓΙ: ΝΙΟΒΟΑΙ ΕΧΑΝΟΑΙ ΕΑΧΑΕΙ ΓΑΑΕΝΟΑΕΑ

Ναεδοαδι Νιαοα ααγιαπποε Βηηεηε Οααοοεε Εαοι Εαατα αποοοεεγυ α Εοαι εαη αααι οι οααεητι Βηηε Ααεηι Εααοηι ε ιοαηαοαεαι ιοααεαεγ Οααοοεε ααεηεεο Γαηεη Βηηε Αεαεηα αδι Αιδηε.

Участники встречи обсудили проблему международного терроризма и возможности еврейской общины России по налаживанию взаимодействия российских антитеррористических структур с мировыми организациями, имеющими большой опыт антитеррористической борьбы. Стороны подчеркнули необходимость дальнейшего сотрудничества в борьбе с международным терроризмом.

Особое внимание секретарь Совета безопасности РФ и главный раввин России уделили положению на Ближнем Востоке и поискам возможного выхода из сложившейся ситуации. В ходе встречи обсуждалась роль российского государства в урегулировании ближневосточного конфликта.

Также состоялся обмен мнениями по проблеме антисемитизма в странах Европейского союза. Раввин Берл Лазар подчеркнул, что «в России, в отличие от Европы, ситуация с проявлениями антисемитизма на бытовом уровне постоянно улучшается».

По окончании встречи раввин Берл Лазар и Игорь Иванов подчеркнули конструктивный характер состоявшейся беседы. Секретарь Совета безопасности России дал высокую оценку деятельности еврейской общины и главного раввина России, направленной на противодействие терроризму.

«ДЕЛА ТВОИ УГОДНЫ Б-ГУ И ЛЮДЯМ»

24 октября в ГЦКЗ «Россия» состоялась торжественная церемония вручения премии ФЕОР «Человек года-5764».



Вели программу праздника Лев Новоженев и Елена Ханга, которая сообщила изумленной публике, что является правнучкой раввина.

Премия «Человек года» была учреждена в минувшем году Федерацией еврейских общин России. Ее денежный размер составляет 35 тысяч рублей. Номинантам вручается также статуэтка известного израильского скульптора Франка Мейслера, изображающая «скрипача на крыше». «Это символ, говорящий о том, что, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства, человек должен оставаться “скрипачом духа”: быть на высоте и продолжать играть на своей скрипке», – отметил глава Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин.

Сцена ГЦКЗ была роскошно декорирована. Перед началом церемонии зрители увидели лазерное шоу, а актеры Государственного музыкального театра национального искусства исполнили танцевальный пролог.



Церемония началась с выступления главного раввина России Берла Лазара.

«I u adu:aa'i i dai ep ca oi, +oi +aei:aae ma:ae a da:ai ea i di:aaio:aa' aa'a, - na:ae i i. - Eaa:ai e ep i an oi:oi ci:aa, +aa' ai:oea e a +ai i ia ai:aeouy' ai:uo:aa'. I aoe i aa:ou o-ao: na:aa' i dai eouy' e oi q +oi au i aoe aa'a au ee i deyo i u e A-ai, e i ed:aeapuei epay'i. Adu:ay' i dai ep, i u aa' dei: "Ni a:ai. Oai adu ou i iae:ou au ou aa:ai a oi, +oi oate aa'a aa' au e A-ai e epay'i". I aoe ma:ai yoi ea i i ei ai ou - epae aa-ee:aa' da:ai de:aa' ai:aaoua oi i ua I i u i aa:ae:aa'i eo ca oi, +oi ma:ei da:ai oi, ai:aa'no:ai e oi i i i i aa:ee:ee'ni n ad:ai e. I dai ey' "xaei:aae aa'a" - yoi i de:ai ea eo ca:aa' A aa:ai ay' ca:aa' +aei:aae e i ad:aa A-ai, e i ad:aa i au:ai:ai - aa:ou i a no:ie:et ay' ma'y, iei:uei ay' ad:aa B aa:ai, i aoe ea:da:ou aa'aa' aa:oo i i i aa:ou i ae:apuei ny'».



«Человек-легенда» Оскар Фельцман.

Народный артист России Иосиф Кобзон впервые представил номинацию «Человек-легенда». Этого звания за выдающийся вклад в российскую культуру был удостоен известный композитор, народный артист России Оскар Фельцман. Иосиф Кобзон исполнил его песню «Баллада о красках», а также популярные еврейские песни «Лехаим» и «Тум-балалайка».



Губернатор Еврейской автономной области Николай Волков.

В номинации «Региональный руководитель» за содействие в возрождении еврейской общинной жизни и организацию празднования 70-летия Еврейской АО был награжден губернатор Еврейской автономной области Николай Волков.

В номинации «Общественная деятельность» за серию благотворительных концертов в еврейских общинах России был награжден народный артист России Александр Розенбаум. Артист спел несколько своих песен, в том числе «Ерушалаим».

Ведущий вечера Лев Новоженев напомнил, что в зале собрались делегаты III съезда ФЕОР. «Неоценим вклад во все достижения ФЕОР народного артиста России Михаила Семеновича Глуза, – сказал он. – Пусть Всевышний благословит его и его труды». Михаилу Глузу, завершившему свою деятельность на посту президента ФЕОР, главный раввин России Берл Лазар вручил памятную грамоту. «Я от души благодарю всех сидящих в этом зале и поистине оставляю здесь частичку своего сердца», – сказал в ответном слове музыкант.



Директор издательства «Гешарим / Мосты культуры» Михаил Гринберг и директор московского отделения издательства Инна Аблина.

В номинации «Телевидение» за цикл передач «Кто мы? Еврейский вопрос – русский ответ» награды были удостоены главный редактор телеканала «Культура» Татьяна Паухова и автор – ведущий цикла Феликс Разумовский.

Награда в номинации «Правозащитная деятельность» за противодействие экстремизму и ксенофобии была вручена ученому и правозащитнику Николаю Гиренко посмертно. Зал почтил память выдающегося сына России вставанием и минутой молчания.

В номинации «Журналистика» за освещение жизни еврейской общины России звания «Человек года-5764» был удостоен председатель Совета директоров группы «Интерфакс» Михаил Комиссар.

В номинации «Общинная жизнь» за возрождение духовности и традиционных еврейских ценностей в регионе России был награжден председатель попечительского совета еврейской религиозной общины Красноярска Борис Абрамович.



Актер и режиссер Владимир Машков с исполнителем главной роли в к/ф «Папа» Олегом Бероевым.

За возрождение еврейской народной песни в номинации «Музыка» награду получил известный певец и актер Ефим Александров-Зицерман. После вручения премии он спел две песни. Во время исполнения одной из них, «Хасидский танец», главный раввин России Берл Лазар вышел на сцену и... под бурные аплодисменты зала от души сплясал вместе с артистом.



Автор цикла передач «Кто мы: еврейский вопрос – русский ответ» Феликс Разумовский.

За финансирование строительства еврейских общинных центров России звания «Человек года-5764» был удостоен губернатор Чукотской АО Роман Абрамович. И следующий номер программы – шуточный танец Государственного академического ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева «Футбол» – намекал на всем известное хобби лауреата.



Певец и актер Ефим Александров-Зицерман.

В номинации «Кинематография» за достижения в области искусства, связанные с еврейской темой, были награждены режиссер-постановщик и исполнитель главной роли в фильме «Папа» по пьесе Александра Галича «Матросская тишина» Владимир Машков и генеральный продюсер картины Игорь Толстунов.

В номинации «Просветительская деятельность» за плодотворную работу в области еврейского просвещения и книгоиздания были премированы директор издательства «Гешарим / Мосты культуры» Михаил Гринберг и работник издательства Инна Аблина.



Народный артист России Александр Розенбаум.

Программу вечера продолжили актеры Государственного музыкального театра национального искусства В. Назарова, которые исполнили фрагмент спектакля «Скрипач на крыше». В заключение торжественной церемонии, режиссером и сценаристом которой был заслуженный деятель искусств России Григорий Кантор, все участники под музыку вышли на сцену. Зрители поздравили лауреатов бурными аплодисментами.

ПРЕМИЯ «ЧЕЛОВЕК ГОДА-5764»



В номинации «Человек-легенда» композитор, народный артист России Оскар Фельцман за выдающийся вклад в культуру России.

В номинации «Кинематография» актер и режиссер Владимир Машков за раскрытие еврейской темы в фильме «Папа».

В номинации «Общественная деятельность» народный артист России Александр Розенбаум за серию благотворительных концертов в еврейских общинах России.

В номинации «Региональный руководитель» губернатор Еврейской автономной области Николай Волков.

В номинации «Телевидение» главный редактор канала «Культура» Татьяна Паухова и автор цикла передач «Кто мы: еврейский вопрос – русский ответ» Феликс Разумовский.

В номинации «Правозащитная деятельность» (посмертно) Николай Гиренко за противодействие экстремизму и ксенофобии.

В номинации «Музыка» певец и актер Ефим Александров-Зицерман за возрождение еврейской народной песни.

В номинации «Журналистика» председатель Совета директоров группы «Интерфакс» Михаил Комиссар за освещение жизни еврейской общины России агентством «Интерфакс».

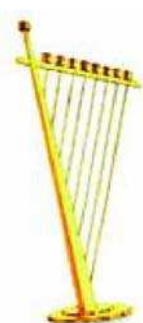
В номинации «Общинная жизнь» председатель попечительского совета еврейской религиозной общины Красноярска Борис Абрамович за развитие духовности и традиционных еврейских ценностей в регионе России.

В номинации «Меценат года» губернатор Чукотской АО Роман Абрамович за финансирование строительства еврейских общинных центров России.

В номинации «Просветительская деятельность» директор издательства «Гешарим / Мосты культуры» Михаил Гринберг и работник издательства Инна Аблина за плодотворную работу в области еврейского просвещения и книгоиздания.

ПО СТОПАМ ДАВИДА ПСАЛМОПЕВЦА

*7 וְיָבֹא אֵל תְּעָא וְתַאמָאֵל וְעוֹלָם בַּיּוֹם אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא
«שְׁלוֹשָׁה בָּיִטְעָ» וְתַאמָאֵל וְתַאמָאֵל אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא
וְתַאמָאֵל וְתַאמָאֵל אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא אֲדָבָא*



Приоритеты, объявленные Конгрессом, отражает и символ конкурса – Золотая Ханукия, сочетающая в себе элементы традиционного восьмисвечника и одного из древнейших музыкальных инструментов – невелия, изобретенного царем Давидом Псалмопевцем.

В этом году география и состав участников конкурса значительно расширились: поступило более ста заявок из 12 стран. К прошлогодним участникам из России, Германии, Израиля, Украины, Австралии, Чехии и США присоединились артисты из Канады и Австрии. В этом году отборочный этап был продлен, что позволило многим молодым талантам достойно выступить на конкурсе, который проводился по пяти номинациям – «Музыка», «Эстрада», «Хореография», «Театр» и «Детское творчество».



Матвей Костюковский, занявший 3-е место в конкурсе кларнетистов.

Итоги подвело авторитетное международное жюри под председательством профессора, народного артиста СССР Иосифа Давидовича Кобзона. Как отметила руководитель оргкомитета конкурса, исполнительный директор Европейского бюро ВКРЕ Лариса Сысоева, авторитет Иосифа Кобзона очень высок в музыкальных кругах России и русскоязычного зарубежья. Именно его участие в работе жюри стало залогом непредвзятой и объективной оценки конкурсантов, свидетельством высокого уровня конкурса.

В состав жюри вошли также А.С. Левенбук (СНГ), Г.А. Кантор (СНГ), И.Л. Шевц (СНГ), А. Файн (Израиль), В. Ганелин (Израиль), Д. Шемер (Израиль), Б. Исаков (США), С. Портнянская (США), Б. Фрумкин (Германия), Л. Магази́нер (Германия), Л. Ман (Германия).



Керен Хаимова (2-е место в конкурсе фольклорного еврейского вокала).

В числе участников были как уже признанные мастера, например Владимир Могилевский из Германии (фортепиано), получивший специальный приз за выдающиеся успехи в музыкальном искусстве, так и молодые таланты, приятно удивившие жюри своим мастерством и дарованием. Настоящим открытием стали юная скрипачка Алина Пинхас из Австрии, лауреат нескольких международных конкурсов, чье филигранное исполнение было удостоено 1-го места, и уникальная танцевальная пара Роман Левитас (Германия) и Алена Дискина (служащая сейчас в израильской армии): им жюри также единогласно присудило 1-е место. Было отмечено очень высокое мастерство кларнетистов; после долгих совещаний победа в этом конкурсе была присуждена Кириллу Рыбакову из России. Учитывая высокую конкуренцию между участниками, к определению победителей жюри подошло творчески: талантливых исполнителей отмечали также специальными призами и дипломами.

«Лауреатами конкурса стали те, кто совместил в своем выступлении профессионализм и оригинальность исполнения. Особенно были отмечены участники, обратившиеся в своем творчестве к еврейской традиции и культуре», – говорится в заявлении жюри.



Хиллари Клинтон поздравляет Веронику Горелик, получившую специальный приз – золотую статуэтку «Юная надежда».

Вручение призов и большой гала-концерт лауреатов пройдет 16 декабря в лучшем концертном зале Берлина «Урания». В нем примут участие Иосиф Кобзон и Ян Арлазоров (Россия), Светлана Портнянская (США), Евгений Шаповалов (Израиль). Вести программу будет Людмила Мела, ведущая канала RTVI, хорошо известная русскоязычной аудитории по ток-шоу «Значимые люди». **ААИ**

ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМ В БЕСЛАНЕ

Операция по реконструкции глаза, утраченного при атаке террористов в Беслане, была сделана 28 октября в Нью-Йорке десятилетней Ане Кадалаевой.

Приезд девочки в США организовали Международный фонд помощи пострадавшим от терактов и Всемирный конгресс русскоязычных евреев совместно с ФЕОР в рамках акции «Спешите делать добро». О бесплатной операции в нью-йоркской клинике офтальмологии и отоларингологии договорился активист ВКРЕ, основатель международной организации «Врачи против терроризма» доктор Игорь Бранован, заведующий отделением госпиталя The New York Eye and Ear Infirmary.

Аню, вместе с младшей сестрой Аленой, привела на праздничную линейку во двор школы мама, 28-летняя Ирина Кадалаева. Во время штурма она погибла, Аня потеряла левый глаз, а Алена получила огнестрельное ранение и перелом ноги. Девочки не знают о смерти матери, Аня помнит только, как в зале прогремел взрыв и как она выпрыгнула из окна. В Нью-Йорк девочка приехала с бабушкой Татьяной Бесаевой.

В Москву для первой операции ее доставил из Беслана самолет МЧС. В клинике Гельмгольца девочке вместо потерянного глаза поставили линзу. Эстетически она выглядела неплохо, но требовала регулярных, не реже чем раз в полгода, визитов к московским офтальмологам.

В США первоначально планировалось удалить Ане осколок, оставшийся глубоко внутри черепной коробки, но врачи пришли к выводу, что такое нейрохирургическое вмешательство было бы слишком рискованным. И тогда, по словам доктора Бранована, предложили поставить новый протез глаза: у хирургов клиники есть большой опыт проведения подобных операций. Заведующий отделением офтальмологии клиники доктор Роберт Делла Рока установил Ане протез глазного яблока, сделанный из натурального коралла. Его структура позволяет тканям прорасти внутрь него так, что через некоторое время инородное тело станет частью организма.

«Офтальмологи прикрепили мускулы обоих глаз к этому кусочку коралла, поэтому, когда Аня будет смотреть направо, новый глаз тоже будет поворачиваться направо, – рассказал Игорь Бранован. – Через три-четыре недели на новое яблоко будет нанесена тонкая пленка с нарисованным зрачком, и его будет невозможно отличить от настоящего».

Восстановительный период после операции займет около двух месяцев. 9 ноября к Ане прилетят сестра и отец. Как сообщил глава Международного фонда помощи пострадавшим от терактов Андрей Могиланский, после Нью-Йорка Кадалаевых ждет поездка в Диснейленд: во Флориде они будут жить несколько недель в американских семьях.

«Для жертв Беслана наша организация собрала более одного миллиона долларов. Эти деньги будут распределены между всеми пострадавшими, и на сегодняшний день уже более ста семей получили нашу помощь, – сказал А. Могиланский. – Мы начинаем новую программу по оказанию медицинской помощи все еще находящимся в больницах детям из Беслана. В ходе этой программы намерены привозить в США или другие страны детей, нуждающихся в операциях, которые не проводят в настоящее время в России».

Її і аòадеаеаі еі оїої аеіііііо ааіі оїоа

ΝΑΪΒ ΙΓΘΑ ΙΑ ΟΒΙΑΟ

Γύλααίε ίπύπ ία-αένύ γάγυεγ ά άπένάπύό σέίέαό άεγ άαόαε ε άπύπύό, ίοέδύοόό Άάδύαένέε ί άπότ Άάπύ εόύά έύάάάά άπύπύό-ίίά άάάάάά ά άόάάά Άίπύ-ίίέ Άάδύ άίεε. Çà η-άό ίόάάί άίίίέ ε όύόύί ίόάάέγάάίίέ ηένόάί ύ άάάέπύά ίάάάάάίέγ ΆΕΔΑ ηόάάί εόπύ ίόάάίόάάάόέόύάίç ίάέίόφ άπύέι έέγύεφ ίάάάάάίόάά έç ηόάάί άύάάάά ΝΝΝΔ



Ίά ίάάάί γάγυόέέ ά ίίάέ σέίέα «Ί ίάά Έίά-άά».

«Мы уже установили тесный контакт с 15 еврейскими общинами, – рассказывает координатор и один из авторов проекта Элла Нилова. – Все председатели общин, с которыми мне довелось говорить, горячо поддерживают нашу идею».

В октябре такая школа с символическим названием «Ноев Ковчег» открылась в городе Брауншвайге. Помещение ей предоставил Еврейский культурный центр «Александр Давид».

На первом занятии педагог Дмитрий Тукусер познакомил детей 4–8 лет с еврейскими сказками, а затем все вместе лепили фигурки из глины. В это время родители беседовали с одним из руководителей центра Аллой Казакевич и координатором проекта Эллой Ниловой, обсуждая, насколько важно для детей, живущих в диаспоре, обрести свою культуру и традиции.

По словам Эллы Ниловой, новая воскресная школа обязана своим существованием энтузиазму педагогов – преподавателю еврейской традиции, русского языка, изобразительного искусства и танцев Дмитрию Тукусеру и учителю английского языка Ирине Беличенко, которым помогает Илья Воронов. Работают они на общественных началах, но, как говорится, «своя ноша не тянет».

Профессиональному росту педагогов будут способствовать различные семинары, которые проводит Европейское бюро ВКРЕ в Берлине. Кстати, оно готово оказывать и финансовую поддержку школе. Такие учебные заведения открыты и в других городах. Всем им предоставляются методические пособия, а некоторым – например, школам Брауншвайга и Коттбуса – выделяются средства на приобретение материалов для уроков рукоделия и на гонорары учителям. В ближайшее время запланировано открытие воскресной школы в Любеке.

Методическое руководство воскресными школами ВКРЕ взял на себя Центр еврейского образования в диаспоре имени раввина д-ра Джозефа Лукштейна – старейший научно-исследовательский институт Университета Бар-Илан. Центр занимается разработкой учебных программ, организацией курсов совершенствования учителей и анализом учебного процесса в еврейских школах диаспоры.

Ί. Έέόόίάά

«**ÓÇÁÁËËÑÒÁÍ - ÍÀØ ÍÁÙÈÉ ÁÍÌ**»

1921 íéõÿáðÿ á Òáøéáíóá á íóáèá «Ííéóáðò» íðíøéà íáðáÿ Íæáóíáðíáíÿ éííóáðáíóèÿ íí íðíáèáí àí èçááíéÿ «Èðáðéíé ááðáèíéé ÿíðééèííáèé Óçááèèòáíá», çááòí áíííé è èíéðéèðíáíííé áðóíííé ó-áíúò Óçááèèòáíá ííá ðóèíáíáíòáíí áèááííá ðáááèðíðá èçááíéÿ, áèáááí èéá Áèááèí èðá Ííéúéíáíéíá, íðè ðíááèíðáèé Ááðáèéíá íáðéííáèíííáí èóèíðóðííáí óáí òðá ðáííí óáèèèè è áðíáèò ááðáèíéèò íðíáí èçáðéé.



Á.Ñ. Ííéúéíáíéé è Ç.Á. Øòáéí.

Научный форум собрал ученых, общественных деятелей, лидеров еврейских организаций из Узбекистана, США, Израиля, России, Германии и Испании, а также представителей разных общин республики. Редактор Российской еврейской энциклопедии, академик Зеев Вагнер приветствовал участников конференции и отметил большую работу, которая была проделана коллективом редколлегии Еврейской энциклопедии Узбекистана под руководством В.С. Польшковского и З.А. Штейна на общественных началах. «Я впервые в Узбекистане, который в 1940-х годах стал оплотом Любавичского движения в СССР, – сказал Зеев Вагнер. – Очень много сделал Ташкент и для евреев, бежавших сюда в годы второй мировой войны. Для меня это – святой город».

Главный раввин Центральной Азии Абе-Довид Гуревич благословил работу по составлению и изданию Еврейской энциклопедии Узбекистана. «Конференция стала важным моментом в возрождении еврейского самосознания в Узбекистане, – сказал он. – Еврейская энциклопедия позволит сохранить след нашей общины в истории страны, даст возможность каждому еврею еще больше узнать о лучших представителях своего народа, будет воспитывать чувство гордости за принадлежность к нему».

С докладом о целях и задачах работы по составлению и изданию «Краткой еврейской энциклопедии Узбекистана» выступил академик В.С. Польшковский. Согласно решению редколлегии энциклопедия будет создаваться под девизами: «Узбекистан – наш общий дом» и «Никто не забыт, ничто не забыто».

Представитель Навоийского горно-металлургического комбината, кандидат экономических наук Яков Друбецкой от имени генерального директора этого предприятия академика Николая Кучерского поздравил коллектив редколлегии с началом работы по составлению энциклопедии и поделился воспоминаниями о евреях, которые в содружестве со специалистами других национальностей наладили добычу урана в Кызылкумах в 1960-х годах, а сегодня создают золотой запас Узбекистана.

Профессор Эдуард Хайкин (США), председатель Американского комитета содействия узбекистанской еврейской энциклопедии, поделился воспоминаниями о вкладе евреев в хлопководство республики, а также в развитие спорта в Узбекистане.

В докладе академика Эдуарда Ртвеладзе были изложены результаты исследований о евреях в доисламской Средней Азии.

Зоя Аршавская, доктор Еврейского университета в Иерусалиме, сообщила о некоторых итогах работы по изучению синагог бухарских евреев в Самарканде, а профессор архитектуры и дизайна

Мавлюда Юсупова рассказала об исследованиях архитектуры еврейских кварталов Бухары и знаменитой самаркандской синагоги «Гумбаз».

Кандидат исторических наук Галина Дресвянская выступила с рассказом о материалах, хранящихся в Еврейском музее Ташкента. Аспирант Университета им. Гумбольдта (Германия) Томас Лой представил доклад об устном народном творчестве бухарских евреев, изучение которого проводилось Институтом Центральной Азии и Афганистана.

Председатель правления Русского культурного центра в Узбекистане Светлана Герасимова, комментируя ход конференции, заявила, что у еврейской общины можно поучиться стремлению сохранить для потомков память о своих достижениях и о видных людях общины.

«История еврейства в Узбекистане насчитывает около двух тысяч лет. Еще в конце 1980-х годов в республике проживали более 100 тысяч наших соплеменников. Наша задача – запечатлеть на научной основе дела и творения видных членов общины, ее “золотой фонд”. Это нужно и нынешнему поколению, и молодежи, которая “принимает эстафету”. Поэтому мы приглашаем к сотрудничеству наших соотечественников в Израиле, США, Австралии, Австрии, Германии и других странах мира. Пишите нам, присылайте документы, воспоминания, фотографии – все пойдет в дело», – сказал в заключение главный редактор Краткой еврейской энциклопедии Узбекистана академик В.С. Польшковский.

Конференция приняла резолюцию, одобряющую работу, проведенную в 2003– 2004 годах редколлекцией энциклопедии и волонтерами, и рекомендовала продолжить ее по всем направлениям, предусмотренным проектом, с учетом замечаний и предложений, высказанных участниками конференции. В резолюции особо отмечено, что все желающие могут активно включиться в работу по составлению и изданию энциклопедии.

Â. Âadi ai, Â. I'rieanee

יְוֵהוּוֹעֵא אֵאדֵאֵנֵיֵאֵי וֹאֵי וֹדֵא אַ צַאיֵי דֵיֵוּא

26 октября в Запорожье, на улице Победы, открылся Еврейский общинный центр имени Макса Гранта. На торжественную церемонию съехались гости не только со всей Украины, но и из других стран. Тысячи запорожцев пришли приветствовать открытие нового Еврейского Дома. Свое благословение по случаю открытия центра прислал главный раввин Украины Азриэл Хайкин.



В письме раввина Хайкина сказано: «От всего сердца поздравляю вас и всех евреев Украины с важным событием в еврейской жизни нашей страны – открытием Еврейского центра им. Макса Гранта в Запорожье. Я благословляю открытие нового центра и уверен, что работа объединившихся под одной крышей еврейских организаций позволит начать реализацию в Запорожье новых масштабных проектов, направленных и на всемерное улучшение жизни евреев вашего города, и на укрепление межнационального мира и согласия в нашей стране».

Торжественную церемонию открытия центра посетили мэр Запорожья Евгений Карташов и заместитель председателя администрации Запорожской области Лариса Сизинцова. В своих выступлениях гости особо подчеркнули, что на запорожской земле царит дружба между народами, и еврейская община города, одна из самых крупных национальных общин, имеет возможность свободно развиваться. Эти слова руководителей администрации подтвердила программа праздничного концерта, в которой выступили не только еврейские творческие коллективы, но и представители болгарской, татарской, грузинской общин, а также украинские артисты.

«Центр просто необходим евреям Запорожья, – сказал главный раввин города Нохум Эрентрой. – Теперь в этом уютном современном здании смогут развивать свою деятельность различные еврейские программы, сюда будут приходить семьями – от самых маленьких евреев нашего города до тех, кто пережил страшные годы войны, Холокоста, антисемитизма и теперь нуждается в нашей помощи». Раввин Эрентрой поблагодарил всех, кто оказал поддержку общине: британскую благотворительную организацию WJR, «Джойнт», а также меценатов из Запорожья, Днепропетровска и других украинских городов. «Наша совместная работа еще раз доказывает, что евреи Украины, евреи всего мира совместными усилиями могут решить задачи действенной помощи возрождающимся еврейским общинам», – подчеркнул запорожский раввин.

А. Йейтс

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ וְיְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

23 октября главный раввин Донбасса Пинхас Вишецкий встретился с городским головой Славянска Анатолием Левитом. Руководитель администрации Славянска выразил удовлетворение тем, что еврейская община города получает в собственность здание, в котором молились прадеды нынешних евреев.



בְּיָמֵינוּ יִשְׂרָאֵל וְעַתָּה עִירָנוּ וְעַתָּה עִירָנוּ עִירָנוּ עִירָנוּ עִירָנוּ

«Наш город имеет большую историю, ему 340 лет, и евреи жили здесь на протяжении столетий», – отметил мэр города Славянска. Он пообещал помощь в восстановлении здания синагоги и развитии еврейской жизни.

Раввин Пинхас Вишецкий рассказал городскому голове, что еврейская община Славянска всегда была хорошо известна в еврейском мире. Достаточно сказать, что по приглашению общины сюда несколько лет подряд приезжал на отдых и лечение пятый Любавичский Ребе Рашаб. Здесь он написал много писем и книг по вопросам хасидизма. Раввин Вишецкий поблагодарил городские власти и лично Анатолия Левита.

Затем главный раввин Донбасса вместе с главой Славянска посетил полуразрушенное ныне здание бывшей и будущей синагоги, в котором пока что размещается жилищно-эксплуатационная контора. Раввин Вишецкий и глава администрации обсудили детали передачи здания общине и сроки его восстановления. Уже объявлен конкурс на лучший проект реконструкции здания славянской синагоги.

Главный раввин Донбасса встретился также с членами еврейской общины города и поздравил их с обретением своего дома.

В настоящее время еврейская община Славянска насчитывает более тысячи человек. Ее руководитель, Владлен Ледняк, является одновременно и директором славянского «Хеседа». Городская община действует как структурное подразделение Донецкой областной еврейской общины, получает необходимую материальную и методическую помощь.

Славянская община известна своей организованностью и сплоченностью. Здесь регулярно проводятся субботние молитвы, отмечаются еврейские праздники, на которые собираются сотни человек. Община имеет свой гимн, осуществляет многочисленные образовательные, культурные и социальные программы. Несомненно, с обретением и восстановлением синагоги еврейская жизнь в городе перейдет на качественно новый уровень.

В. Аєдєї

(ІАІАІІЕІАААДАЕНЕІЕААДАЕНЕІЕЕІЕАА)

ЕАІЕА ЕАӨЕИ



Еще совсем недавно эта книга вообще не могла быть опубликована. Кому бы пришло в голову обнародовать переписку русского эмигрантского писателя Алексея Ремизова с сионистом-социалистом, почти никому не известным Борисом Рапчинским, да еще в виде отдельного издания, да еще с комментариями, с биографической статьей о человеке, чьи документы, включая и переписку с Ремизовым, хранятся в еврейском архиве Амстердамского университета?!

Между тем в последние десятилетия весьма важные материалы по истории русско-еврейских отношений постоянно встречаются и в «Ежегодниках рукописного отдела Пушкинского Дома», и в «Исследованиях по истории русской мысли», и в исторических журналах; я уж не говорю о многочисленных работах по истории русско-еврейской литературы или русско-еврейских контактов религиозно-философского направления, связанных с именами хотя бы В. Розанова и П. Флоренского. Или, например, с делом Бейлиса.

На этом фоне появление книги с заведомо не еврейским названием «Ремизов и Голландия. Переписка с Б.Н. Рапчинским» (М. «Наука», 2004), полной, однако, русско-еврейских и голландско-еврейских текстов, удивления не вызвало.

Вызвали удивление состав книги, ее комментарии и приложения. Нет ничего странного в том, что голландские и русские слависты не способны внятно прокомментировать еврейские реалии переписки Ремизова и Рапчинского. Странно другое – тот неожиданный факт, что составительница книги, профессор Т.В. Цивьян, автор ряда работ о Ремизове, не знакома в полной мере с творчеством своего героя и основными публикациями из его архива, которых касаются участники диалога.

Однако все по порядку.

В статье «От составителя», предваряющей книгу, Т.В. Цивьян рассказывает, как голландский ее коллега профессор В. Вестстейн сообщил ей о находке неизвестных писем А. Ремизова к его русско-голландскому корреспонденту, как она загорелась желанием поработать с этими текстами и подготовить их к печати. Одновременно выяснилось, что голландская исследовательница Яна ван Эйтен-Коопманс, изучая биографию Рапчинского, в 20-х годах прошлого века составившего голландско-русский и русско-голландский словари, сохранившие свое значение и поныне, обнаружила его архив, хранящийся в Bibliotheca Rosenthaliana (Judaica et Hebraica).

Судьба этого архива тоже связана с Россией, о чем и сообщается в книге: «Георг Розенталь известен тем, что в 1880 г. он передал городу богатейшую библиотеку своего отца, раввина Элезара (Лазаря) Розенталя, родившегося в России и переехавшего потом в Ганновер. Коллекция еврейских книг и журналов Розенталя-старшего была известна еще при его жизни. После смерти отца Георг Розенталь, обосновавшийся в Амстердаме, предложил коллекцию Берлинской библиотеке, но Бисмарк отклонил его предложение. И с 1880 г. собрание, известное сейчас как Библиотека Розенталиана, является частью библиотеки университета Амстердама». В годы войны, добавим, она была вывезена гитлеровцами в Германию, но впоследствии возвращена университету.

Останавливается составитель и на необычайно возросшем интересе литературоведов к творчеству Ремизова уже в наши дни, называя в этой связи А.М. Грачеву, чья публикация о ремизовских «Соломоне и Китоврасе» нам, в отличие от Т.В. Цивьян, еще пригодится. Наконец, составитель книги сообщает, что оставляет практически в неприкосновенности найденное, прокомментированное и созданное своими голландскими коллегами, отводя себе скромную роль исправителя мелких неточностей и нескромную, на наш взгляд, роль автора двух дополнений к книге в виде собственных статей о Ремизове, не связанных ни с Рапчинским, ни с Голландией.

В качестве особого подарка русским читателям предоставляется действительно симпатичный популярный (последнее странно для изданий «Науки») очерк истории евреев Амстердама, принадлежащий перу О. Тилкес. Этот очерк должен, по мнению составителя, создать необходимый еврейский фон переписки.

Итак, книга перед нами не самая обычная. Впрочем, жизнь Рапчинского тоже далека от банальности.

Итак, кто же был корреспондентом Алексея Ремизова? Об этом призвана рассказать статья Яны ван Эйтен-Коопманс «Борис Наумович Рапчинский (1887–1983)». Попробуем осмыслить, что удастся почерпнуть из этой статьи и как выглядит биография ее героя, построенная лишь на той информации, что имеется у автора. В сущности, мы проделаем сейчас то, что должны были проделать в помощь своим голландским коллегам ответственный редактор книги Вяч. Вс. Иванов и ее составитель Т.В. Цивьян.

Личность Рапчинского и вправду неординарна. Рожденный, как пишет автор статьи, на степном хуторе центральной Украины, недалеко от Кременчуга, происхождение он имел странноватое. По крайней мере, в приведенном в статье письме из частного архива говорится: «Его отец был правоверным евреем, сыном крепостного». Это неожиданно и требует хотя бы какого-то комментария, который, однако, отсутствует. Между тем стоило бы сказать, что это слова из послевоенного письма, написанного уже после того, как в годы гитлеровской оккупации Рапчинский сумел получить документы человека с неопределенным в «арийском смысле» происхождением.

За цитатой из письма следует: «О матери, большой любительнице сказок, Рапчинский вспоминает в предисловии к своим “Сказкам русских лесов и степей” (изданных по-голландски в 1946 году! – Л.К.), книге, в которой он пересказывает сказки, слышанные когда-то от нее. В этом же предисловии Рапчинский обрисовывает простой быт семьи, где верили в домовых, водяных, чертей и русалок».



А. Дай-эйтээ.

Скорее всего, рассказ о подобной еврейской семье есть всего лишь плод фантазии переводчика сказок Б. Рапчинского, создающего биографический миф, призванный подчеркнуть «русскость» автора. В самом деле – не хасидские же сказки, любимые ортодоксальной херсонской еврейской семьей, представляет он иноземному читателю...

То, что этот текст не изумил голландского биографа Рапчинского, вполне естественно. А вот то, что его как должное восприняла профессор-славист Т.В. Цивьян, – необъяснимо. Впрочем, на этом удивительные истории с Рапчинским, не понятые биографом и не замеченные составителем, не кончаются.

К рассказам о матери (1946 год) жизнеописатель корреспондента Ремизова прибавляет его же автобиографические очерки, написанные по-голландски и опубликованные в 1931 году еврейским журналом «В канун Субботы». При этом неожиданно сообщается, что в России существовала процентная норма для поступающих в гимназию еврейских детей, которая давала возможность учиться всего лишь 10–12 процентам. Здесь бы и помочь российскому составителю книги своей голландской коллеге, много и бескорыстно поработавшей над биографией Рапчинского. Известно ведь, что в черте оседлости в Российской империи норма составляла 10 процентов; 5 процентов – это уже вне черты и 3 процента в Москве и Петербурге. Элементарный подсчет показывает, что ни о каких 12 процентах речь идти не может.

Читаем тем не менее дальше и узнаем, что Рапчинский примкнул к еврейскому движению «Греки» – движению людей, «мечтавших о переустройстве мира, вынашивавших планы революционных преобразований и обсуждавших на собраниях в парке захват власти и создание республики по образцу Афин». В итоге эти мечтания привели к участию в беспорядках и еврейской самообороне. А «греки» вступили в партию «Поалей Сион». При этом ни автор статьи, ни составитель книги не заметили, что очерки Рапчинского посвящены Берлу Борохову. Это и есть основатель Рабочей сионистской партии «Поалей Сион». Рапчинский был участником многих акций и съезда этой организации, представителем ее полтавского комитета, напечатался в единственном номере «Еврейской рабочей хроники».

Стоит добавить еще, что марксистско-сионистские основы «поалей-сионизма» были заложены как раз на полтавском съезде партии в 1906 году. С политической активностью Рапчинского – поалей-сиониста – связан и его арест, и эмиграция после полугодичного заключения. Он бежал из России в 1907 году, тогда же, когда и лидер партии Берл Борохов.

Прибыв в Голландию, Рапчинский встретился с тамошними сионистами-социалистами, в частности, как указывает автор статьи, с семьей известных сионистов Персонов. «В 1911 году Давид Персон представлял Союз нидерландских сионистов на сионистском съезде в Базеле». Маша Персон стала первой женой нашего героя.

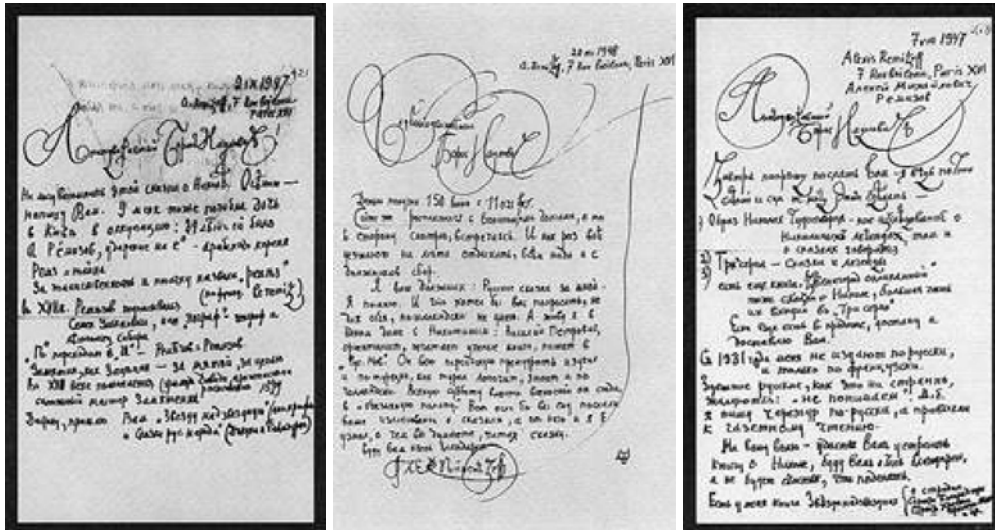
Однако еще более интересен эпизод, который тоже не прокомментирован в книге. Яна ван Эйтен-Коопманс сообщает, что Рапчинский печатался сначала только в левых газетах, а затем писал для газет различной политической ориентации. При этом бывший поалей-сионист резко критиковал политический режим в Советской России. Это существенно отличает Рапчинского от его коллег сионистов-социалистов.

И наконец, наиболее яркий эпизод, характеризующий эволюцию взглядов корреспондента Ремизова: «...Он вразрез с общепринятым мнением напечатал в “Еврейском торговце” статью, в которой он встал на защиту Ставского, несправедливо подозреваемого в убийстве главы сионистского социалистического правительства в Палестине. В редакционных колонках этого журнала отмечалось мужество, с которым Рапчинский отстаивал свое мнение».

Необходимо отметить, что это – ключевой момент в биографии Рапчинского-сиониста. К сожалению, автор статьи не учла, что речь идет об обвинениях правых сионистов-ревизионистов, сторонников Владимира (Зеева) Жаботинского, в убийстве лидера рабочего сионистского движения в Палестине, члена правления сионистской организации, руководителя политического отдела Еврейского агентства и одного из основателей Израильской партии труда Хаима (Виктора) Арлозорова. При этом никакого социалистического правительства в 1933 году в Палестине не было и быть не могло. Краткая еврейская энциклопедия указывает: «По обвинению в убийстве были преданы суду А. Ахмеир, лидер ревизионистской партии, и два других ее члена – Цви Розенблат и Аврахам Ставский. Окружной суд оправдал Ахмеира и Розенבלата. Ставский был осужден, но впоследствии оправдан Верховным судом за недостаточностью улик. Большинство участников сионистского рабочего движения (это и есть наследники

“Поалей Сиона”. – Л.К.) восприняли убийство Арлозорова как доказательство существования фашистских тенденций в партии ревизионистов».

Теперь нетрудно представить себе, во что обошлась соратнику Берла Борохова его позиция по делу Арлозорова, который, кстати, принимал активное участие в организации массовой алии евреев из фашистской Германии.



יְעִיב אֶל אֵל דַּי עֲלֵי אֵל דַּי עֲלֵי אֵל

Сам Жаботинский тоже призывал к массовой алии польских евреев (1,5 млн за 10 лет), к экономическому бойкоту Германии после 1933 года и т.п. Тем необъяснимее были обвинения его в профашистских настроениях. Между тем соратники Жаботинского в Палестине А. Ахмер и Й.Х. Елин в ревизионистском еженедельнике Хазита-ам выражали симпатии к фашизму, в основном – к итальянскому. В редакцию этого журнала 17 мая 1933 году Жаботинский вынужден был написать: «Статьи и заметки Хазит а-ам о Гитлере и гитлеровском движении являются для меня и для всех нас ударом ножа в спину. Я требую абсолютного прекращения этого безобразия. (...) Если в Хазит а-ам появится еще хотя бы строка, могущая быть истолкована как новая попытка маюфиса (раболепства. – Л.К.) жиденят перед случайно победившим хамом, я потребую исключения редакции из партии и порву личное знакомство с людьми, подставляющими мне ногу из-за дешевого уличного зубоскальства».

По-русски обо всем этом и о борьбе Жаботинского с подобными тенденциями можно прочитать в статье профессора Еврейского университета в Иерусалиме Вольфа Московича («Юбилейные заметки о Жаботинском. Евреи в России – эмигранты во Франции». М. – Париж – Иерусалим. 2000/5761).

Нет сомнений, что в середине или конце 1920-х годов бывший сионист-социалист сменил вехи. Об этом свидетельствует и вполне про-жаботинское высказывание из еще одного текста Рапчинского 1935 года; текст называется «Тревога», опубликован по-голландски, о нем идет речь в статье Ван Эйтен-Коопманс: «В 1935 г., в тревожное предвоенное время, Рапчинский выпускает философский опус “Тревога”, проникнутый ощущением неотвратимости катастрофы. В этом эссе он пытается дать ответ на насущные вопросы современности, в первую очередь на еврейский вопрос. По мнению автора, период, последовавший за первой мировой войной, наглядно продемонстрировал, что ни коммунизм в форме большевизма, ни поднимающийся фашизм не разрешают “тревоги века”. Он предупреждает о пагубных последствиях, к которым ведут преследования евреев, начавшиеся в Германии после прихода Гитлера к власти».

В годы гитлеровской оккупации Рапчинскому, как мы говорили, удается зарегистрироваться как полуеврею, однако ни его жена-еврейка, ни дочь таких привилегий не получили. Дочь Рапчинского погибла в Освенциме. «На деньги, пожертвованные Борисом Рапчинским, у Нир Этциона был посажен парк из 2000 деревьев в память о Маше и Людмиле Рапчинских».

Этот поступок вполне достоин сиониста и полностью укладывается и в его собственное мировоззрение, и в мировоззрение всей его семьи.

Àèçàí òèéñéàÿ

5) Íáíÿñí áí èÿ (è àéáéèí ãñáòèÿ)

Ðàçè áð í à í àòèí éá 60 ñòð.»

Далее следует сообщение об издательской судьбе рукописи, предложение издать ее в Голландии. А вот и вывод: «Я верю в царя Соломона – его гаданья всегда сбывались, помню с детства».

Таково это странное письмо. Однако странности быстро исчезнут, если мы обратимся к оставшейся неизвестной Т.В. Цивьян публикации А.М. Грачевой в сборнике Пушкинского Дома Российской академии наук «Александр Блок. Исследования и материалы» (1998). Ее название – «О невоплощенном драматургическом замысле А. Ремизова и А. Блока (“Соломон и Китоврас”»).

Из этой статьи, которую и была обязана предоставить своим голландским коллегам составитель книги, можно узнать, что писал о Соломоне и Китоврасе Ремизов всю жизнь, начиная, по крайней мере, с 1911 года. Что в 1912 году Ремизов признавался в письме А. Блоку: «А я все мечтаю... написать с Вами Китовраса... с прологом “Ванька Каин на Москворецком мосту”. (Действо все на мосту в Москве происходит.) Вы знаете этот мост?».

Из затеи с Блоком ничего не вышло. Масса вариантов действия отложились в Архиве Ремизова в Амхерсте (США). Собственно говоря, это есть основной объект публикаторских усилий А.М. Грачевой.

А вот то, что произошло на мосту, в прозе Ремизова о Китоврасе и Соломоне, можно было бы узнать из книги не 1957, а 1949 года – года написания письма Ремизова Рапчинскому. И текст этот, естественно, есть в крайне информативной работе А.М. Грачевой. Это рассказ «Под мостом» из цикла «Писец – вороное перо» в книге «Пляшущий демон». Цитируем упомянутую работу: «Последней по времени аккумуляцией сюжета о Соломоне и Китоврасе творческим сознанием Ремизова стал рассказ “Под мостом”... В своей очередной реинкарнации герой, alter ego автора, оказывается сподвижником Ваньки Каина, писцом и участником народной драмы, рассказывающим о ней: “С Москвы я не ушел, но с „Каином“ не знался (...) Через Тайную Контору отыскал меня. Он сочинил комедию о Соломоне и Китоврасе: он играет Китовраса, а я царя Соломона. На прощёное воскресенье на глазах у всей Москвы было мое прощание не только с Москвой, а со всем белым светом. В последней сцене Соломон велит расковать Китовраса. И у раскованного кентавра поднялись за спиной крылья. Я снял со своей руки перстень и, ухватя меня за шиворот, да как кокнет – царя Соломона Китоврас закинул на край обетованной земли, и Соломон на берегу теплого моря под звездами очнулся, а я, отшвырнутый с Ехалова Каменного моста, угодил головой в москворецкую прорубь. И меня ожгло таким мокрым огнем, всю память выжгло, да ее подо льдом и не спросят – представление окончилось”».

Заметим, что в этом тексте произошло разделение Автора, игравшего Соломона, и образа самого еврейского царя.

Исследовательница продолжает: «В этом пересказе старого сюжета восстановлена его праоснова как мифа о смерти и воскресении, мифа, ставшего исторической памятью писателя-модерниста».



Титульный лист с дарственной надписью А. Ремизова Б. Рапчинскому.

Действительно, если счесть, что все это было в пасхальное прощёное воскресенье, т.е. в праздник христианской Пасхи, связанный со смертью и воскресением Христа, то все верно. Однако суть ремизовского мифа сложнее и оригинальнее. Ведь к 1949 году исполнилось одно из очень важных «гаданий царя Соломона», в которые всегда верил Ремизов. И ключ к разгадке вновь находится в работе А.М. Грачевой. Она приводит белой автограф текста – на сей раз это «Соломон и Китоврас» из книги 1957 года – и сообщает: «Одновременно с “византизацией” текста Ремизов осовременил его, наиболее откровенно в сравнении с предыдущими редакциями вводя реалии XX в. Таково, например, описание ажиотажа вокруг появившегося Китовраса в Беловом автографе: «В залах хоть и часовых не ставь: заходил спафарий Зеркон и префект Дардан – по экстренному делу, забегали эпимоторы из Paris-Press получить информацию». Подобная нарочитая актуализация текста смягчена (курсив наш. – Л.К.) в печатном варианте 1957 года: «забегали эпимоторы из распространенной иерусалимской газеты получить информацию».

Что же произошло к 1949 году, чего не видят исследователи? Они не учитывают, что царь Соломон был строителем Иерусалимского Храма. И для жителей Земли обетованной было важно знать – окажется ли строитель Иерусалимского Храма со своим народом на Земле обетованной. С этим и связан сюжет с Китоврасом и червячком Шамиром, положенный в основу текстов Ремизова. А как известно, история со строительством будущего Третьего Иерусалимского Храма очень остро переживалась в русской литературе начала XX века, когда Ремизов еще «стоял на Каменном мосту».

Особо остро эти идеи переживались, начиная с 1903 года, когда сионистский конгресс принял окончательное решение о создании еврейского государства в Палестине. Второй раз эта проблема обострилась в 1917 году, когда английское правительство приняло декларацию Бальфура о создании еврейского национального очага в подмандатной Палестине. Недаром Ремизов именно тогда работал над драмой, которую опубликовала теперь А.М. Грачева. Наконец, в 1947–1949 годах проблема обострилась еще раз, уже в связи с соответствующими резолюциями ООН по Палестине 1948 года, образованием Израиля и первой арабо-израильской войной. Рассказ «Под мостом» совпал именно с этими событиями, равно как и письмо Ремизова своему еврейско-голландскому другу. А изменения в рассказе, включенном в книгу 1957 года, где упоминалась некая «иерусалимская газета», попали в более чем актуальный контекст Синайской войны 1956 года.

На этом фоне переписка Ремизова 1949 года, когда публиковался рассказ «На мосту», с рассказом о будущей книге, появившейся лишь через восемь лет со знаковыми изменениями «актуальности» текста, приобретает принципиальное значение.

Надо отметить, что в орбиту мессианских размышлений, связанных с возвращением евреев в Землю обетованную, были включены и В. Розанов, и П. Флоренский, и О. Манделштам, и Б. Пастернак, и О. С. Булгаков, и Н. Бердяев и т. д. А началось все это в «Краткой повести об Антихристе» Владимира Соловьева, «задавшей» парадигму русско-еврейских размышлений на эту тему на весь XX век.

Впервые на саму проблему обратили внимание профессора Еврейского университета в Иерусалиме М. Агурский и Д. Сегал. Последний продолжил тему в статье об О. Мандельштаме и темах ежедневной русской печати в сборнике «Минувшее» (выпуск 3). Здесь были приведены слова тогдашнего петроградского раввина Айзенштадта, сказавшего, что подход войск английского генерала Алленби к Иерусалиму равен для евреев исходу из Вавилонского пленения. Не забудем, что именно тогда был воздвигнут Второй Храм.

Нельзя не отметить, что свои связи с реальным Иерусалимом 1940–1950-х годов были и у Алексея Ремизова. В Иерусалиме жил обладатель грамоты выдуманной Ремизовым Обезьяньей Великой и Вольной Палаты В.А. Залкинд, имевший игровой титул Конкректор Обезвелволпала. Этому человеку посвятил специальную работу «Из комментариев к “Кукхе”. Конкректор Обезвелволпала» в сборнике *Slavica Hierosolymitana* (1977, №1) тогдашний профессор Еврейского университета, а ныне профессор Стэнфордского университета (США) Л. Флейшман.

На этом фоне нет смысла подробно обсуждать вопрос о том, почему составитель и комментатор переписки Ремизова и Рапчинского не смогли ответить на вопрос Ремизова своему корреспонденту, откуда взялось имя жены царя Соломона – Малка? Людям, не заметившим плотный еврейский слой всей переписки, неоткуда было узнать, что слово это и значит «царица»...

Вот если бы Т.В. Цивьян прочла работу А.М. Грачевой о «Соломоне и Китоврасе», то могла бы узнать, что главные идеи Ремизова основаны на книге крещеного еврея академика А. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». Основаны, в частности, на главе «Талмудические сказания о Соломоне и их происхождение. Отношения к Викрамачарите: Асмодей-Мара. Посредством парсизма: Асмодей=Aeshma-daeva». А.М. Грачева пишет: «Глава книги Веселовского начинается с привязки сказаний о Китоврасе к поиску “краеугольного камня”».

Многоязычие источников, использованных в работе А. Веселовского, привело к попыткам Ремизова выяснить целый ряд этимологий. И если турецкие, персидские и арабские он смог осмыслить при помощи своих коллег, то за еврейскими обратился к Рапчинскому. Кстати, мы не исключаем, что и это обращение было вполне игровым...

Сказанное, наряду с упоминаниями некоего иерусалимского друга в других сочинениях Ремизова, свидетельствует о том, что представленная нам публикация его писем и биографии корреспондента автора «Соломона и Китовраса» закончилась конфузом.

Этого позора могло бы не быть, если бы переписка без всяких претензий была издана в разделе публикаций какого-нибудь специального издания, издана без намерения раздуть объем скромных ремизовских страничек до монографии «Ремизов и Голландия», да еще Голландия еврейская. По-видимому, Совет по истории мировой культуры РАН, издавший книгу, еврейскую историю и культуру к сфере своей профессиональной компетенции не относит. К чему это приводит на практике, мы видим.

А перед голландскими исследователями, которых российские коллеги втравили в столь неприятную историю, хотелось бы извиниться.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2004 КИСЛЕВ 5765 – 12 (152)

БРАТЯ БЕЛЬСКИЕ

Èεύγ Έσένεϊ

À ááááá 2003 ááá áááááá ááá éíεáá íá íáááíεáí «The Bielski Brothers» 34-έááíáá áεóóíáέέíá ες Γύρ-Έίθεά Ιέόάά Άάόόε. Έίέáá ááí íááááέίáíε «Í ááááááá εíááíθεý óάáá -άέίááε, έίόίόύá íáááέέε ίάόέίόίá π'άέε 1200 ááááá ε ίίáááέέε áááááíρ á έááí».

В официальной истории партизанского движения в Белоруссии в годы второй мировой войны, как в Советской Белоруссии, так и в ныне независимой Республике Беларусь, ни слова не говорится о трех братьях Бельских, которые не только внесли существенный вклад в борьбу с немецкими захватчиками, но и спасли свыше тысячи обреченных на смерть. Только архивы сохранили документы о их беспримерной борьбе с оккупантами. Эти три брата (Тувья, Асаел и Зусь) спасли столько же евреев, как и всемирно известный Оскар Шиндлер. Возглавляемый старшим из братьев партизанский отряд в сражениях с оккупантами уничтожил почти столько же врагов, как и герои восстания в Варшавском гетто. Много лет материалы об их подвигах упоминались только в нескольких изданных за пределами СССР книгах. Кто бы позволил в бывшем СССР писать о героических подвигах евреев, уехавших после войны в Израиль.

Питер Даффи однажды в Интернете встретил упоминание о так называемых лесных евреях. Заинтересовался и обнаружил, что в Бруклине недалеко от него живут потомки этих героев. Интервью с ними и постаревшими ветеранами отряда Бельских, опубликованные и неопубликованные мемуары, материалы белорусских архивов и архива Яд ва-шем в Израиле легли в основу этой интереснейшей книги.



Асаел

Начинается книга с истории семьи Бельских, предки которых в XIX веке поселились в небольшой деревушке Станкевичи, расположенной между городами Лидой и Новогрудком недалеко от знаменитой Налибокской пуши.

В годы первой мировой войны они пережили немецкую оккупацию, затем их местность отошла к независимой Польше. Осенью 1939 года, после раздела Польши между Сталиным и Гитлером, Бельские стали гражданами СССР.



Зусь

Тувья Бельский родился в 1906 году. После нападения Германии на СССР Тувья не стал подчиняться немецким законам, не стал регистрироваться, носить желтую шестиконечную звезду. Когда начались расстрелы еврейского населения, Тувья и два его брата ушли в леса. Отца, мать и младшую сестру немцы расстреляли. Чудом избежал расстрела 12-летний Арон, вскоре присоединившийся к старшим. Братья Бельские скрывались, когда в район прибыли гестаповские эйнзатцкоманды для «окончательного решения еврейского вопроса» (под этим эвфемизмом фашисты скрывали полное истребление еврейского населения). Братья стали пробираться в гетто Лиды, Новогрудка и других городов и местечек, призывая бежать из них. Так постепенно из небольшой группы в несколько десятков человек родился отряд, который стал сражаться с фашистами.



Тувья

Основной своей задачей Тувья считал спасти как можно больше евреев. Организовав побег большой группы узников из гетто Лиды, он обратился к ним со следующими словами: «Друзья, это один из самых счастливых дней в моей жизни. Вот ради таких моментов я и живу – посмотрите, сколько людей сумели выбраться из гетто! Я ничего не могу вам гарантировать. Мы пытаемся выжить, но мы все можем погибнуть. И мы будем стараться сохранить как можно больше жизней. Мы принимаем всех и никому не отказываем, ни старикам, ни детям, ни женщинам. Нас подстерегает множество опасностей, но если нам суждено будет умереть, мы, по крайней мере, умрем как люди». Отряд Тувьи влился в общее партизанское движение на оккупированной территории. Только четверть отряда составляли вооруженные бойцы. Большая часть состояла из женщин, стариков и детей. Когда секретарь Барановичского подпольного обкома партии Чернышев посетил этот семейный лагерь, он увидел хорошо оборудованные и замаскированные подземные блиндажи, в которых не только жили люди, но и располагались различные мастерские: сапожные, портновские, оружейные, кожевенные, а также подземный госпиталь. Лагерь содержал 60 коров, 30 лошадей, его люди не только находились на самообеспечении, но и помогали другим. Партизанский отряд братьев Бельских успешно участвовал в боях с немецкими войсками во время антипартизанских операций, подрывники отряда пускали под откос немецкие поезда, сжигали и взрывали мосты, повреждали линии связи. Когда немцы решили уничтожить отряд, о котором уже ходили легенды, около тысячи человек двинулись в глубь пуши на небольшой остров среди болот. Шли молча, даже дети не плакали. Густые леса на этом острове полностью укрывали от авиации. Утром немцы достигли опустевшего лагеря, двинулись за беглецами и, подойдя к болоту, попытались пройти его, но не смогли. Три дня они простояли вокруг этого болота, пытаясь найти проходы к острову, а затем покинули лес.



Отряд готовится к бою. 1943 г.

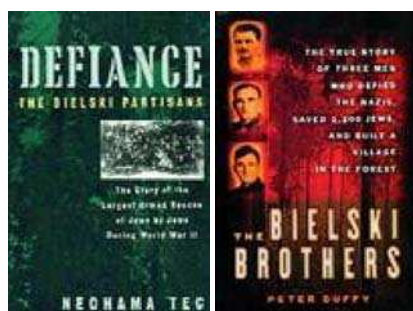
Летом 1944 года в результате операции «Багратион» немецкая группировка в Белоруссии была окружена и разгромлена. И в июле 1944-го окрестные жители с удивлением увидели, как из глубины пуши показался растянувшийся почти на километр отряд Тувьи Бельского. Его национальный состав не оставлял никаких сомнений. И это после того, как немецкая пропаганда утверждала, что Белоруссия «юденфрай», т. е. полностью очищена от евреев. Вскоре Тувью вызвали в Минск, где он составил полный отчет о деятельности своего отряда. Питер Даффи нашел этот отчет в архиве Республики Беларусь и цитирует в книге наиболее значительные его части. После войны братья с семьями отправились в Польшу. Но враждебное отношение населения заставило их перебраться в Палестину. В середине 50-х годов Тувья и Зусь с семьями, а также Арон переехали в США. Поселились они в Бруклине, и Тувья стал водителем грузовика, второй брат, Зусь, – владельцем нескольких такси. Незадолго до кончины Тувьи, летом 1986 года, спасенные им люди сняли шикарный банкетный зал в отеле Хилтон в Нью-Йорке. Когда 80-летний Тувья Бельский появился перед собравшимися, 600 человек как по команде встали и встретили его громом аплодисментов. Один за другим люди поднимались на подиум и рассказывали о героических делах Тувьи. Скончался он в декабре 1986 года. Похоронили Тувью Бельского на еврейском кладбище в Лонг-Айленде, но через год по настоятельному требованию ассоциации партизан, подпольщиков и участников восстаний в гетто он был перезахоронен с воинскими почестями в Иерусалиме на кладбище, где покоятся самые известные герои еврейского Сопротивления.



Партизанский отряд Тувьи Бельского.

1944 г.

Зусь умер в 1995-м. Арон ныне живет в Майами.



Книга Питера Даффи – не единственное издание, посвященное братьям Бельским. Десять лет назад Нехамы Тек, профессор социологии Коннектикутского университета, опубликовала книгу «Defiance. The Bielski Partisans». И если книга Даффи в основном базируется на документальных данных, то книга Нехамы Тек – на воспоминаниях членов этого отряда и родственников Бельских. Обе книги взаимно дополняют друг друга и воскрешают малоизвестную историю героического сопротивления евреев в годы второй мировой войны. Они являются красноречивым свидетельством того, что евреи, поставленные в нечеловеческие условия, не были бессловесными, безропотными жертвами, они воевали в партизанских отрядах на оккупированной нацистами территории, возглавляли подпольную деятельность, восставали в



Í à ááääååññîòöîì . 1936 ää

– Ты, когда прилетаешь в Израиль, чувствуешь прилив особой энергии?

– Да, чувствую. Особенно остро – в первый раз. Странное и очень сильное генетическое ощущение, которому посвящены мои стихи: «Созвездие Рыбы», «Остров Израиль», «Иерусалим»: все они есть в последней книге.

– А сам ты что сейчас читаешь – что, как говорится, лежит на тумбочке?

– Случайно, будучи на отдыхе (нечего было читать), купил книжку Пелевина «Чапаев и пустота», и она показалась мне очень интересной. Вообще, я к постмодернизму отношусь, мягко говоря, с недоверием. Потому что там все держится на приеме. А я считаю, что прием в литературе вовсе недостаточен. Все футуристы – это Маяковский. Все имажинисты – это Есенин... Существует не прием, а реализованный поэт, как правило, о д и н. Хвалить метод или систему нельзя. Речь может идти только о талантливой реализации... И у Пелевина – талантливая реализация приема. Во всяком случае, на фоне тех сорока двух романов, которые мы с тобой прочитали в 2002 году, будучи членами жюри премии «Букер», – он белый человек на фоне дикарей. Мыслящий человек.



წიგნისათვის 1949 წელს

– А скажи честно: за кого ты болел тогда на «Букере»? Я так и недопоняла...

– Больше всех из шорт-листа мне нравился Александр Мелихов. Он потом подарил мне свои книжки – и я прочел его полней и внимательней. Он очень интересный прозаик и трезвый человек. Со своей системой мышления. В частности, я имею в виду книгу «Исповедь еврея»: полукровка на уровне органически антисемитской семьи. Кстати, самые ярые антисемиты – это, как правило, полукровки. Начиная от Фета и кончая Жириновским. Я уж не говорю о Джугашвили...

– Даже Сталин не без этого?

– Что касается Сталина, то – не знаю, насколько серьезно, – но лет так двадцать тому назад в Бухаре (я там случайно оказался) те евреи, которые потом все выехали в Израиль и дальше, очень активно атаковали меня и доказывали, что Сталин был еврей. Почему? «Швили» в отличие от «дзе», «ва» и так далее – это суффикс, который дается только инородцам, так или иначе ассимилированным в Грузии. Не знаю, как дело обстоит с Гурамишвили и другими-прочими знаменитыми грузинами, но я за что купил, за то продаю. Еще. «Джуга» – по-грузински «еврей». Таким образом, эта фамилия в переводе на русский означает «сын еврея». Или – жидович. Третье. Сапожники в Грузии были традиционно евреи. Это как зубные врачи и гинекологи. А Виссарион Джугашвили был холодный сапожник. Такие три соображения.



ადეა «ედიკაი ობადი», ია ეი ოი ოი ია დაქი ობადი ობადი ა. აი ოი ოი ოი ოი.

– Алик, какова этимология твоей фамилии, редкой и красивой? И вообще, поведай, пожалуйста, о своей родословной, а также о родителях и близкой родне.

– Думаю, что ничего такого почетного у меня в еврейской родословной нет. Я знаю свой род не далее дедушек и бабушек. По одной бабке, с отцовской стороны, я Липстер, по другой, с материнской, – Фарфель, то есть тоже какой-то идишский, немецкий корень. Что касается фамилии Городницкий, то она, я думаю, идет от слова «Городницы» – местечко в Польше. Это по линии отца. Фамилия, не имеющая отношения к этносу, а имеющая отношение к месту проживания. Дальше след теряется. Знаю только, что дед по отцовской линии был старостой в синагоге и был чудовищно набожным. Когда он молился, весь дом замирал... Все мои корни – из Могилева. Отец родился в Могилеве, мать родилась в Могилеве, и они там же познакомились, а потом переехали в Ленинград учиться и так далее. Была любовь, поженились, есть фотография 20-х годов...

– На кого они учились?

– Отец был инженер-полиграфист, мать – педагог, она окончила ленинградский пединститут имени Герцена. Потом поехала на Алтай. Отец каждый день писал ей письма. В начале 30-х годов они снова встретились в Ленинграде. Отец кончил фотокинетехникум. 20 марта 1933 года родился я на Васильевском острове. Я уже коренной ленинградец. Но корни мои все в белорусском еврействе. Отец отца, мой дед, прожил 84 года и пережил трех царей. Был крепкого здоровья. Умер, простудившись на чужой свадьбе, в 37-м...

– А что с тобой было во время войны?

– Я вместе с родителями был в Питере, где нас захватила блокада. Вывезли нас в апреле 1942 года уже по ледовой трассе. В эвакуацию, в Омск, в Сибирь. Вообще, мы должны были ехать летом 41-го, как всегда, под Могилев, но не было денег, и мы остались в Ленинграде. И это нас спасло. Потому что всех моих родственников, которые оказались в Могилеве, захватили немцы... Бабушка немцев не слишком боялась: она помнила немцев 1918 года, которые относились к евреям очень лояльно. Вместе с несколькими тысячами других могилевских евреев она погибла в 42-м. Рассказывали, что ее выдали белорусские соседи. В лагере уничтожения в Лупполово ее закопали полуживую в землю, не потрудившись потратить лишний патрон. Вот всё, что я знаю о своей родне и по материнской, и по отцовской линии: очень немного. Знаю еще, что дедушка, который был долгожителем, владел шорной мастерской.



Ἰ δαχαί εέ Ἰ αἰ ὀ οί à 1978 ἡ ἄ

À. Ἀἰ δῆ ἰ εὐ εέ εέ - ἡ ὀ αἰ

– Года два назад я была на твоём творческом вечере в Музее Герцена, где ты читал стихотворение о трагедии русского еврейства. Оно меня потрясло. Помню общее впечатление. Не мог ли бы ты тут прочесть его снова?

– У меня много стихов об этом. Может быть, такое? «Было трудно мне первое время, / Пережить свой позор и испуг, / Став евреем среди неевреев –/ Не таким, как другие вокруг; / Отлученным капризом природы / От мальчишеской шумной среды. / Помню, в Омске в военные годы/ Воробьев называли “жиды”...» Кончается оно так: «Только он мне единственный дорог, / Представитель пернатых жидов, / Что, чирикавая, пляшет “семь сорок”/ На асфальте чужих городов». Стихотворение называется «Воробей», написано оно в 1996-м и впрямь всегда вызывает реакцию аудитории, когда я его читаю.

– Наверное, мой следующий вопрос, приготовленный заранее, уже не уместен, но я его все-таки задам: кем ты себя сильнее ощущаешь – русским или евреем?

– Я отвечу. И снова, Таня, стихотворением, которое твой вопрос трактует дословно. Предваряю историей. Несколько лет назад наш общий друг, поэт Женя Рейн мне сказал: «Саня, давай скорей стихи – тут собирается очень богатый сборник “Поэты-евреи о России”, где и Бродский будет, и я, и Самойлов, и кто хочешь...» Я ответил: «Подумаю и позвоню». Потом позвонил и говорю: «Я не буду участвовать в этом сборнике, поскольку считаю унижительной и неверной саму исходную постановку вопроса. Я не “еврей, пишущий о России”. Я – русский поэт с еврейской кровью. Я себя ощущаю так. И участвовать не буду...» Так вот, есть у меня еще одно стихотворение – об этом. Оно называется «Родство по слову» (написано в 99-м) – им заканчивается моя новая книжка «Снег». «Своим происхождением, не скрою, / Горжусь и я, родителей любя, / Но если слово разоидется с кровью, / Я слово выбираю для себя. / И не отыщешь выхода иного, / Какие возраженья ни готовь, –/ Родство по слову порождает слово, / Родство по крови – порождает кровь».

– Действительно, ответ на мой вопрос. А теперь пора задать вопрос такой: ты по рождению ленинградец, но вот уже больше тридцати лет живешь в Москве. К какой школе ты себя причисляешь – к питерской или к московской? И вообще, есть ли, на твой взгляд, существенная разница меж той и этой поэтикой?

– Да. Есть. Как говаривал покойный переводчик-испанист (и замечательный человек) Овадий Савич, с которым мы дружили: «Этот ваш ленинградский великодержавный провинциализм...» Дело в том, что мы все – и Кушнер, и я – люди одной школы. Мы все вышли из литобъединения, которым руководил прекрасный питерский поэт и педагог Глеб Сергеевич Семенов. Оттуда вышла целая плеяда питерских литераторов. Это была традиционная школа классической силлаботонической русской поэзии, чуждая рыночного модерна и изыска... (Учти: это было в начале 50-х годов, когда большинство из нас даже не знало о поэтике Цветаевой. Не говоря о Ходасевиче и Кузмине.) Возможно, именно поэтому мое стихотворное пространство так ограничено с юности ямбическими размерами. До сих пор, когда я хочу передохнуть, перехожу на пятистопный ямб. Это все равно как не через жабры дышать, а нормально – на воздухе. И это большая беда моя лично – как человека, пишущего стихи (в песнях оно иначе). Есть поэтика, которой я просто не владею. Я, например, большой поклонник поэзии моей жены Анны Наль...



Глеб Семенов (слева), Владимир Кушнер (в центре), Евгений Евтушенков (справа). Ленинград, 1986 г.

– Я – тоже. Помню наизусть ее строки: «Полукровка, твоя пол-литровка опорожнена, пыль дорожная завихряется над таможеню. Пересчитано, что недожито, возвращаешься, как положено. Порубежья тоска острожная...» Ритм дышит вольно, неровно, самобытно...

– Да-да. У нее, у Анны Наль, совсем иная, чем у меня, просодия, ритмика. Она свободнее, как говорил Бродский, «раскачивает размер». А мне это если и удается, то очень редко. Я остаюсь пленником питерской школы.

– Скажи, как ты относишься к верлибру?

– К верлибру я отношусь с большим уважением, когда его требует смысловая или метафорическая насыщенность, которая мешает автору укладываться в нормальные стихи. Например, у Жака Превра. В свое время я ходил на все концерты Вячеслава Сомова, когда он приезжал в Ленинград, – и полюбил Превра в звучании. Так же, как я полюбил Лорку еще до того, как прочел с листа: его тоже читал Сомов. Одно дело французская поэзия – она съела свои рифмы еще не знаю когда, другое – русская. Хотя есть целый ряд прекрасных русских верлибров... Вообще, даже древнекитайская поэзия, все их знаменитые танки – это свободный стих. С верлибром – дело сложное. Хотя победителей не судят.

– Ты хорошо сказал, что, мол, французская поэзия свои рифмы съела. А русская никак не съест. Порой кажется, что всё уже скушано, а потом вдруг такие встретишь свежие рифмы, такие головокружительные созвучия...

– Еще бы! Я считаю, что одним из предтеч нашего постмодернизма был Владимир Высоцкий – я имею в виду чисто поэтическую сторону дела. «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... Что-то кони мне попались привередливые...» Четырехстопная рифма, которая сделала бы честь Пастернаку!

– **Согласна. Но вернемся к разнице между питерской и московской школами.**

– Объясню. Во-первых, Питер действительно провинциален и тяготеет к сугубо традиционным стиховым формам. Это раз. Второе: Питер в отличие от Москвы – против песенности, эстрадности и всего, что произносится со сцены, это Ленинграду всегда было чуждо. Тот же Кушнер писал: «Еще чего – гитара! / Засученный рукав, / Любезная отрава, / Засунь ее за шкаф. / Пускай на ней играет / Григорьев по ночам, / Как это подобает / Разгульным москвичам...» Во как! Саша не любил авторскую песню. Когда хоронили Высоцкого, мы с ним чуть не до драки дошли... Он говорил: «Высоцкий вообще не поэт. Это придуманная фигура...» Главное в Питере – быть, а не казаться. А в Москве поэзия изначально тяготела к эстраде и к декорациям. Может быть, потому, что учителем тех московских поэтов во многом был Павел Григорьевич Антокольский? А у него корни, так сказать, театральные... Там – на глубину, без внешнего аффекта, тут – наоборот. Например, Глеб Семенов, наш учитель, запрещал нам на литобъединении читать красиво. «Нечего приукрашивать то, чего у тебя нет!» Читать полагалось уныло и однотонно.



Ἄ ἰσὸ ἀδελφεῖς ἰ ἀπὸ ἀδελφῆ ὀμίλειέσα Ἄ. Ὀὐὶ ἰόαία

– Но между прочим, лидером питерской поэзии в мировом масштабе получился Иосиф Бродский, а человек он был честолюбивый и читал с большим аффектом (я его дважды слышала в Америке). Быть может, и монотонно, однако весьма форсированно.

– Бродского в нашей компании не было. Это иная группа и школа. Бродский в принципе стоит особняком от всех.

Это то, о чем мы говорили: направление само по себе, а большой поэт сам по себе... Недаром Иосиф – из питерских поэтов нашего поколения – породил максимальное число подражателей.

– **Это ужас сколько! Я много лет занимаюсь со студентами Литинститута и свидетельствую: подражание Бродскому вездесуще и почему-то, хоть он гений, тупиково.**

– А подражание кому из гениев не тупиково? Разве что Пушкину... У меня такое впечатление, что ни один гениальный поэт школы породить не может. Это тебе не художник. В поэзии нету м а з к а. В поэзии это дается только от Б-га напрямую и туда же возвращается обратно... Я, например, считаю, что версия, будто Державин передал лиру Пушкину, неверна. Вины окружение Пушкина и картина Репина. На самом деле, как говорят свидетели, Державин приехал в Лицей, а у него была проблема с

простатой, и ему было много лет, и он замерз, – в общем, он спросил швейцара, где тут нужник, а потом, кряхтя, добрался до кушетки за голландской печкой и в залу вообще не выходил.

– **А откуда известно про простату, нужник и кушетку? Или это фантазия?**

– Это не фантазия. Это апокриф, но апокриф, восходящий к моему другу Эйдельману... Должен сказать попутно, что группа израильских профессоров во главе с Ильей Захаровичем Серманом, которому далеко за восемьдесят, но он в полном порядке, – так вот, они меня убеждали (после рюмки, правда), что Пушкин – еврей. Знаешь почему? Арап Петра Великого был взят из царского эфиопского рода, а эфиопские цари ведут свой род – от кого? От царицы Савской, которая вернулась от царя Соломона чуть-чуть беременной. И если верить этой логике, то Пушкин был еврей. У меня есть стихотворение на эту тему, которое завершается так: «...Мне будет сниться странный фильм / – пустыня сумрачного вида / и шестикрылый Серафим, / слетевший со щита Давида»...

– **Здорово! Хотя я в жизни не очень приветствую, когда евреи везде ищут свои корни...**

– Сам терпеть не могу. Знаешь анекдот: «Один старый еврей говорит другому: “Вы слышали, какой национальности новый римский папа?” А тот отвечает: “Не может быть!”»

Ну, и закрыли на сегодня эту тему. Какие еще вопросы?

– **Вопросы есть разные. Что такое «авторская песня»? Откуда она пошла?**

– Я считаю, что авторская песня в России – явление глубоко национальное.



Портрет работы Бориса Жутовского.

– **Но ведь она в какой-то мере пошла и от французских шансонов...**

– Конечно. Одним из толковых механизмов появления авторской песни в 60-х годах как самостоятельного искусства на гребне хрущевской оттепели, был приезд Монтана в Москву. Об этом никто не вспоминает и никто не пишет. А ведь сам Булат говорил, что на него большое влияние оказал Ив Монтан. Еще мы открыли Брассанса. Но это был чисто внешний толковый момент – ружье уже было заряжено... Так и социально получилось: когда партия и правительство перекрыли все виды искусства Главлитом и своими рогатками, то народ пошел в песню... Но несмотря на обилие различных корней у авторской песни (и цыганщина, и городской романс), все-таки главный корень – русский фольклорный, что наиболее ярко проявилось в песнях Высоцкого. Хотим мы этого или нет, всё это идет от русских сказителей и от былинных форм.

– В года глухие бардовская песня была частью интеллигентского сопротивления. А сейчас? Не утратила ли авторская песня свою протестную энергию?

– Утратила. Это отдельный вопрос – что такое авторская песня вчера и что такое то, что называют авторской песней сегодня. Я как геофизик люблю точные определения: нельзя называть одним именем совершенно разные вещи... Если говорить об авторской песне в моем понимании и в понимании Булата Окуджавы («поэт с гитарой в руках»), то протестную составляющую она утратила, поскольку на сегодня в России (во всяком случае формально) что хошь твори, что хошь говори... Хотя что будет дальше и куда идет этот вектор после разгрома телевизионной журналистики – прогнозировать трудно. Потом возьмутся за радио, потом за «Новую газету»... Боюсь, что началось удушение всего живого. Тогда авторская песня снова приобретет утраченную функцию. Есть еще одна опасность в нашем обществе – связанная с первой, но не менее существенная, – это попытка общество оболванить, попытка вынуть из него душу, превратить в дебила. Иначе я не могу понять, что за странная политика: радио, например «Шансон», и другие средства массовой информации культивируют блатную песню, где молодым людям внушается, что мы должны жить по законам уголовной зоны. А это ведет к неминуемой духовной деградации.

Главная задача авторской песни сегодня – это борьба с чудовищной бездуховностью, с валом порнухи, когда любовь понимается только ниже пояса, наркоты, стяжательства...

– А как ты относишься в принципе к чужому исполнению стихов живущих и давно ушедших авторов – ведь существует такое мнение, что оно – неорганично и излишне. Так считал замечательный поэт Корнилов: зачем, дескать, петь песни на стихи Блока или Есенина, если они сами этого не предполагали и всё, что хотели, сказали без музыки?..

– Это точно совпадает с мнением моего друга и тоже замечательного поэта Кушнера, который считает, что любое настоящее стихотворение самодостаточно и вся музыка в нем уже «записана». Из настоящих стихов, по его мнению, делать песни невозможно. Хотя когда Гриша Гладков или Александр Дулов стали писать на кушнеровские стихи песни, то Саша как-то с этим смирился и больше не выступал.

– Что называется, сменил гнев на милость, да?

– Да! (Смеется. – Т.Б.) Вот и Давид Самойлов тоже говорил: «Настоящая поэзия не нуждается в гитарной подпорке» (и потому недооценивал Окуджаву)... Каждый имеет право на свое мнение и на свой максимализм... Что касается помянутого тобой Володи Корнилова, то я его очень любил и ценил. Сильнейший поэт и трагическая личность. Какое было безобразие, когда ему не дали Пушкинскую премию в конце 90-х!..

– Не просто не дали (дважды), а с жалкими интригами внутри жюри. Но это их проблема, а не Корнилова...

– А я с Володей познакомился в 56-м в Ленинграде, на квартире у Нины Королевой, куда мы пришли после литобъединения, – и он читал нам поэму «Шофер». А я ему прочитал свои стихи «Будапешт 56 года», за которые и посадить могли. «Танк горит на перекрестке улиц – / Хорошо, что этот танк горит!» Корнилов сказал: «Молодец, замечательно», – и мы с ним сразу подружились. А последняя наша встреча была в Музее Герцена. Он пришел на чей-то (не помню) вечер, где услышал песню Натальи Приезжевой про Чечню на мои стихи: «Над простреленною каской / Плачет мать в тоске вселенской / От Германской до Афганской, / От Афганской до Чеченской...» Корнилов подошел и говорит: «Прочти это сам как стихи. Я тебя поздравляю». И на этом мы с ним распрощались... Жаль, что последние годы этот выдающийся поэт, а в жизни ершистый максималист прожил недостаточно востребованным.



А́йта́ Гаёу́ 1991 а́а

– Здорово, что наше восприятие Владимира Корнилова совпадает. Но вернемся, Алик, к твоим стихам и песням. Твои личные шедевры вначале родились у тебя как стихи, а потом легли на музыку, или сначала возникла музыка, или оно произошло разом?

– Отвечу коротко. Если это песня, то всегда – одновременно. И мелодия, и некая строчка, и одно наматывается на другое. В 63-м на палубе «Крузенштерна» я сочинил стихотворение, которое мне не понравилось. Два дня оно лежало. Обычно я такие стихи топил: скомкаю – и за борт! А тут вдруг начала какая-то на него насвистываться мелодия. И я его не утопил. Так получилась песня «Атланты». Но остальные мои песни рождались и словесно, и музыкально – одновременно. И «Перекаты», и другое... А «От злой тоски не матерись...» я придумал за 15 минут, когда шел от трамвайной остановки, в Ленинграде. Она выдохнулась полностью.

– От чего вспыхивает у тебя стихотворение – от рифмы, от пейзажа или, например, сон приснится?

– Трудно сказать. Песня – это когда странная такая штука внутри появляется: «Ту-ту-ту-ту-ту-ту...» – и поехало. «Спит в Донском монастыре русское дворянство...» – одна строчка была, и я долго боялся, что, продолжая, испорчу. А иногда стихотворение рождается сразу и целиком. Что касается мелодии, то бывает: тебе кажется, что ты ее придумал, а ты ее вспомнил. В песне «От злой тоски не матерись...», как я понял несколько лет спустя (поет: ля-ля-ля-ля... – Т.Б.), звучит аллегretto из 17-й сонаты Бетховена, часть вторая. Я, как всякий интеллигентный еврейский мальчик, ходил в Питере в филармонию на симфонические концерты... Я сам себя на этом поймал. И случай, полагаю, не единственный. Кое-что вынимается незаметно из подкорки, а потом преобразуется.

– Я в твоих стихах ощущаю влияние Гумилева – верность Музе дальних странствий, экзотика и романтизм, воспевание риска и мужественных жестов... Сознательная связь?

– Гумилев перешел в советскую поэзию в странной трансформации. Тихонов, Симонов, чудовищное, хоть и гениальное стихотворение Багрицкого «ТБЦ»... В ранние годы я Гумилева практически не читал, но взахлеб читал поэта (в переводах), который оказал на него огромное влияние. Это Киплинг. Ведь во многом акмеизм вышел и из Киплинга.

– Из огумилёвленного Киплинга.

– Да. Итак, я в юности любил Киплинга. А еще любил лучшие тихоновские стихи из «Орды» и «Браги», Багрицкого и начального Луговского. Это всё было п о д Гумилева... А между прочим, под влиянием Киплинга и этих постгумилевцев я пошел в геологию. Я никогда не ходил в соответствующие

кружки, я терпеть не могу химию, и с математикой у меня всегда были проблемы. А любил я литературу и историю.

– Почему же прямо в гуманитарии не подался?

– Извини: 1951 год. Я кончил школу. В воздухе висело дело врачей. Меня с золотой медалью никуда бы не приняли. А идти в традиционные «еврейские» институты – педагогический или медицинский – я не хотел... Кроме того, мне очень хотелось стать кипплинговским персонажем. Я одновременно подал документы в Военно-воздушную академию, куда меня брали на аэродромно-строительный факультет, и в училище Фрунзе, военно-морское, куда у меня было рекомендательное письмо бывшего командующего Балтфлотом адмирала Трибуца. Потом отец уговорил меня от всего от этого отказаться, я забрал документы и пошел неподалеку, на том же Васильевском острове, через одну трамвайную остановку, – в Ленинградский горный институт. Я выбирал не специальность – я выбирал образ жизни. Настоящий, мужской. Большую роль сыграло и то, что там форма была очень красивая, в Горном: с погонами и прочее... Потом покажу фотографию.

И я поступил туда, куда меня взяли без экзаменов как золотого медалиста. Правда, там тоже была антисемитская придумка. Чтобы быть принятым в Горный институт на геолого-разведочный факультет, надо было почему-то непременно прыгнуть в воду с вышки, с трех метров. И я понял, что это конец света, потому что я плавать не умел и перед водой трусил. Но поехал на Кировские острова, на Водный стадион (30 августа в Питере уже был холод...). Когда выкрикнули фамилию Городницкий, я залез на эту вышку (предварительно, конечно, разделся), синий от страха и от холода. И когда я встал на эту доску и посмотрел вниз, то понял, что «ни за что на свете». Зачем? Я жить хочу. Не надо мне вашей героической профессии! Что угодно – только не это. Но я уже стоял на доске и, когда повернулся, чтобы уйти, доска спружинила – я упал вниз. Мне засчитали прыжок. Так я стал геологом... Таким образом, акмеизм, Киплинг, ранние Тихонов и Луговской определили мой выбор специальности, а чистая случайность этот выбор подтвердила. А то, что я выбрал образ жизни, который в течение сорока лет был связан с экспедициями (17 лет на Крайнем Севере и 30 лет – в океане, на разных кораблях), повлияло на то, что я стал писать не только стихи, но и песни.



À ñòóèè çàìéí çàì'èñè. Ààì áóððà 2000 ãã

– С геологами и с песнями более или менее ясно. Давай поговорим о друзьях-стихотворцах. Ты знал лично Бродского?

– Основная наша беседа состоялась в 61-м. 29 ноября. Я хорошо запомнил эту дату, потому что она слишком многое значит в моей жизни вообще, и вовсе не из-за Бродского. Так вот. Я пришел в гости к моему другу Сереже Артамонову в Кривоарбатский переулок и неожиданно встретил там пришедшую позднее московскую поэтессу Анну Наль, которая переменяла всю мою судьбу... Там был и Иосиф, и мы сразу заговорили о поэзии. Он стал очень фамильярно спрашивать: «Как поживает Борух?» – это он так иронически называл Слуцкого. Я закричал: «Как тебе не стыдно?! Это же Борис Абрамыч Слуцкий – великий поэт». (Для меня тогда Слуцкий был величайшим поэтом.) «А Дезик?» Я ответил: «И Давид Самойлов тоже». После чего Бродский хлопнул меня по плечу и сказал: «Их и тебя можно

построить в одну шеренгу и рассчитывать на первый-второй. Вы настолько ниже меня в поэзии, что ты даже себе представить не можешь».

– **Это нормально так сказать?**

– Нет, это ненормально. (Смеется. – Т.Б.) Я стал говорить, какое он дерьмо, и так далее. Но самое-то удивительное, что он оказался прав. (Смеется еще веселее. – Т.Б.). Были и другие примеры. Мне Давид Яковлевич Дар (человек удивительный – он очень помог и Горбовскому, и моему любимому поэту Сосноре), прозаик, который был женат на Вере Федоровне Пановой, – так он, когда встретил Бродского в Филармонии в те же годы, подошел к нему и, вынув свою вечную трубку изо рта, сказал: «Иосиф, прочел вашу поэму “Шествие”: она отдельными местами восходит к Цветаевой...» На что Бродский хлопнул его по плечу (отчего старик чуть не выронил трубку и едва не упал) и сказал: «Да что вы, Давид Яковлевич, куда Цветаевой до меня?» А? Это форма самозащиты. Но с ним, с Иосифом, было тяжело. Я два раза, пока он еще был жив, был в Штатах, и меня разбирало искушение ему позвонить, но я ни разу этого не сделал. Не знал, на что нарвусь... Наверно, зря?

– **Алик, такой вопрос. От**

вечать не обязательно. Но желательно. Ты – муж талантливой поэтессы. Редкий случай, когда две яркие (и разнонаправленные) творческие личности так долго и дружно живут под одной крышей. Поделитесь секретом...

– Трудно сказать. Очень большая доля в том, что я влюбился в Аню, принадлежала ее стихам. Сережа Артамонов показал мне Анины стихи еще до того, как она появилась. Я был потрясен! А когда она вошла, я увидел точную иллюстрацию к ее стихам – гениальная и прекрасная девочка, бегущая по волнам... Мощное ощущение. Без стихов, может быть, такого бы не было... Я влюблен в ее стихи до сих пор. Я считаю (а я не идиот): то, что она написала, есть совершенно своеобразное и интереснейшее явление в русской поэзии. И я очень сожалею о том, что в последние годы она пишет мало.

– **Ты уже писал о своих встречах со Слуцким, который был скорее твоим ментором, и с Давидом Самойловым, который был, как я понимаю, старшим другом. Может быть, что-то здесь добавишь, только чтобы не повторяться? Просто штрих...**

– Общение с Самойловым, как и общение со Слуцким, на меня сильно повлияло. Впервые я увидел Слуцкого в Питере – он выступал перед студентами Технологички, и мы, горняки, туда пришли тоже. Я об этой встрече уже писал в воспоминаниях... Слуцкий и Самойлов – два противоположных и поэта, и человека. Очень доброжелательный, ранимый и заинтересованный в других Слуцкий. Помню, он мне сказал: «Деньги есть? Если нет – скажите. Я вам их дам». Или: «Вы ничего не понимаете в живописи. Даю вам записку. Пойдете в кинотеатр “Аврора”, внутрь, во двор. Сестры Филоновы покажут вам настоящего художника Филонова». Таков был Слуцкий. А Самойлов был более равнодушен. Доброжелательность, но чисто внешняя. «А мне чужих стихов не надо – мне со своими тяжело». Он сначала принял меня в штыки. Сказал: «Вы не художник. Вы – полное дерьмо...» Возможно, он был прав.

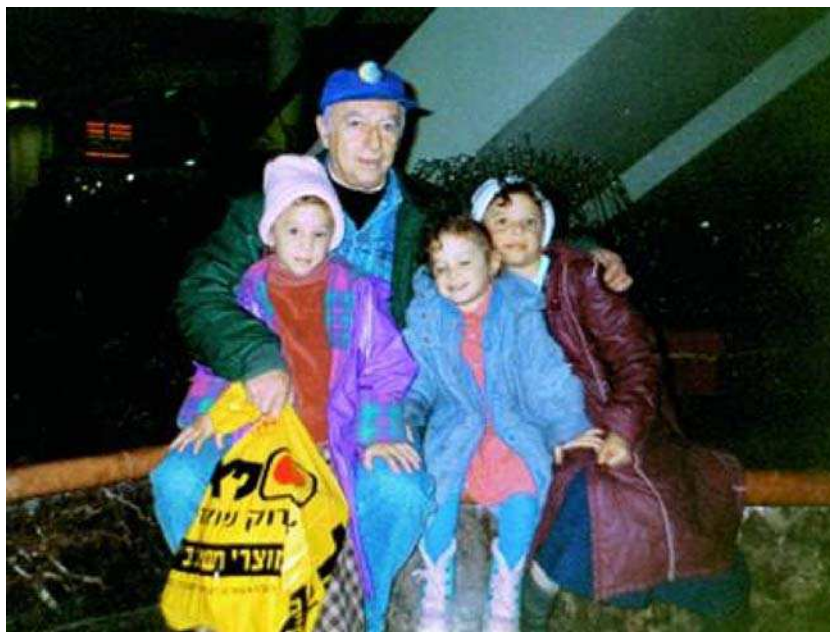
– **Хорошие «ребята» тебе сразу на пути в обитель муз попались!**

– А потом, уже значительно позднее, мы с ним подружились. Он во мне признал поэта после песни «Предательство». А когда я попытался написать поэму, Самойлов сказал: «Алик, ты не владеешь сюжетом, но филе у тебя есть». Он имел в виду ткань стихотворения, метафору, вещество. Когда я защитил докторскую, он написал мне поздравительное письмо: «Ты один из немногих поэтов, кто хоть что-то еще в мире – кроме этого – понимает...»

Дезик, как никто из других стихотворцев нашего времени, показал, что пушкинское наследие живо. По лексике, по слогу, по легкости, по силлаботонике ближе всех к Пушкину – он. И мной завладела эта линия поэзии, которую реанимировал для меня Самойлов... У меня нету ни одного стихотворения, где я бы подражал Самойлову, но общее влияние было сильное. А Пушкин был и остается моим любимейшим поэтом.

– Понятно. Мы уже беседуем долго, но нельзя не поставить такой вопрос: ты – ученый-геофизик, профессор, академик. Как эта сфера твоей жизни соседствует с творчеством поэта? Они изолированы или связаны там, в мозгу?

– Когда я был мальчишкой, я, повторяю, выбирал образ жизни и понятия не имел о науке. Много лет в молодости я вообще наукой не занимался – меня ничего не интересовало, кроме экспедиций... Сейчас же я думаю, что это ипостаси соединенные (я не только о себе говорю). Потому что и то и другое, и поэзия и наука – формы активного познания окружающего мира. Тут больше логики, там – эмоционального начала. И без одного невозможно другое. Если б я не занимался рельефом континентов и историей Земли, я вряд ли что-то понял бы в устройстве окружающего мира поэтически.



Ναύο-επί ε̅ Ἐγδαε̅ε̅α̅ 2002 ἄἄ

– Существует такое мнение, что с наступлением новых времен, которых мы сами так ждали, российская наука потерпела катастрофу. Так ли это и как она все же выживает?

– Да, с моей точки зрения, российская наука потерпела катастрофу: она благодаря бездарным и неумелым действиям наших правительств после перестройки обречена на вымирание. К сожалению, ученых никто не слушает и не слышит, когда они говорят о своих проблемах или даже выходят на демонстрации. Все озабочены набиванием карманов, переделом наследия ЮКОСа и немедленными дивидендами... А о науке никто не думает. Да, президент делает много правильных заявлений (я готов подписаться под тем, что говорит Путин: на словах всё замечательно), но когда речь идет о реализации... От слов до дела получается не знаю сколько лет или десятилетий.

Фундаментальная наука в России – в трагическом состоянии. Мы потеряли целый ряд научных направлений и школ. Мы молодежь потеряли. А значит, мы потеряли будущее. По существу, мы теряем интеллигенцию. Талантливые физики, программисты – они все уже т а м. Молодежь тут не может физически выжить на те жалкие копейки, что ей платят... Я, профессор и заведующий лабораторией академического элитарного института, получаю 110 долларов в месяц, а кандидаты мои получают в полтора раза меньше. Может так существовать сегодняшний человек? Не может. Вот они тут и не существуют. И одни уезжают за рубеж, а другие уходят в бизнес... Наука постарела. У нас ученый совет – средний возраст за 65 лет. Физическая гибель науки – это гибель русской интеллигенции со всеми вытекающими последствиями: с созданием социологической основы для фашизма, с зарождением поколения жлобов и лавочников... Я на это дело смотрю серьезно. Я считаю себя русским поэтом и русским ученым. И когда мне говорят, что наука развивается поступательно и какая, мол, разница, где будет сделано открытие – у нас или в Соединенных Штатах, то мне не все равно. Мне очень хотелось бы, чтобы это было в моей родной России, которой я отдал всё.

– В чем ты видишь главную задачу для нашей интеллигенции сегодня?

– Прежде всего давай определим, что такое интеллигенция. Я не согласен со многими точками зрения Александра Исаевича Солженицына: горестные размышления с полной переоценкой этой личности у меня вызвала его книга «Двести лет вместе», хотя осилил я ее с трудом: вязко написано... Но он правильно сказал еще давно, что надо отделять интеллигенцию от образованщины. Настоящие интеллигенты никогда не шли в революцию и на «мокрые дела». Вообще никогда. Только неудачники и сдвинутые люди – это хорошо Достоевский показал. Интеллигент – человек, который духовные ценности ставит выше, чем все другие и для которого существует нравственная система оценок. Самая главная беда нынешней русской интеллигенции, как мне кажется, – трансформация в интеллектуалы или в образованцы. Сумма знаний, которой обладает компьютер, гораздо больше, чем то, что известно мне, но он не интеллигент, он – робот. А вторая опасность – это опасность растаскивания по национальным и партийным принадлежностям. Что, национал-патриоты – тоже интеллигенты, да? Нет. Есть вещи, несовместимые с понятием «интеллигент». Это прежде всего нацизм, это – человеконенавистнические идеи, это – антигуманизм.

– А не претит ли тебе, что наша либеральная интеллигенция так быстро перешла на сторону богатых «новых русских» при полном пренебрежении и несочувствии к обнищавшим старикам и вообще слабым социально людям? Разве такое входит в традиции русской интеллигенции?

– Не входит. Но были Третьяковы и Саввы Морозовы. Я считаю, что чем больше будет богатых людей в России, тем лучше. И у меня есть очень спорное стихотворение «Новые русские» (1997) на эту тему, которое подверглось чудовищной критике (даже звонили и угрожали по телефону): дескать, я продался богатым...

– Стихотворение это я знаю: оно написано вдохновенно и искренне, но меня не убеждает. Не может пролезть верблюд в игольное ушко, и все тут!

– Не будем спорить. Моя точка зрения на «новых русских» такова. Главная угроза – не в них. Их сейчас тоже «строят». Главная опасность – в полицейской системе, которая хочет всё подавить... Был я, Таня, в Австралии. В любом уважаемом доме вам обязательно покажут кандалы дедушки-каторжанина, которого депортировали сюда в XVIII веке. И так далее. Я знаю, что нынешние «новые русские» (даже те, которые дружат с киллерами) хотят, чтобы их дети были воспитаны в интеллигентном духе. Звериная порядаками, неизбежно должна миновать. И на смену этому поколению первичного и разбойного накопления капитала (папа Прохора Громова рыскал с кистенем по лесам, а Прохор Громов уже строил фабрики) придет лучшее время. Иного варианта история не знает. К сожалению, мы должны с этим считаться. Не дай Бог, если все вернется обратно.

Сам я зависеть от новых богатых не хочу, никогда не зависел и не буду, – но так я вижу положительный ход истории. А русская интеллигенция должна сохранить свои традиции, которые определяются одним словом: н е п о д к у п н о с т ь. И еще – презрение к торгашеству, с одной стороны, и к любой форме нацизма – с другой.

– Согласна. И еще вопрос (я его почти всем собеседникам задаю, и все отвечают очень по-разному): если бы нам было дано перекраивать жизнь заново, от каких бы троп ты отказался, а какие протоптал бы основательнее?

– С 57-го по 62-й – жизнь в экспедициях, в глуши. Потерянное время? Нет. Мне так дороги эти годы, мне так дороги эти люди, которых уже нет! И мне кажется: ничего бы я в своей жизни не стал менять, кроме нескольких трусливых поступков, которые я совершил, будучи человеком, воспитанным под сталинский барабан. Но я никогда никого не закладывал, никто меня никогда не покупал, попытка завербовать меня в «органы» была бесплодной. Испытываю угрызения совести перед некоторыми женщинами, что, с точки зрения Вронского, не так и страшно... Но в принципе, я не могу себя поймать на каком-то подлом поступке.

– Алик, а ничего бы добавить к состоявшемуся не хотел? Еще одно образование... Еще одну профессию...

– Нет. Я бы и в другой институт не пошел. И не уехал бы. А еще я считаю, что в случайностях, которые определяют нашу жизнь, есть очень много вещей, которых мы не понимаем. Будучи человеком, изучавшим историю Земли, я и в физике чем дальше, тем больше убеждаюсь, что не всё укладывается в

наш здравый смысл, в те немногие системы познания, которыми мы сегодня располагаем. «Есть многое на свете, друг Горацио...»

– Мы говорим – остановиться не можем! – уже почти четыре часа. Оба устали. И все же еще, напоследок, – твой творческий девиз на оставшиеся годы?

– В детстве мы все читали тех писателей, которых было читать надо. И я когда-то зачитывался Роменом Ролланом. В «Очарованной душе» есть такая фраза, которую говорит мальчик: «Лучше жалеть о том, что пошел, чем о том, что не пошел». Эта фраза до сих пор толкает меня на всякие авантюры.

И второе, Таня. Моим любимым героем был и остается норвежский путешественник Амундсен, открывший два полюса. Он сказал: «Человек не может и не должен привыкать к холоду». А ведь он два полюса открыл!

Такая вот штука.

Август 2004

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2004 КИСЛЕВ 5765 – 12 (152)

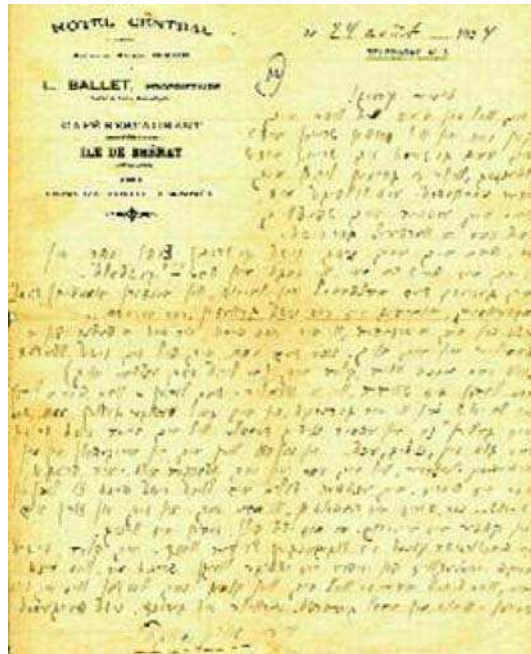
ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСКОГО МУЗЕЯ

Ń òàèèì ìíàçààèíàèì «Èàààèì» áóòò ìòàèèèíàòò ì àòàèàèù è àíèòì áíòù ìí ààðàèèéè èíòíðèè è èóòòòðà ìííòòìàðùèà á èíèèàèèèð Ñííèèèèíà Ààðàèèèíà ì óçàÿ á Ì ìíèàà Ì íàíáí ùà ì àòàèàèù áóòò ìíÿàèÿòùíÿ Ì áààèÿðí, ìí ìí ì àðà èð ìàèííèàíèÿ á ñàðàí èè Ì óçàÿ.

«B ÕĬ × Ó Á Ū Ū Á Ā Ā Ā Ā Ī Ā Ī Ā Ā Ī, Ā × Ā Ī Ō Ī Ē Ū Ē Ī Ī Ā Ī Ī»

Ī Ā Ē Ç Ā Ā Ñ Ō Ī Ī Ā Ī Ē Ū Ī Ī Ī Ā Ē Ā Ō Ā Ā Ā Ē Ā

Публикуемое впервые письмо Марка Шагала адресовано Лео Кенигу. Если автор письма не нуждается в специальном представлении, то имя его адресата практически неизвестно в России. Между тем Кениг принадлежит к числу выдающихся деятелей еврейской культуры первой половины XX века. Оригинальный мыслитель, талантливый эссеист и прозаик, влиятельный художественный критик, писавший главным образом на идише, но также на иврите и по-английски, Кениг был среди тех, кто определял характер еврейской культурной жизни своего времени. Уже одного этого вполне достаточно, чтобы воспользоваться случаем, хотя бы вкратце рассказать о Лео Кениге. Однако это необходимо еще и потому, что этот рассказ позволит лучше понять смысл письма Шагала, которого связывала с Кенигом многолетняя дружба.



Лео Кениг (его настоящее имя Арье-Лейб Яффе) родился 12 января 1889 года в местечке под Бобруйском. Вскоре его семья переехала в Одессу, где он учился в хедере, а затем в «модернизированной» ешиве. Ее организовал и возглавлял р. Хаим Черновиц (литературный псевдоним Рав Цаир; 1870–1949), исследователь Талмуда, публицист и деятель палестинофильского движения, близкий к Ахад а-Аму. К преподаванию в созданной им ешиве р. Хаим привлек также Хаима-Нахмана Бялика и Менделе Мойхер-Сфорима. Благодаря их поддержке Кениг, рано обнаруживший литературные и художественные способности, в 1904 году смог опубликовать свои первые прозаические сочинения на иврите, а в 1906 году был отправлен в Иерусалим в художественную школу «Бецалель». Именно здесь Арье-Лейб Яффе принял другие имя и фамилию: по непонятной причине он обменялся паспортами с Лео Кенигом, пареньком из Лодзи, и сохранил это имя до конца жизни. В 1911 году он отправился в Европу и поступил в Мюнхенскую академию художеств, но вскоре для продолжения художественного образования переехал в Париж и поселился в одной из мастерских в «Ля-Руш».

«Ля-Руш» олицетворяет собой один из главных символов истории искусства XX века, ее наиболее героический и романтический этап. Мастерские художников своим появлением там обязаны преуспевающему скульптору и живописцу Альфреду Буше (1850–1934), который в 1895 году по дешевке купил участок земли на Монпарнасе в проезде Данциг. После закрытия Парижской Всемирной выставки 1900 года он приобрел Ротонду – один из выставочных павильонов вин – и перенес ее на принадлежавшую ему землю. Помещения Ротонды Буше решил сдавать под мастерские молодым художникам за

символическую плату, и в 1902 году состоялось торжественное открытие здания под звуки «Марсельезы», исполненной приглашенным по этому случаю оркестром. Сначала Ротонда называлась «Вилла Медичи», как тогда было принято называть дома художников, однако за ней закрепилось название «Ля-Руш» («Улей») – из-за конструкции ее окон, напоминающих пчелиные соты. Молодые художники, приезжавшие в Париж со всех концов света, охотно селились в дешевых мастерских «Ля-Руш», и вскоре «Улей» превратился в центр парижской интернациональной богемы. Здесь обретали приют и делали свои первые шаги в искусстве художники, многие из которых позднее приобрели мировую известность. Среди обитателей «Улья» было немало евреев: перед первой мировой войной там, в частности, жили Давид Штеренберг (1881–1946), Хаим Сутин (1893–1943), Амедео Модильяни (1884–1920) и, наконец, Марк Шагал, с которым там и познакомился Кениг.



Еї оаїїа «Уей». 1911-12 аа

С самого начала своего пребывания в Париже Кениг стал лидером группы «Махмадим» (приблизительный перевод с иврита – «драгоценности», «изысканные, дорогие вещи») – одного из первых еврейских модернистских объединений, образованного молодыми художниками-евреями из России и Польши. В нее, кроме Кенига, входили Исаак Лихтенштейн (1883–1981), Иосиф Чайков (1888–1986), Марек Шварц (1892–1958), Бенъямин-Зеев Равицкий (ставший позднее известным под именем Зеев Рабан; 1890–1970) и Анри (Хаим) Эпштейн (1891–1944). Все они, по словам Кенига, осознавали себя частью «поколения... которому уже не нужно бежать из “тетто”, от еврейской жизни, чтобы стать художниками и скульпторами»; их объединяли стремление «представить миру наши новые еврейские мотивы и формы» и «дерзновенная мечта о еврейской форме». В 1912 году художники «Махмадим» под тем же названием издали способом стеклографической печати несколько своеобразных «альманахов», где были представлены образцы их графических произведений. В настоящее время известны только три выпуска этого «альманаха» – второй («Шаббат»), четвертый («Песах») и пятый («Шавуот»), которые хранятся в Музее Израиля в Иерусалиме.

Члены группы «Махмадим» вносили свою, еврейскую ноту в тот интернациональный хор голосов, который звучал в «Улье». Шагал в своей книге «Моя жизнь» так охарактеризовал атмосферу в «Ля-Руш»: «В мастерских у русских рыдала обиженная натурщица, у итальянцев пели под гитару, у евреев жарко спорили». Правда, сам Шагал держался обособленно и не участвовал в этих спорах, хотя прекрасно знал их содержание. В «Листках», опубликованных на идише в первом номере журнала «Штром» (Москва, 1922), он вспоминал об этом: «Когда-то в Париже, за фанерными стенками моей комнаты в “Ля-Руш”, где я работал, раздавались голоса еврейских эмигрантов: “Что же, в конце концов, по-твоему, Антокольский не еврейский художник, и Израэльс – нет, и Либерман – тоже нет?” Тускло горела лампа и освещала мою картину, которую я перевернул вниз головой (так я работаю – радуйтесь!), и, наконец, когда новый день

высветлил небо над Парижем, я весело рассмеялся над праздными идеями моих соседей о судьбе еврейского искусства: мелите, болтайте себе – а я буду работать».

Членов «Махмадим», в свою очередь, отпугивала эксцентричность Шагала, и они не были готовы тогда принять его радикальное новаторство. Тем не менее все они, несмотря на все это, были дружны с ним и оказались в состоянии увидеть в нем крупнейшего еврейского художника. Первым среди них, кто по достоинству оценил масштаб дарования Шагала, был именно Кениг. Его статья «Евреи на Парижском Осеннем салоне» с большим разделом, специально посвященном Шагалу, напечатанная в 1912 году в декабрьском номере газеты «Фрайнд», не только является первой публикацией на идише о Шагале, но и вообще стоит в ряду самых первых упоминаний в международной прессе имени этого художника.

В 1912–1913 годах Кениг окончательно определил свои творческие приоритеты – литературная деятельность почти полностью вытеснила его занятия живописью. В различных газетах и журналах на идише начали регулярно появляться его художественно-критические статьи, культурологические эссе и размышления о еврейской и мировой литературах, практически сразу же принесшие их автору известность и авторитет. Одной из важнейших заслуг Кенига является его вклад в развитие художественной критики на идише. Более того, можно сказать, что он был создателем этого жанра, который до него практически отсутствовал в литературе на этом языке. При этом с самого начала его статьи об искусстве отличались глубиной анализа, широтой подхода и общей эрудированностью, оригинальностью суждений и точностью формулировок, а также высоким национальным пафосом. Мейлех Равич (1893–1976), выдающийся еврейский поэт, писавший на идише, чрезвычайно высоко оценивал роль Кенига в развитии еврейского искусства: «Его эссе имели огромное значение для еврейзации (здесь дословный перевод слова, употребленного Равичем в оригинале на идише: «фаридишунг»). – Г. К.) еврейских художников, которых до этого растаскивали в разные стороны, потому что на идише они не только не были признаны, но даже не могли ждать, чтобы их упомянули. Кениг... для многих еврейских художников проложил дорогу к родному языку, к идишу». (Возможно, именно поэтому Шагал в своем письме к нему специально подчеркивал, что решил писать на идише.)

24 יעדֿיאָדֿ 1924

אַרֿטֿאַלֿ עֿאַלֿעֿאַל

B ןֿיֿ-ןֿ אױ ןֿױ אַדאָלֿ אײ אײלֿ, אַ-אײ ןֿיֿעײלֿ יֿ פּאַרײֿ. B אױןֿ ןֿױ אַדאָןֿױײֿ יֿעײלֿןֿ יֿ אַעֿעֿןֿ B ןֿױ אײלֿ יֿעײלֿןֿ יֿ אַעֿעֿןֿ יֿ ןֿױ יֿיֿיֿיֿ, ןֿאֿעֿ עֿאֿעֿןֿעֿאֿיֿ עֿײ עֿפּאָןֿ יֿ אײ, עֿעֿ – יֿאײלֿןֿ. Eֿעֿאַיֿעֿןֿ אײ אײ, -ןֿ יֿ ןֿױ אַ-אֿױ אַיֿ אײ ןֿיֿיֿיֿעֿאַיֿ עֿאַיֿ. Eיֿ אױ עֿעֿ יֿןֿיֿ עֿיֿאֿ-אַיֿעֿ? I עֿאַיֿיֿאַ. אײןֿ, יֿ ןֿױ אײ יֿ אײלֿעֿ אַיֿ אַיֿןֿױ עֿאַןֿ, יֿיֿ אַױ יֿאָדאָ, עֿאֿעֿ אַיֿןֿױײֿ, ןֿאַעֿ אײ יֿאֿעֿ יֿאײ יֿןֿ. B יֿיֿיֿ יֿױ i אײןֿ אַיֿעֿאַ אַ Eיֿ-דאָ, יֿ אַױןֿ ןֿיֿעֿעֿאַיֿ אַ אַאַ. ןֿאֿעֿ עֿעֿ עֿיֿאֿ-אַ ןֿיֿעײלֿ ןֿיֿעֿעֿאַיֿ ןֿאײ יֿאֿאײלֿ, יֿןֿיֿ - אַױאַ..

ןֿאײ אַיֿ עֿיֿיֿעֿ, עֿאֿעֿ אַ אױ. ןֿיֿ אײןֿ אױ - יֿןֿ אױ ןֿאֿעֿןֿ אַ, עֿ יֿ ןֿיֿעֿאַ I יֿ, יֿיֿ יֿןֿאױאַ, יֿ יֿאֿ-אַױןֿ אֿױ, -ןֿ יֿ יֿאֿ ןֿיֿעֿאַעֿאַ I אַ יֿןֿיֿ ןֿאַאַןֿ ןֿיֿעֿאַןֿױ יֿ אױ אֿױ (אַאױ אױלֿ אַ עֿפּאָןֿ ןֿיֿןֿיֿעֿאַעֿ-ןֿ). Eֿעֿיֿױ ןֿיֿעֿאַעֿאַ ןֿאֿיֿ אַעֿןֿאַ. Eֿעֿiֿױ- -ןֿיֿ עֿאַ עֿעֿiֿױ A Eיֿ-דאָ, עֿאֿעֿ אױ יֿיֿיֿ יֿעֿןֿ אַ יֿ אױעֿ ןֿאֿדאָרֿ אײ אַאַױ אײ. I ןֿאֿאַ, ןֿיֿאַ יֿןֿיֿ אױעֿיֿ יֿיֿאַ עֿ, אײ עֿיֿ פּאַרײֿ, יֿאײלֿאַעֿיֿ יֿ. I יֿ ןֿאײ אַיֿ - עֿאֿעֿ אױ יֿ ןֿיֿןֿאֿעֿ יֿאֿ אױןֿיֿ פּאַיֿ, יֿיֿ אַיֿאױיֿ, יֿאײלֿאַעֿiֿ ןֿיֿ, יֿיֿאַעֿiֿiֿױ ... N 1914 אַאַ, עֿיֿאַ יֿ אַדױ עֿעֿיֿ אַ אַעֿןֿאַיֿ- Eֿעֿiֿiֿ עֿ אײ ןֿעֿןֿ iֿןֿ, יֿ ןֿיֿ-ןֿ יֿןֿיֿ אַיֿ ןֿעֿעֿיֿ אַ עֿעֿeֿiֿ אַ אױ ןֿיֿױעֿאַאַןֿ, עֿאַעֿiֿ A אַדאָ? I ןֿאַיֿ-ןֿ דאֿעֿ I אַיֿ ןֿאַיֿ יֿאֿ ןֿיֿעֿ אַעֿןֿ אַ Eיֿ-דאָ... I יֿ I אַדאָ ןֿעֿןֿ, עֿאֿעֿ אַיֿעֿאַיֿ אַיֿ אַיֿאַ, עֿעֿאַןֿ אַיֿ אַעֿןֿ - עֿעֿעֿןֿ I אַ Nאַעֿ-אַיֿיֿ אַיֿאַיֿעֿiֿ iֿ-אַױןֿ אַױ, אַעֿאַןֿ- iֿ אַיֿןֿ אַױ-iֿiֿ.

ןֿאײ ןֿאַיֿעֿאַ עֿעֿאַןֿ אַיֿ אַדױ ןֿיֿןֿ אַױ - יֿ אַיֿ אֿױ, יֿיֿiֿ iֿןֿ אַיֿ iֿiֿ יֿןֿןֿ אַױ iֿןֿ אַיֿ iֿןֿ אַיֿ iֿןֿ.

*יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-נָוִם הָיָה מֵעַתָּה לְאַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה
יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-נָוִם הָיָה מֵעַתָּה לְאַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה
יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-נָוִם הָיָה מֵעַתָּה לְאַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה
יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-נָוִם הָיָה מֵעַתָּה לְאַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה*

אַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה

С началом первой мировой войны, в 1914 году, Кениг переехал в Лондон и целиком посвятил себя литературной и издательской деятельности. Он был редактором и сотрудником ведущих периодических изданий на идише, выходявших в британской столице. В частности, в 1920 году он стал фактическим создателем и главным редактором журнала «Ренессанс», стоявшего в ряду важнейших еврейских культурных начинаний той эпохи и превратившегося в центр консолидации еврейской творческой интеллигенции Лондона. В июне 1927 года варшавское «Объединение еврейских литераторов и журналистов» делегировало Кенига на Первый международный конгресс Пен-клуба. Пользуясь своим авторитетом и известностью среди литераторов всего мира, Кениг сумел утвердить решение о создании отдельной секции еврейской литературы в этой всемирной писательской организации. Он был также избран в ее Центральный совет в Лондоне.

В течение 1930–1940-х годов Кениг издал ряд книг, посвященных различным проблемам искусства и литературы, а также несколько сборников своей прозы, написанной не только на идише, но и по-английски. Благодаря этому он занял видное место не только в еврейской, но и в английской литературе, закрепив за собой репутацию неординарного, парадоксального мыслителя и тонкого стилиста. В 1954 году Кениг с семьей репатриировался в Израиль, где продолжил свою литературную и публицистическую деятельность, на этот раз – на иврите. Он скончался 29 августа 1970 года и был похоронен в кибуце Хацерим.

Шагал переписывался с Кенигом вплоть до его кончины. Большая часть этой переписки хранится в архиве Кенига, который находится в Рукописном отделе Еврейской Национальной и Университетской библиотеки в Иерусалиме. В своих письмах Шагал советуетсся с Кенигом, делится с ним своими творческими проблемами, интересуется его оценкой своих новых произведений. Публикуемое ниже письмо из собрания Российского Еврейского музея в Москве, вероятно, является одним из самых ранних таких писем. Оно публикуется по рукописному автографу в переводе с идиша.

יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-נָוִם, יְהוֹשֻׁעַ בֶּן-נָוִם הָיָה מֵעַתָּה לְאַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה

אַחַד מֵעַמְּדוֹת הַיְהוּדָה

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2004 КИСЛЕВ 5765 – 12 (152)

СТАТУС ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Ирма Фадеева

Продолжение. Начало в **№ 11**



Àèä Nòài áüèä ñ ààòí áé

Áäèàòà XVII á

Как уже говорилось, пестрый этно-религиозный состав османского населения, разнонаправленность интересов этнических групп не могли не порождать внутренних конфликтов, в которых османское государство выступало не только в качестве арбитра, но и как сторона, активно участвовавшая в выработке правил торговли и ремесленного производства. Для успешного ведения дел немусульманам подчас приходилось эти правила обходить. Что делалось не без ловкости. Чиновники нередко прибегали к принудительным поставкам и работам – прежде всего в связи с военными действиями. Характер османской экономики в значительной мере определялся тем обстоятельством, что в течение нескольких столетий империя существовала за счет дани и налогов с населения покоренных земель, а также за счет набегов, за счет грабежей новых территорий. Существенным отличием мусульманского государства и в прошлом, и в настоящем было и остается непосредственное вмешательство центральной власти в экономическую жизнь путем издания законов и постоянного, даже мелочного, контроля, что, конечно, не способствует развитию и процветанию экономики.



Nòài áüè. Áéä-Níòèÿ. Áäèàòà XVII á

Тем не менее для необходимой османским властям хозяйственной деятельности приходилось предоставлять отдельным производителям, нередко одной этнической группы, особые привилегии и монопольное право на поставку сырья, а также гарантированные регуляторы сбыта. Например, монопольное право на закупку шерсти евреи Салоник получили потому, что все производство в этом городе предназначалось для столицы, всегда имевшей на Востоке не только особый политический, но еще и экономический статус. Подобная хозяйственная специфика, даже при наличии больших капиталов, не

способствовала становлению общегосударственного рынка, зачатки которого формировались в XVII–XVIII веках в ряде европейских стран.

Но даже в условиях жесткого административного регулирования в немусульманских общинах, еврейской тоже, происходило накопление торгово-ростовщического капитала, источником которого были сфера обмена, система откупов, ростовщичество – все то, чем турки не занимались. Коран запрещает взимать ссудный процент. К торговле и финансовым операциям долгое время турки относились как к занятиям низменным: «А с торговцами-шакалами, – утверждал турецкий автор XVII века Кочибей Гёмюрджинский, – никакого дела не сделаешь». Конкуренция в этих презируемых турками сферах деятельности, однако, была жесточайшая. И была одной из основных причин многовековой напряженности и конфликтов армян, греков и других христианских народов с евреями, поскольку последние имели в этих занятиях немалый опыт и сноровку.



Çai âââî äëÿ Êîâ: ââ çââîâ

Öâîîüü öâéîâÿ âîöéââ XVII â

Как уже говорилось, в силу религиозных запретов немусульмане в мусульманском государстве, за некоторыми упомянутыми исключениями, были отстранены от государственных и военных дел. Но ограничения эти имели и обратную для них сторону. Во-первых, турки массами гибли в бесконечных войнах, их численность постепенно, но неуклонно сокращалась, тогда как численность немусульман, в особенности христиан, возрастала. Во-вторых, немусульмане свободно могли действовать там, где турки традиционно отсутствовали: в навигации, торговле, финансовых операциях... В этих-то сферах они достигали настоящих высот. На сей феномен обратил внимание Макс Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма»: «Национальные и религиозные меньшинства, противостоящие в качестве «подчиненных» какой-либо другой «господствующей» группе, обычно – именно потому (курсив М. Вебера. – И.Ф.), что они добровольно или вынужденно отказываются от политического влияния и политической деятельности, – концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства. Этим путем наиболее одаренные их представители стремятся реализовать свои способности, которые не находят применения на государственной службе. Так обстояло дело с поляками в России и Восточной Пруссии, где они, несомненно, шли путем экономического прогресса (в отличие от влиятельных поляков Галиции). То же демонстрировали гугеноты во Франции Людовика XIV, конформисты и квакеры в Англии и – last but not least^[1] – евреи на протяжении двух тысячелетий». Но

все же далее, на примере католиков, которые даже в качестве преследуемого меньшинства в Англии и Голландии не обнаруживали склонности к предпринимательской деятельности, Вебер указывает, что причину столь различного поведения представителей разных вероисповеданий следует искать не столько во внешнем историко-политическом положении меньшинств, сколько в устойчивом внутреннем своеобразии каждой конфессии.



Ḍāāāēī Ūāē ēçĀāūū (īīm āīīēēē īāēēīā, īīīēāīūū ōāāōū XVII ā)

Каков же критерий для оценки отношений мусульманских и немусульманских этносов Османской империи? Однозначно эти отношения определить трудно. Они менялись в разные исторические эпохи. С одной стороны, имел значение статус каждой этнической группы в государстве, с другой – степень ее экономического процветания или бедности.

Эти отношения зависели также от уровня благосостояния господствующего слоя господствующего этноса. С XVIII века заметно возрастает влияние западных держав во внешней и внутренней политике Порты в связи с ее военными поражениями, экономической слабостью и постепенным процессом политического упадка. Появились и все больше крепились тенденции к покровительству западноевропейских держав и России наиболее близкой им той или иной этно-религиозной группе. Все эти составляющие действовали и в XIX веке, и в начале века XX – вплоть до распада империи.



Ēēēūōīāīā īōāī āōū āāāāā īīm āīīēēē ēī īāēēē.

ī ōāē āāāēīēēō īāūēī ā ōōōēē ā Nōāī āēēā

В начальный период существования османского государства отношения между немусульманскими этносами и господствующим мусульманским слоем были в прямой зависимости от вполне очевидной вещи: чем больше процветал во времена успешных завоеваний этот слой, тем лучше

складывались его отношения с другими этносами. В первые столетия существования империи турки руководствовались идеей патернализма, который не чужд исламу ханифитского толка, господствовавшего в их государстве. Подчиненные этносы должны были довольствоваться великодушием победителей. Упадок империи непосредственно затронул правящий слой, состоявший, главным образом, из турок или перешедших в ислам нетурок.

Отношения этого слоя с другими этносами менялись. Возраставшее в эпоху упадка империи благосостояние «неверных», в основном христиан, раздражало мусульман, усиливало напряженность и нетерпимость в османском обществе. Впрочем, это общая закономерность, она имела место не только в мусульманских странах. Во всех иных инородцам тоже никогда не прощали и не прощают по сей день их благосостояния, возникшего на фоне упадка титульных наций. Поэтому сентенция греческого историка Стефана Иерасимоса, имеющая в виду положение османских христиан, прежде всего греков, истолковывается значительно шире: «Когда мусульманин, – говорит он, – не может более противопоставить “неверному” собственное процветание или превосходство образа жизни, он ему противопоставляет озлобленно гипертрофированную религиозность, каждодневно склерозируемую и ханжескую». Там, где хозяевами положения оказывались христиане, они вели себя не лучше. Но что бы ни предпринимали господствующие этносы, все империи древности и Средневековья, созданные силой оружия, были обречены на распад. Даже в апогее могущества османские государственные структуры выглядели архаичными при сопоставлении со структурами ряда западноевропейских государств, где уже набирали силу процессы модернизации. Пытаясь как-то объединить огромные пространства, населенные народами разных цивилизаций, культур, религий, турки подчинили все эти этносы единой централизованной бюрократической системе, которая слабела по мере исчерпания ресурсов, полученных в ходе завоеваний. После открытия Америки и морского пути в Индию страны Запада, консолидировавшиеся на принципах национального государства, эксплуатировали и грабили недавно освоенные огромные колониальные территории. Прямым следствием этих двух столь различных процессов в Европе и Османской империи, заметно обозначившихся в конце XVII–XVIII веков, стало смещение главных осей восточной торговли к океанам, а в результате – постепенное, но неуклонное обеднение Средиземноморья и Ближнего Востока. И хотя в XVII веке правящие турецко-мусульманские группы уже имели развитые собственные торговые секторы экономики, они были вскоре задавлены двумя грозными противниками. Османская бюрократия безжалостно и безрассудно взимала вперед и в свою пользу всю прибавочную стоимость, ни в малейшей степени не заботясь о прибыли или инвестициях. То есть, по сути, воспроизводила традиции грабежа, с которого и начиналась империя. Конечно, в таких условиях ни арабские, ни турецкие, ни османские торговцы-немусульмане не могли выдержать конкуренции защищенных капитуляциями и собственными экстерриториальными законами европейцев. Поэтому немусульманам империи не оставалось ничего иного, как наперегонки добиваться покровительства, а позднее и подданства европейских держав. Отсюда берет начало слой компрадоров, с которыми впоследствии ожесточенно боролись турецкие националисты.



Ŋòàì áóĕ. Áĕĕ íà ì á:áòŭŊóĕĕĕì àí à I. Áđááòđà XVIII á

Наряду с торговыми слоями, чье положение в империи не было прочным, существовала мощная прослойка османской бюрократии, включавшая крупных сановников центральной администрации (великий везир, военачальники армии и флота, главы важнейших служб столицы, высшие религиозные иерархи). В эту прослойку входили и первые должностные лица дворца, пользовавшиеся огромными доходами, которые давало их положение, хотя источники доходов не всегда были дозволенными. Имевшие

великолепные дома и ставшие первоочередными потребителями импортируемой и местной продукции, они в какой-то мере стимулировали торговлю – главным образом, предметами роскоши.

Существовало и среднее звено администрации. Его составлял довольно стабильный класс чиновников, в большинстве своем турок. Некоторые должности занимали и представители других национальностей: драгомань (переводчики) были в основном греками, придворные медики – чаще всего евреями, сборщиками налогов и таможенных пошлин служили и евреи, и христиане (либо их подставные лица). Все эти категории османской бюрократии определяли спрос на предметы роскоши: еврейская богатая прослойка тоже входила в число потребителей изделий такого рода. Этно-религиозные меньшинства, евреи в том числе, играли роль главных посредников при контактах европейцев с высокопоставленными османскими чиновниками. Эти контакты приобретали тем большее значение, чем скорее турки теряли позиции в мировой торговле.



*Εἰπὸς ἡ τὸ ὄτι αἱ πλεὺσθὰ αἰεὶ τὰ ἀπείρητα ἀπέδ, ἐὰν αἰεὶ - ἰὰ ὅα - καὶ αἰὲς ὁ αἰὲς ἀπέειτᾶ ἀπέδα;
ὁἰαῖ αἰεὶ - αἰμὲν ἰπὸ ἀπεί τὴν ἐπιταίε ἰπὸυ;*

δαὲν ὑδαί ἀε - «ἰὰ αἰεὶ ἐε πλεὺσθὰ ἀπεί», ἰπὸ αἰ αἰετᾶ - τὴν ἰπὸ ὄι ἐπὲν δα ἐπὲν δαί τὸ ὄ ἀε

Одной из наиболее активных торговых держав была Англия. В ее средиземноморской торговле в середине XVII века важное место занимал итальянский порт Ливорно. Мореплавание и торговля в значительной мере поддерживались участием многих евреев, которые были связаны со своими единоверцами в Стамбуле, в других крупных османских городах и с торговцами городов Западного Средиземноморья.

Ослабление военной мощи турок, ощутимое со второй половины XVII века, повлекло за собой падение престижа имперского правительства, дальнейший рост коррупции во всех звеньях администрации и, как следствие, – тяжелый, затяжной финансовый кризис. В таких условиях началась упорная борьба европейских держав за влияние на великого везира, значение которого особенно возросло в эпоху правления череды безвольных, мало пригодных к государственной деятельности султанов XVII–XVIII столетий. Падали доходы центра, в том числе и от внешней торговли, падали доходы провинций. Каждой провинции теперь все больше приходилось рассчитывать на собственные силы, поскольку денежные ресурсы империи постепенно таяли.



2 ἸΣΡΑΗΛ ἈΔΑΪ Β

Обретя большую, чем прежде, экономическую и военную мощь, европейские державы навязали Порте принцип защиты прав христианского населения. Россия отстаивала права народов православного вероисповедания. Именно этот принцип обосновывал все ее войны XVIII–XIX столетий, в которых турки теряли одну территорию за другой. Что касается еврейского населения, всем чуждого, то его положением ни в малейшей степени не была озабочена ни одна европейская держава. Правда, в самой Европе после Великой французской революции 1789 года различные категории населения, ранее бесправные, в том числе евреи, преодолевая многочисленные препоны, постепенно все же добивались формального равенства перед законом с другими гражданами.



Ἀὐτὸς ὁ Ἰσραὴλ. Ἰσραὴλ ἐστὶν ἡ ἀσπὴ ἡ ἀσπὴ. Ἰσραὴλ οὐδέποτε ἐστὶν ἐν XVII αἰ.

Историк О.Л. Вайнштейн, работавший в Национальном архиве Парижа, изучавший там французскую прессу революционных лет, нашел документы, свидетельствовавшие о сочувствии турецких евреев французской революции, которая «дала права гражданства их братьям». Однако подобным сведениям в революционных кругах левантйских торговых компаний особого значения не придавали. В Париже опасались любых осложнений в отношениях с Портой. Османская империя продавала Франции хлеб и тем побуждала французские власти к осторожности. В противном случае страна могла лишиться хлеба. Порта, в свою очередь, хотя и не симпатизировала революционным событиям в Европе, тоже воздерживалась от враждебных действий по отношению к Франции.

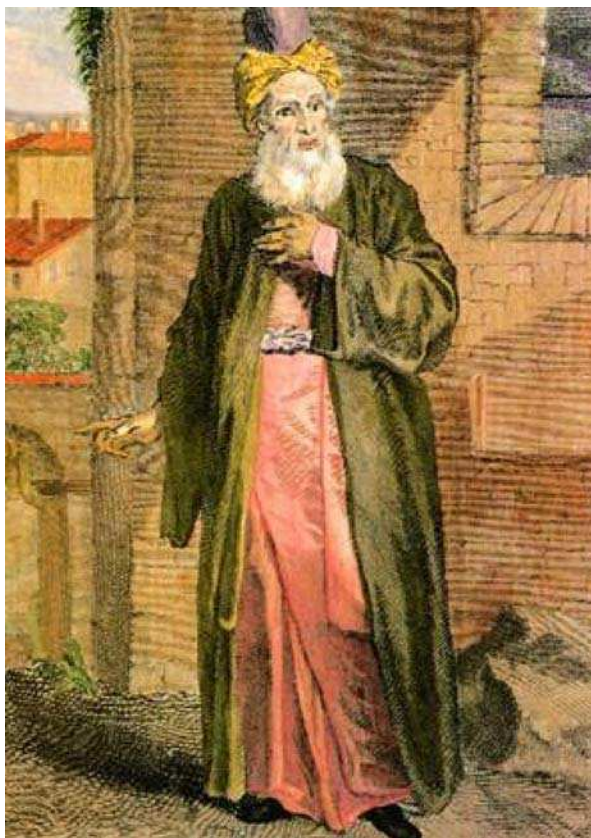


Γοόνι αίνεε εαίνυίτε ίαίνάί ίύε έίάιν ήεάέίάτε άύεάέίε. XVII á

Австрийский драгоман пришел к реису-эфенди Мустафе Решиду, будущему великому везиру, инициатору известных танзиматских реформ, с жалобой на французов, устраивавших в кварталах Пера шумные республиканские демонстрации. Жалобу он закончил словами: «Помилосердствуйте, эфенди, прикажите им хотя бы снять с голов эти их кокарды...» Решид с присущим османским чиновникам бесстрашием ответил: «Эх, друг мой, сколько раз мы вам объясняли: Османская империя – государство мусульманское. У нас на всякие значки не обращают внимания. Купцов дружественных держав мы считаем гостями. Что они хотят, то и надевают на голову; какие хотят, такие значки и цепляют. Если они наденут себе на голову корзину для винограда, то и тогда Порта не обязана спрашивать, зачем надели. Зря вы сами себя беспокоите...»

В османских документах есть сведения о том, что, хотя идеи французской революции и отголоски ее событий докатились до Стамбула, философская мысль, породившая эту революцию и революционные движения в других странах, подавляющему большинству населения Османской империи не была известна. Лишь небольшая часть богатых аристократов Молдавии и Валахии, зажиточных фанариотов (стамбульских греков из квартала Фанар), вступавших в контакты с иностранцами, другие христиане и евреи, знавшие французский язык, греческие судовладельцы и моряки, поддерживавшие торговые связи с Европой, и, наконец, мусульманские чиновники, находившиеся в деловых отношениях с иностранцами и фанариотами, имели кое-какое представление об идеях Великой французской революции. Основная же часть жителей империи, как мусульмане, так и немусульмане, вообще была мало осведомлена о каких-либо европейских делах. Многие жители Стамбула ничего не знали даже о том, что происходило на Бейоглу, во французском посольстве, где сторонники революции, прослышав о взятии Бастилии, нацепили трехцветные кокарды, столь раздражавшие австрийского драгомана, и открыто выражали свою радость.

Под угрозой упадка империи, а вовсе не под влиянием французских революционных идей наиболее просвещенные и ответственные османские чиновники, пользуясь поддержкой султанов, в XIX веке провели реформы, прежде всего в военной сфере, а потом в сферах законодательства и образования, в государственных структурах. Модернизация мусульманского государства, по сути теократии, оказалась невероятно сложным делом и растянулась на многие десятилетия. В итоге империя развалилась. Реформаторы встречали мощное сопротивление в обществе. Немусульмане (за исключением евреев), стремились к полной независимости. В этом их поддерживали европейские державы, особенно Россия, не только дипломатическим путем, но и силой оружия добившаяся освобождения Греции и балканских славян.



«Νοῦν ἀσέβησεν ἀνδρῶν».

Ἀδαφὸν ἠεὶδοεῖ ὁ Α.Α. Ἀντὶ ὄν

1714 ἄᾶ

Подавляющая часть османских чиновников не хотела никаких реформ и тайно их саботировала. Мусульманскому духовенству и массам мусульманского населения реформы представлялись отступлением от ислама, предательством, разрушением основ их религии и бытия. Султана-реформатора Махмуда II (1808–1839), сына креолки с острова Мартиника, мусульманские подданные называли гяуром и, конечно, могли бы убить, если бы династия Османов, к которой он принадлежал, не была для них священной.

Османским государственным деятелям в первой половине XIX века вопрос о равенстве христиан и евреев с мусульманами не казался главным, но он был связан с реформированием государственных учреждений; к тому же при постоянном и настойчивом вмешательстве европейских держав в дела Порты этот вопрос становился частью османской официальной политики.

Новым в сложившейся многовековой практике служебных отношений стало строгое предписание относительно оплаты расходов служебных лиц, их содержания во время разъездов по стране, которые некогда возлагались на немусульманское население. «Все официальные лица, – говорилось в фермане Махмуда II, – кем бы они ни были: везиры, мирмираны^[2] и т. д., имеющие надобность в поездках по империи, покупают необходимые им съестные припасы на собственные деньги, а бедные не должны снабжать их даром». Заканчивался ферман обращением к властям любого ранга с требованием, чтобы «все подданные султана – и мусульмане, и реая – были избавлены от притеснений и обид, укоренившихся в административной практике, что во все времена противоречило священным мусульманским законам и что противно личной воле султана».

В январе 1834 года был опубликован другой указ, запрещающий произвольные поборы в судах и налоги сверх сумм, установленных законом, ограничивавший средства на содержание чиновников, эмиссаров правительства.

Беспрецедентным, с точки зрения мусульман, был неожиданный поступок султана. В первый день мусульманского праздника рамазан он пригласил к себе константинопольского патриарха, главного раввина и двух армянских патриархов (католического и армяно-григорианского) и вручил им украшенные бриллиантами почетные ордена. «Этот поступок, – сообщал российский посол в Стамбуле А.П. Бутенев, – вызвал всеобщее удивление... Он служит доказательством намерений султана следовать системе терпимости и равенства ко всем своим подданным».



Άήτθιό άήτθό ίάσέ. Άδάρθά ηέάδθέί ύ XVIII ά

Махмуду II приписываются слова: «Среди моих подданных я различаю мусульман в мечети, христиан в церкви, евреев в синагоге, но, помимо того, никоим образом я их не дифференцирую. Мое отношение к ним, мое чувство справедливости ко всем равно сильно и все они поистине мои дети».

Гюльханейский указ (хатт-и-шериф) от 3 ноября 1839 года был оглашен в присутствии султана Абдул Меджида I (1839–1861). Он предоставлял немусульманам гарантии жизни, чести, имущества, которые прежде даже не декларировались. Воплотить в жизнь столь радикальные для мусульманского государства установления оказалось тогда нереальной задачей, поскольку они самым чувствительным образом затрагивали религиозные традиции мусульман. До разделения светских и религиозных начал в государстве было еще далеко. И все же именно этот указ, несмотря на преамбулу, утверждавшую верность вековечным устоям ислама, нанес им удар. Принципы Гюльханейского указа были подтверждены и развиты в хатт-и-хумаюне 1856 года.

Основой его была декларация веротерпимости: «Моя Высокая Порта примет энергические меры, чтобы обеспечить каждой религии, каково бы ни было число ее последователей, полную свободу проявления.

Всякое отличие или наименование, имеющее целью унижить одну часть моих подданных перед другими вследствие их веры, языка или племени будет навсегда устранено из всех административных документов. Законы будут строго карать за обычай употребления как частными лицами, так и властями всех рангов наименований поносных и оскорбительных.

Никто не должен быть стесняем в отправлении своих религиозных обрядов, никто не должен подвергаться преследованиям за свое вероисповедание, никто не будет принуждаем к перемене своей религии.

Поскольку назначение и выбор чиновников, а также прочих должностных лиц империи непосредственно зависят от нашей высочайшей воли, мы постановляем, что все подданные нашей империи, без национальных различий, будут допущены к отправлению публичных должностей – в зависимости от их способностей и заслуг и в соответствии с правилами, ко всем в равной степени применяемыми.

Все подданные моей империи без всякого различия будут допущены в гражданские и военные правительственные школы, если будут соответствовать условиям возраста и вступительных экзаменов, определенным в регламентах сих школ.

Сверх того, каждой общине разрешается учреждать собственные школы наук, искусств и промышленности, а способ преподавания и выбор учителей для этих школ подлежат контролю смешанного совета народного просвещения, члены которого будут назначены нашей высочайшей властью».

Как уже говорилось, далеко не все декларации высочайших указов нашли реальное воплощение.

Турки так и не решились вооружить христиан. Создание отдельных военных подразделений по этно-религиозному признаку было для них делом самоубийственным, а служить под началом командиров-мусульман христиане не хотели. Евреи предпочитали откупаться от службы в османской армии, благо это допускалось законом.

Γένι:αίεάτρεάκιο

^[1] *Αί ίννεάί p p ί:άάüü ί ί ίάά ί άüάέ ηδάίάέ (άίάέ).*

^[2] *Αάάάάί:άείüέ ίάαά, όί άάάέάάüü ίάάίέüü ίάά άδίαά. Α ί έδίαά άάüü ý έίü άίάίάάέ άάδίαάίίü άδίαά, άί άάüü ý άίείü ί ίά:έί ýέüü όάάάάί:άείüü ό ίάαά - άάέδύ*

А ТЕПЕРЬ КУДА ХОЧЕШЬ ВЛЕКИ...

Ááí ääèè Ñäðí íá

Поэт – дитя гармонии. Поэтому каждое проявление дисгармонии для него мучительно, нестерпимо.

Совесть – это тот орган, посредством которого художник чутко реагирует на каждое (даже минимальное, мимолетное) нарушение мировой гармонии.

То, что для простого смертного в достаточной степени обыденно, тривиально, в душе поэта может вызвать взрыв:

В ñáúì ýìáé èó:èííé äðíæó
È øáñò èí äéíé íáí ðàááá á èçáó
Áæ-èà ý íá ò ááý ííäýæó-
Ááü èáæ àò ù í íá
á ññ íáí äðíáó!
À ííà ì íá ñéáí úó äðéáéíá
Áúíèì áàò á ñðøéá èç-ííá íáð
À ííà èç ðáý:üèò í óí éíá
Í íááàò ì íá ñðý:èé í ò ááð
- Ñáðí:ó - ñáíðèò, -
ääì áúá..
Í óá ý íá äúøó- ñáí íá ðáá
Øáñò ù é í íðíáñ- èóáà ò àí !-
á í éá:í
Óóáí èéáñíè ò à ù èò í áçáä
Ùè øú äá ñóøú ó í áá
ñøü äá ì øá

Ἰεσοῦ ἀεὶ ἐὰ, ἰεσοῦ ῥοῦ ἂ

- Ἰε:ᾱᾱ, οἶδιῶᾱ, οἶδιῶᾱ!

Β ε ἡῖ ἁῖῖ ὀαῖῖε ἀᾱ εῖῖ ἂ

*× οἶ γοῖ γᾱ «οἶῖῖο εἶᾱεῖ ἰᾱῖ ῥᾱᾱᾱ», ἰᾱῖ ἰῖῖ οῖῖῖ εἶῖ οἶῖῖ, ὀαῖ ῖῖ ῥᾱῖ ἰ ἡῖ ἰᾱε:οῖῖῖ ἰῖ ῥᾱῖᾱῖ
ἰῖ γᾱ?*

Ἰ.Β. Ἰ ἁῖᾱεῖῖ οᾱῖ ἰ οῖῖ ἰ ἡῖ γᾱῖᾱῖ ῥοῖ ῥᾱῖ ῥᾱῖ ῖῖ ῖῖ: Ἰ ῥᾱῖῖ ῖῖ:

*«Ἰ οἶῖῖο εἶᾱεῖῖ ῖῖο - γοῖ, εἶῖ ἰᾱ:ῖῖ, οἶῖεῖῖεῖ ῖῖ, εῖῖ ἰ ἂ οἶᾱ, εῖεε:εᾱ ἁῖῖᾱ ε "ῥᾱῖῖ", ε
"οἶῖῖο εἶᾱεῖῖ" .. Ἐᾱε, οῖ ἰᾱ γᾱῖῖ οἶᾱᾱ ἰ ἂ ῥᾱῖ (εῖε ἰᾱ ἰῖᾱ) - οἶῖῖ ἰᾱεῖῖῖᾱᾱ.. Ἐ ἰᾱ γοῖ ἰ ῥᾱῖῖ ἂ
ἰ δει ἀῖᾱ ἰῖῖ ῖῖ».*

(Ἰ ἁῖᾱεῖῖ Ἰ ἁῖᾱεῖῖ οᾱῖ. Ἐἶ εᾱ ὀ δει οῖῖῖ.)

Первая мысль: это он наконец осознал подлинный смысл своих покаянных стихов («Средь народного шума и спеха...»). Осознал и – ужаснулся.

Но все покаянные стихи были написаны в Воронеже, в 37-м. Самые ранние из них – в 35-м. А под стихотворением «Я с дымящей лучиной вхожу...» – точная дата: 4 апреля 1931 года.

Значит, это о другом. Тогда – о чем же?

Вряд ли стоит даже гадать, какие конкретные свои грехи имел в виду О.Э. Мандельштам, выдавший 4 апреля 1931 года этот отчаянный взрыв самоосуждения. Да и какие уж такие страшные были у него грехи?



Ἀεῖᾱεῖῖᾱ Ὀἶᾱᾱῖῖ: «Ἰ ἂ εῖῖ ῥᾱῖ οῖῖ ᾱᾱ ἁῖῖ ἰ ἰᾱῖ ῖῖ ἰᾱεῖ ῖῖ»

«Не любить его было невозможно, и он этим пользовался с упорством маленького тирана, то и дело заставлявшего друзей расхлебывать его бесчисленные неприятности. Свой паек он тотчас выменивал на сладости, которые поедал в одиночестве. Зато в часы обеда и ужина появлялся то там, то здесь, заводил интереснейшие беседы и, усыпив внимание хозяев, вдруг объявлял: – Ну, а теперь будем ужинать!»

(Владислав Ходасевич. Колеблемый треножник. Избранное. М. 1991. С. 420.)

Впрочем, одному из мемуаристов удалось вспомнить о грехе более серьезном:



Георгий Адамович: «Было это в первый год после Октябрьской революции...»

«*Αυτῆς γοῖ ἀγαπᾶτε τᾶ ἱνεᾶ ἱεὸ ὑαδινετῆ δατηρῶε. Ἀδαι ἀτὰ ἀυτῆ οἰκῶν τᾶ ἀετῶν τᾶ Ὁ
ἰατηρῶεσ ἰ ἱετᾶσ εὐοδαοῖ ὄτᾶ ὑαεεᾶνι ἰ πῆυ ἰ ἰατηρῶε τῆ ἀεεᾶ - ἰ ἱεῶν εᾶ ἰ ὄτᾶ ἀεᾶ εᾶεσ ὀτ
εἶεᾶ - εἰ ὀτᾶ ἰ ἱεᾶ ἱεατῶν ἰ αἰετῶν ἰ ἰεαυετῶν ἱε: ἰ ἱατῶν ἱε ὅ ε ὑ γαυῆ, ἀα ἱε ἰε ἰε ἀπὸ
τᾶ: ἀεῦ, ἰ ἱ ἰρ ὀτῆετ, + ὀτ ὀδᾶτ ἰαεῖνι δατῶσ ἰ εᾶ Ἔοῖ ἀ: ἀνετᾶ. Ἀ ἰ Ἔοῖ ἀ: ἀνετῆ ὀ ὀ ἰ ἰ αἰε
αἱ ἰ οῖ + ἀτᾶ ἱ αἱ τᾶ ετᾶ ἀτᾶ ἱετῶσ ἀδᾶε, ἱ αἱ τᾶ ἰ εεᾶ σ αἱ ἱ α σ αἱ ἰ δεῦ ὀ αῦ, ἱ ἱ γ ὀ ἀ Δρ ὀ εᾶ Ἐ αἱ αᾶ...*

*ὀεῖ τῶν ὀ ὕ ὀ εετῆ ατῆ. Ἀ εἰ ὄ α εἰ ὄ τᾶ ἰ οᾶ εἰ ετᾶ ὀ ἱ, + ὀ ἱ ἱ ε: ἀτᾶ ἰ α εὐ ὀ τᾶ ἱ α εῦ, Ἔοῖ ἀ: ἀνεεῦ
δατῶσ ἰ εῦ ἱ α ἀαὸ. ἱ α ἀαὸ ὀ αε ἱ α ἀαὸ, ἰ ὄ τᾶ εᾶ ἰ ε αἱ ἰ ε ἀε: ἀτᾶ ἱ αἱ!*

*ἱ αἱ ἀε αἱ, ἀεἶ δᾶ ἰ ἱεᾶ γ ὀ ἱ α, ὑ ἰ δε σ αε ἀ: ἀτῆ ἰ α "ἱ δε σ αε εἰ ἰ α ε αἱ ὀ ἱ α", ἀα ἱ α ε δ α ε ἰ ἰ α ἰ α ε ᾶ
τᾶ ἱ α ὀ αε "Ἀδῆ ἱ: ἀε ἱ α ε ε", ἰ ὀ α ἰ α ἰ α ε ε α τᾶ ε ὀ ἱ ε. ἱ δε σ αε, ἱ: ἀε αἱ ἱ, δαἱ ἱ, ἱ ὀ ἱ ὀ ὀ ὀ ἀυεἱ
ἰ ὀ ἱ - ἱ ε εἱ α, εδῆ ἰ ἰ ἰ α ἰ α ε ε ὀ αἱ ἰ ἰ ἰ ἰ α ε ε ὀ ἱ α ἱ ἱ α, ἱ ἰ ὀ τῆ ἱ α, ἀτᾶ ἀε ἱ ἱ: ἀτῆ ἱ α
εᾶ ἰ εᾶ, ἱ οᾶ ε δατᾶ ἀδ ε α ὀ ἰ - ἱ ἰ ο ε α ὀ ἱ α ἱ ἰ ὀ ἱ ἱ ἱ ὀ ε ε ἱ α δατᾶ ἰ δ αἱ ε ἀ ἱ ε ε ὀ α ὀ ε ἱ ἱ ἰ ε:
ἱ ἱ ἱ ε ὀ ἱ α ὀ ἱ? ἰ εᾶ ε ὀ ὄ τῆ ὀ ἱ! - ε ὀ αε ἀε αἱ Ἀ α ὀ α ἰ ἰ α ε ε ὀ αἱ αἱ ὀ αε, ἱ α δᾶ ἱ ἰ ὄ τᾶ ἀε ὀ ε ἱ ε ἱ ἱ ε α ὀ
ε ἱ ε α ε:*

*- ἱ αὸ, γοῖ ἱ α ἱ ἱ ἱ α ε ἱ... ἱ ἰ ἰ α αἱ ε ἰ α ἱ δ ε ἱ ἱ ἱ ὀ ε ε ἱ α, ἀ ὑ ἀ ἱ ἱ α ἱ αἱ ἰ ἱ α ἰ α ἰ α ἰ α. Β α ἱ ε αἱ αἱ γοῖ
ἱ ε α τῶν ὑ ἀ ἱ ἱ α ἱ αἱ ἰ ἱ α ἰ α!*

*ἱ ε α ε ἱ ἱ, Ἔοῖ ἀ: ἀνεεῦ δατῶσ ἰ ε ᾶ ε, ἀεἱ ἀα ἱ ἱ α ε αἱ ἱ, αἱ ὀ ἱ α - εᾶ ε ε ὀ ἱ α ἱ ὀ ε - ἱ ἱ α ε αἱ. ἱ ἱ
τᾶ: ἀτᾶ ἰ α ε ε ὀ ἱ ἱ ἰ γ ὀ ἱ, ἀεἱ ἰ ἱ α ε ἱ δατᾶ ε ε ὀ ἱ ἱ α: ἀ ὀ ἱ δᾶ? Ὑ ὀ ὀ ἀ α ε ὀ α ε ἱ ἱ ἱ ε ἀ ε ὀ ἱ ἀ ε: ἀνεεῦ
δατᾶ ἀ ε ἀ ε ἱ δε: ε ἱ ε ὀ ἱ α, + ὀ ἱ ἰ ἱ α ἱ ἱ α ἱ ε ε ἱ ἱ α ἱ α: ἰ ἰ δ α ἱ ὀ ε ὑ ὀ ε ὑ.»*

*(Ἀ α ὀ ε Ἀ α ἱ ἱ α ε: ἱ α ἱ ε ἱ ε ἱ ἱ ἱ α ἱ ἱ α ἱ α ε ε ὀ αἱ ἰ Ἀ ε ἱ.: «ἱ ἱ ἱ ἱ αἱ α ε ε ὀ αἱ ε ἰ α ἱ α ἱ ἱ», ἱ.
1995. Ν. 192-193.)*

Обманывать, конечно, нехорошо. Но разве такие грехи должны обременять совесть человека, готового признать свое кровное родство с «шестипалой неправдой», жадно вкушающей отвар «из ребячьих пупков»?

Не исключено, что какой-нибудь грядущий следователь под впечатлением этого искреннейшего саморазоблачительного стихотворения решит, что в начале 1931 года Осип Эмильевич Мандельштам совершил какую-то жуткую подлость, какую-нибудь чудовищную сделку с совестью. Имеется чистосердечное признание обвиняемого: «Я и сам ведь такой же, кума». Чего же больше?

С таким же основанием биограф Н.А. Некрасова мог бы заключить, что последний довольно долго состоял в шайке убийц. Тоже ведь сам признался:

Î ò èèèòùèè, î ðàçáî î áíèòàòùèè,

Î áááòùèè ðèè á èðíàè,

Óááè ì áíÿ...

Николай Алексеевич действительно вел порой праздную жизнь, поигрывал в карты. Но ведь такую жизнь вели все! С той разницей, что все осознали эту жизнь как вполне обычную, нормальную, «правильную», а он осознал ее как ужасную, отвратительную, преступную.

Кому из партнеров Некрасова по карточному столу пришло бы на ум стыдиться своего выигрыша (или проигрыша)? Кому из них компания благовоспитанных, хорошо одетых людей, небрежно тасующих колоду карт или кредитных билетов, могла представиться вдруг жутким сборищем преступников, «обагряющих руки в крови»?

А Блок?

Èíñà í àí èááèèñü, òí á äðàèáí

èèÿèèñü

Áíèòàèè òèí è:íí è ìðÿíí.

Ï íà òòðí èð ðáàèí. Ï íòí,

çàí áðàèèñü

Ðàáíòàèè òòíí è ðÿííí.

Ï íòí áíèáçàèè èç áóáíé,

èàè ìñü,

Ñí íòðàèè, èàè ì íòá ã ðáèí.

È çèíòí èáæáíé ìðííæáé

èíñü

Ï èáíÿèèñü ñ çí áí èàí ááèà

Такую жизнь тоже вели все. Но далеко не все, живущие такой жизнью, склонны были так казнить себя, с таким искренним омерзением изображать свои обычные, повседневные занятия.

Допустим, Мандельштам отличался особой нервной восприимчивостью, почти болезненным сознанием своей загнанности, затравленности. Допустим, Блоку тоже не доставало душевного здоровья, сознание его было тронато декадентством. Допустим, Некрасова мучила двойственность его бытия, несоответствие его повседневной жизни иступленному народолюбию, ежедневно декларируемому в стихах.

Но вот Пушкин – ясный, солнечный Пушкин, казалось бы начисто лишенный этих интеллигентских комплексов:

Á òí áðáí ÿ äèÿ ì áíÿ æèà:àòñÿ á òèèèíá

×áñü òíí èòàèñü íá áááí ÿÿ:

Á áççáéñòáèè íí-ííí æèáèè ãðÿò áí í íá

Çí æè ñòðáá-ííé óðñíçáí ùÿ;

Ì á-òú èèíÿò; á óí á ííááéáí ííí òíñéíé,

Òáñ èòñÿ òÿæèèð áóí èçáúòíé;

Áíñííí èíáíéá ááçí íéáíí í ðááí í ííé

Ñáíé áèèííúé ðáçáèááò ñáèòíé;

È ñíòáðáúáí éáí ÷èòáÿ æèçíúí íð,

Β òðáí áúó è í ðíèèíáð,

È ãðñéí æáèóðñíí è ãðñéí ñéáçí èúð...



À.Ñ. Í óèèí: «Áíñííí èíáíéá ááçí íéáíí í ðááí í ííé ñáíé áèèííúé ðáçáèááò ñáèòíé...»

Нет, это не просто свойство личности, не просто надрыв, нервозность, болезнь души.

Жажда саморазоблачения – это органическое свойство каждого подлинного поэта. В известном смысле можно сказать, что поэт – это человек, одержимый неистребимым, мучительным комплексом вины.

Он одержим комплексом вины, потому что он – дитя гармонии, а ему приходится жить в дисгармоничном мире.

Достоевский в знаменитой своей речи о Пушкине, прежде чем повторить (уже не от лица Ивана Карамазова, а от себя самого) рассуждение о невозможности строить здание всеобщего счастья на чьих бы то ни было слезах, так объяснял поведение Татьяны Лариной («Я вас люблю, к чему лукавить, но я другому отдана...»):

«...Ðáçáí í íæáð ÷áçíáèè íñí íááòúí ñáíáí-áñòúí íá íáñ-áñòúé áðñáá? Ñ-áñòúí íá á íáíéð òíèúéí íáñáæááí èÿð èðááè, á è á áññóáé ááñí ííèè áóóá çáí áñííéíèòúí áóó, áñéè íáçááè ñòíèò íáñ-áñòúíúé, ááçáéíñòíúé, ááñ-áçíáá-íúé ííñòóíé?...»

Свойственный каждому истинному художнику комплекс вины есть, таким образом, не что иное, как преобразованная жажда гармонии.

Но разве нет другой возможности обрести высшую гармонию духа? Неужели для этого существует только один мазохистский путь?

Л. Толстой пришел к нему не сразу. В вариантах и черновых редакциях «Войны и мира» можно прочесть такую гордую декларацию:

«В іа і аіаі еі, еае м аеі аіаі деі І ое еі, е м аеі аіаі р, ÷ оі у адепсі едәо, е і і діаеі і р, е і і і деіаі-еаі, е і і і і еіаеі і р. В адепсі едәо і і оі і о ÷ оі аі і і еіао і і діаі еіа і о і і а, аіаі а і діаіаі і і ео, і і а і а о і еіа і а м аі о і і, і і і м аі і і діаі і о і і. В адепсі едәо і і оі і о ÷ оі аі і е о а і і а о і о а а е р а а е е о а а е і е е е а і і о е і м і е і а е у і е а е р а а е е е г і і і і о а і д а e a p i a i u y i a o i e u e i a A i a d a, A a d a e D a o a y e a, і і е а і а і о і а е і-а о а е г і е. В адепсі едәо і і оі і о ÷ оі аі е о а е і-а і о е e a ÷ оі і е у, і е і о а о, і е а і і і е і а г і а e e і о e a u і а e a o m a i o u p e і о e a i p, і а е і а e e і а і а о і а е і і н о е і e e i i o i e e i a a і e ç a e a i a a o u i e e e a i y o u u y, і а ç a e e і і о d a i i n d e і a d a ç a i a a o u u y a e y a a i a a e a e y i i e i a e a i e y a i a o a e o. і. e m u o a i e e, e i o i d u i i t a a d a p o n y e p a e a і o e a a В а e a o ÷ оі у о і а і е і о і а і-а і о і а, е a e a i a a o p ç a і a a A - a i, і і а e a e і-а і о і а у о і і а і д e і a a e e o a i i, o i e ç y o i a y i a a e a o i d e - e i u i o d a e a o u u y i o і a a e і а і і e i ç i a a o u u y e i ».

Со свойственной ему редкой независимостью ума Толстой смело противопоставил свой аристократический эгоизм традиционному либеральному народолюбию русской общественной мысли.

В пылу полемики он даже не удержался, что называется, в рамках, и дал волю своему раздражению:

«В адепсі едәо і і оі і о ÷ оі і а і і а о а д e o u i a a i m e e e o i, o i i e e e a e u i e a a e e e o p ÷ a i o i i n o u i ÷ a e i a e a, e i o i d u i e e i a i d y a o a i i n o i a e u a i e o e i o i d i a a o e a i A - a i a a i a a o u ».

Однако, если откинуть эти азартные полемические выпады, может показаться, что в принципе Толстой прав.

В самом деле. Ему выпало счастье. Его нравственный облик не был искажен уродливыми общественными условиями. Дисгармония не вторглась в его душу, не деформировала ее на свой уродливый лад. Что тут плохого? Разве плохо быть гармоничным человеком? И разве не удел художника выражать гармонию? Может быть, настанет время, и те, другие, тоже приобщатся гармонии, и тогда им пригодится то, что выражено, воплощено, запечатлено им.

Но так не выходит.

Так жить нельзя, потому что жить так – это значит самому исказить свою душу, деформировать ее «б-жественную сущность»:

«...а e a e e і-а і о і а у о і і а і д e і a a e e o a i i, o i e ç y o i a y i a a e a o i d e - e i u i o d a e a o u u y i o і a a e і а і і e i ç i a a o u u y e i ».

В этой фразе, по видимости такой определенной и твердой, есть уже какая-то неуверенность в своем праве на гармонию, купленную за чужой счет.

Из этой крохотной искорки, из этой едва различимой неуверенности вырос весь будущий Толстой. Тот, который записал у себя в дневнике уже известные нам слова: «Имею ли я право так радоваться жизнью?»

Попытка создать оазис гармонии в дисгармоничном мире не удалась.

«І і а м а o i i a i i i e o u - і e o a o і і a a a i i o a o i a a i y i a i o e i i o e a i o o A. A. O i e n o i e, - e a e y a o i u a a e e e a e a i, e a e a o u y, a i a a o a ÷ o i i і a e i i i a a a i o d i e o u i-а і о e e a i e e ÷ a i o i u e і e d i e, a e i o i d u i m i e i e i i, a a і o e a i e, a a d a i e a y i u y, a a і o a i e o u a e o u i a a a і і d e o i i u e o e a a e a o u і а o i d i i y u i a e e o d a o i i a i o i e u e i o i d i o a a N i a o i i! І a e u y... x o i a u a e o u - a i o i i, і a a i d a a o u u y, і o a o u u y, a e o u u y, і o e a a o u u y, і a - e i a o u e a d i i a o u e і i y o u і a - e i a o u e і i y o u a d i i a o u e a a - і і a i d i o u u y e e e a o u u y. A m i e i e i n o a e a - a o e a a i a y i i a e i n o u ».

Оказывается, наслаждаться гармонией духа в одиночку так же безнравственно, как безнравственно наслаждаться гармонией тела (верховой ездой), если другим это наслаждение недоступно.

Неимоверным духовным напряжением достигнув высшей гармонии, Толстой отрекается от нее точно так же, как некогда отрекся от гармонии, полученной по праву наследства.

Толстой согласен был жить «в вечности» только в том случае, если бы в этой «вечности» нашлось место и для Бориса Ивановича Котофеева. А если случилось так, что Борису Ивановичу Котофееву «вечность» недоступна, то и ему, Толстому, она тоже не нужна.

Все это казалось одной из очередных причуд, еще одним из надоевших, привычных чудачеств гениального старика. Все-таки, что ни говори, Толстой был «городским сумасшедшим». Давным-давно, еще когда он, бросив литературу, сделался сельским учителем, Тургенев меланхолично заметил в письме к Фету:

«Ἐὰν ὀρέσῃς τὴν ἰδιότητά σου ὡς οὐρανὸν ἄστρων ἢ ἡθέρην, οὐδέ σοι αἰὶνὸν ἐπιβίον ἴσθαι δὲ ἔστιν ἡ ἰσχυρὰ δεινότης ἀλλοτρίων ἐν δόξῃ - ἐπιβίον ἴσθαι?»

Однако со временем «комплекс Толстого» стал чем-то вроде нормы чувства для поэта.

Никого не удивило, когда Маяковский проклял поэзию, изъявил готовность упразднить ее, потому что «улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать...»

Но вот антагонист и ненавистник Маяковского – Ходасевич, еще недавно холодно отмечавший:

Ἐπαῖθ' ἐπαῖθ', ἐπαῖθ' ἰδεῖσθαι

Ἴψ' ἰψ' ἐπαῖθ' ὀρεῖσθαι ἀεὶ οὐ

Ἐὐαὶδῆν σὺ ἄρ', ὡς ἰδεῖσθαι

Ἴψὸς οὐδὲν ἐξ ἰψῶν

Так откровенно и так надменно пренебрегавший мнением народа Ходасевич вдруг тоже стал мучительно стыдиться своего призвания, своих «вещих зениц», своих преимуществ перед Борисом Ивановичем Котофеевым:

Ἴψ' αἰψῶς ἐδὸς ἰψῶν,

Ἴψ' ἰψ' ἐδ' ἰψῶν - αἰψῶς, ἐπὶ πῶς αἰψῶς, -

Ἀλλ' ἴψ' αἰψῶς ἀψῶς ἰψῶν ἰψῶν

Ἴψ' αἰψῶς ἰψῶν ἐπὶ πῶς αἰψῶς.

И Цветаева, еще недавно упивавшаяся своей отмеченностью, своей помазанностью, решительно и гневно отказывается от священных прерогатив, дарованных ей посланцем Б-га, шестикрылым Серафимом:

Ἴψ' αἰψῶς ἰψῶν αἰψῶς

ὀρεῖσθαι, ἰψῶν αἰψῶς αἰψῶς

Ἴψ' αἰψῶς αἰψῶς ἰψῶν ἰψῶν

Γόααò íàèí - íòéαç

Оказалось, что Толстой лишь несколько раньше почувствовал то, что впоследствии стало достоянием многих. Он почувствовал, что возникает ситуация, в которой отречение от искусства – это единственная возможность оставаться художником. О том же говорят и Маяковский, и Ходасевич, и Цветаева. В такой ситуации продолжать как ни в чем не бывало писать стихи – это значит перестать быть поэтом.

Так духовный мазохизм русской интеллигенции получил еще одно мощное подкрепление.

Но можно ли быть художником, не испытывая потребности причаститься чужой беде, чужую боль ощутить как свою собственную? И разве виноваты были русские поэты, что им довелось жить в стране, где каждый поэтический вопль, каждый крик, каждый стон принимался как практическое руководство к немедленному действию?

Даже Достоевский был в этом повинен. Я говорю «даже», потому что Достоевский яснее, чем кто бы то ни было, понимал, какими трагедиями чревато столь характерное для русского интеллигента нежелание считаться с малейшим разрывом между теорией и практикой.

Не зря, произнеся в своей речи о Пушкине знаменитые слова о русском скитальце, которому необходимо всемирное счастье («Дешевле он не примирится!»), Достоевский тотчас прибавил: «Конечно, пока дело только в теории...»

И все-таки даже он не удержался. Даже он кинул свою искру огня в это море бензина, хотя уж он-то должен был знать, что русский скиталец, движимый стремлением к всемирному счастью, скорей возьмется за бомбу, чем за перо.

Как бы то ни было, нельзя судить писателя за то, что у него больная совесть.

Совесть – рабочий инструмент художника. Это тот орган, посредством которого художник проникает в суть вещей. Поэтому совесть у художника всегда воспалена, она всегда болит.

Некогда предполагалось, что именно это свойство художника и должно быть гарантией его непогрешимости, гарантией нерасторжимости его связи с истиной.

Однако случилось так, что именно оно стало источником особой его уязвимости, его ахиллесовой пятой.

В этом тоже проявилась уникальность взаимоотношений, сложившихся между художником и государством нового типа.



Ô.Î. Áíπò íàííéé: «×àí àíí íéíεòü àáü, àííε íαçàèè òò íεò í àí·àíòí úé, áαçεàèí òò í úé, ááí·àèí àá·í úé í íñòü íé?..»

Стальная дубинка сталинского государства ударила Мандельштама в самое больное место: в совесть.

Все шло к тому, чтобы неясный комплекс вины, терзавший душу поэта, принял четкие и определенные очертания вины перед Сталиным.

Сталин говорил от имени вечности, от имени Истории, от имени народа, от имени вековой мечты русской интеллигенции – от имени ее Христа. Он узурпировал даже право говорить от имени самой поэзии, от лица таинственного «ключа Ипокрены».

До поры до времени все эти многочисленные аргументы не действовали на Мандельштама, они были бессильны перед присущим ему сознанием своей правоты.

Но всё мгновенно изменилось, едва только оказалась задета его совесть.

Случилось это «среди народного шума и спеха, на вокзалах и площадях», там, где «шла пермяцкого говора сила, пассажирская шла борьба». Дело тут было уже не в самом Сталине, не в низкорослом и низколобом «кремлевском горце» с жирными пальцами, а в его идеальных чертах, в его облике, в его портрете, который вся эта голодная, нищая толпа вобрала в свою душу, приняла и узаконила так же бессознательно, как она приняла и узаконила словосочетание «враг народа»

Ñòááüí àðíáííáí øóí à è ñí'áóá,

Í à áíéçáèáò è í'èíúááýö

Ñí í òðèò áíèá ì íáí:áý áíüá

È áðí'áé í á:èí ááòíý áçí áó.

В óçí'áè, íí óçí'áè, ò ù óçí'áè,

À ò áí'áðí'èóüá òí:áóü áéáéè -

Á áí'áí'ðèè áí'á áááðè áí'èçáèá,

Á íæèááí'üý óí íúí'íé ðáèè.

Дело было не в Сталине, а в народе, к которому Мандельштам впервые прикоснулся своей судьбой, беде которого он причастился, из одной кружки с которым пил:

Ááèáéí' ò áí'áðí' ò á ñò'íýí'èá,

Òí ò ñ'áí'áí'è èèí'ý:áí'íé ááè,

Í à öáí'í'-éá èðúæéá-æáí'ò'ýí'èá

È áèáçá çáí'ò'èèááçèé ì ðáè.

Приложившись губами к этой жестяной кружке, Мандельштам испытал вдруг непреодолимое желание разделить с народом не только его судьбу, но даже и его заблуждения:

А теперь куда хочешь влеки...

Подобно Толстому, который понял, что нельзя очиститься в одиночку, что это есть «величайшая нечистота», Мандельштам не хотел один обладать истиной: «Если народ вне истины, пусть лучше я буду не с истиной, а с народом».

Это чувство слитности со страной, с ее многомиллионным народом было таким мощным, таким всепоглощающим («сильнее и чище нельзя причаститься!» – говорил Маяковский), что оно незаметно перевернуло, поставило с ног на голову все представления Мандельштама об истине, всю его вселенную:

*Ī īy ņōdāi ā m̄ i īīp āāīdēēā,
Ī ēdāīēēēā, æōdēēā, íá īōī:ēā,
Ī ī āīçī œæāōāā ī āīy, ēāē ī:āāēōōā,
çāī ādēēā – è āāōōā ēāē ÷ā:āāēōā,
Āāī ēdāēōāēīēēī ēō:ēēīī çæēā..*

Страну, бывшую для него прежде некоей абстракцией, он вдруг увидел воочию («как очевидец»), приобщился к ней, к ее повседневной жизни,пил с нею из одной кружки. И сквозь дальность ее расстояний, сквозь эти орудия, спешащие куда-то толпы людей, сквозь это великое переселение народов он вдруг, как сквозь гигантскую стеклянную чечевицу, заново увидел крохотный лучик адмиралтейской иглы. И этот крохотный лучик, тысячекратно усиленный этой гигантской линзой, зажег его.

Вряд ли слово «чечевица» возникло тут случайно. Уж слишком легко ассоциируется оно с чечевичной похлебкой, за которую библейский Исав продал свое первородство. Не исключено, что подсознательно Мандельштам ощущал происходящую с ним перемену предательством, изменой самому себе. Как бы то ни было, в великой суতোлке спешащих людских толп ему померещился некий созидательный смысл, и он уже готов увидеть в Сталине нового «строителя чудотворного», а в происходящем вокруг – не крах, не конец, но продолжение Петербурга, продолжение великого дела Петра, которое тоже ведь началось с такого же бессмысленного перемещения людских толп, с крови, грязи и нищеты, а завершилось – великом городом на Неве, было увенчано адмиралтейской иглой и пушкинским «Медным всадником».

Когда-то, еще до ареста, Мандельштама ужасала мысль о неизбежном конце петербургского периода русской истории. Душа его не могла смириться с концом Петербурга, города «Медного всадника» и «Белых ночей». Он уговаривал себя, что этот мир ему чужд, что связь его с ним до смешного тонка, в сущности, иллюзорна. Но отрешиться от этой связи он не мог:

*Ń ī ēōīī āāæāāī ūī y āūē ēēōūōāy:āīēē ņāyçāī,
Ōīōdēō āīyēīy è íā āāōōāēōāā m̄ īōdāē ēm̄ īāēīāūy –
Ē í ē ēōīī ēōāē āōē è y āī ó íā īāyçāī,
Ēāē y í ē ī ó:ēē ņāy īī ÷œēīī óīīāīāūp.
Ń āāēīīñōūp æōīīē, íāñīēāōēīī, ā ī ēōdāīāīāīāīē
B íāñōīyē īīā āāēīāōñēēī īīōdēēīī āāīēā
Ē íāā ēēī īīīīē Īāāp īīāōōñō ñō īōōāēāīē
Ī íā íēēīāā, íēēīāā íā íēyñēā ōūāīēā
×ōy āyāōūēāēāçīē, īōōāāā m̄āūōēē
ī yōāēīūō*

В о́аеае́ е́ іао́ае́аі іа́ хао́ііа́ і іо́а

È iò édañnâö òíññâíéñ - iò óâñ

áâñíáñííé íáεíúñ-

Ñεεúεí ÿ i ðεíÿε ñ òúáíúñ, íáññâú

è ãñ!

Òâé iò-áñ æ áñ ñεñ ííð ÿò iò ãññ

ãñæáñò

Í úññÿ é ÷óññâáí í íεí íí ñòáðεííí ó

í ðáá?

Í í iò ííæáðñá áúá é í iðññíá íáññâó,

Ñáí íεþáεáñé, í ðñεÿóúé, í ðñó íé,

í íéíæááñé!

Ему, пасынку этого города, никогда не плясала цыганка. Но она плясала Феде Протасову! Здесь, на этих торцах раздавалось «тяжелозвонкое скаканье» Медного всадника. Здесь витали мучительные сны Достоевского...

Мандельштам написал однажды (в «Шуме времени»), что «разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова.

Едва ли не каждый факт, каждая вежа, каждый поворот этой внутренней биографии Мандельштама – биографии его души, – был связан с Петербургом:

Æáèòúé íáð íáòáðáóññéñé çèí ú,

Æáèòúé ññ áñ íáèèíáþùéé íèèòú...

В íáçíáþ, áñá áñ é áñá í ú,

Òñεúεí çíáþ, ÷òí éðáñéí í ú ññèòú.

Ñí-éíéè èè íáñ òáðñéé óεáç?

Í iò ííèòúèè íáñ òáñú çáúéè?

Áí áñòí ñεáçéè á í ðñóááòáí ó íáñ

Òñεúεí εáí í é áá ñò ðáñí úá áúèè.

Òñεúεí εáí í é íáí áàè ÷áðñáé,

Áá Í ááó áóðñ-æáèò íáñ òáñòá,

*Àà íñòúí è íàí ùõ íéñàääé,
Àää èàçí èèè èþááé àí ðàññàò à
À ÷ òí áúéí ó í àñ í à çàí èá
× àí àí çí àññý ï ð äé í àø ääúäááé,
À ò àí í ù õ è á ð äò äé àí ò í à ñ è á á -
çá àò ð à ñ ò àí à ò ð àññý ÷ ù äé ç á á á á é.
Ó æ í à ÷ ò í í í á ú è äñ ç á í è ñ ä é,
À à ñ è á è ó í àñ à à ø á í ù é à ù ä ä é,
Ò ä ð í ç í à è ð à ç á á ä è ò ú í á ñ ù ä é,
È í ð è æ à ò à ÿ ñ ò ä è à í à ø è ä ï è.
Í è è ð àí è á é, í è ÷ á á á í, í è ñ à ÿ ò ú í ù
Í è í è ð à æ á é, í è ñ è á ç, í è ó è ù á è è...
Ó ï è ù è í è àí í è è ç í à ð ç è ù õ í ò ù ú í ù
À à ñ ç á í ù à í ð ï è è ÿ ò í é í ø è á è è...*

Это гениальное стихотворение Иннокентия Анненского стало для Мандельштама не просто фактом его биографии, но воистину событием, определившим многое в формировании его духовного облика.



È í í è á í ò è è À í í á í ñ è è é: «Ó ï è ù è í è àí í è è ç í àí à à ä è ÷ ä ð í ä ä é, ä ä Í á á ò á ó ð í - æ á è ò í àñ ò à ð à ò à...»

«...Ñ à ù ð à á í ù í è ç «À í í è è í í à» è è ñ ò è è í í, à à á á ú é í à í à ÷ à ò à í í ñ ò è è ï í ò à í ð à í è á À í í á í ñ è í àñ «Í à ò ä ä á ó ä», Í à í à ä è ù è ò àí í á ð à ñ ò à ä ä è ï ÿ á ò á - á í è á àñ è ñ à ù ä é æ è ç í è.»

(Í è ä ä È ä è í á í í à È è ç í ù Í ñ è í à Í à í à ä è ù è ò àí à Í à ò ä ä á ó ä 2003 Ñ ò ä 31-32.)

Казалось бы, сказанного более чем достаточно, чтобы понять, почему, по какому такому «старинном праву» этот город – «самолюбивый, проклятый, пустой, молодежавый!» – «до сих пор довлеет» его мыслям и чувствам.

Но сам поэт на этот свой роковой вопрос дает иной ответ – куда менее внятный, можно даже сказать – загадочный:

*Íáííòòì óèÿ ÷òí ÿ àèääë
íà ààòñéíé èàðòéíéá
Èääë Áíäëáñ ñ ðáñí óíáí ííé
ðúæáð àðéáíé,
Β ííàòíðÿð àíáí ðí ñáÿ
ííá ñððáéíέó
Èääë Áíäëáá, í ðí ùáé!
Β íáííí íð, Áíäëáá..*

Леди Годива – героиня стихотворения А. Теннисона: она умолила своего сурового мужа графа Ковентри освободить народ от тяжелой подати, за что согласилась выехать из замка верхом обнаженной и проехать в таком виде по всему городу. Этим условием граф хотел унижить жену, но жестокий план его провалился: она ехала по пустому городу, все жители плотно закрыли ставни своих домов, чтобы не видеть унижения графини.

Едва ли не все исследователи, пытаясь разгадать смысл этой – и впрямь несколько таинственной – последней строфы стихотворения, видят в ней намек на реальную женщину, одну из тех «европейнок нежных», которую поэт видел обнаженной:

*«Ñ ÷íñé ðí í ðí ùááòíÿ áñ ðáèè áíéóáííé íááòíé, - ÿ áíááúáðññí àá íá ñéáéó...»
(Ñáí óèè Èòòúá Óñí áðè ÿñ í áèááí éÿ. Í àò áðáòá 2002. Ñ. 215.)*

С чьей волшебной наготой прощается в этой строфе Мандельштам мы, значит, так и не узнаем: автор знает, да не скажет.

Но другой исследователь, другой комментатор более откровенен: он не скрывает от нас своей догадки, которую полагает даже не догадкой, а точным знанием. И он прямо называет имя и фамилию той женщины, с волшебной наготой которой якобы прощается в этом стихотворении Мандельштам:

«...Áðá Ñóááéééíá áúéá æáí ùéííé íí ðáçé ðáèíñ ùó áí áéíéó èá:áñóá, íáí á èç í áðáíð «çáçá» ðí ááá ðí éíéí í áðíæáááó ááíÿ ðññéíá èéíáí àð íáðáóá.. Çááááÿ ñéçíí í áí áðáá, çáí á-ó ÷òí ÿíé ðáò «òíááóíáé èðáñáéóó» é íáé íééáé íá í ðéí áí éí, éáí é á æóáíéíé ñóáðíñé, éí ááá í íá áíáéíññí íáé ñóíééí óóñÿ, áíáéÿááé í íá í óáéíí éÿðúá.. Í ÿÿó áúááé ÷áñóúí áñóáí á áíí á Ñóááéééí ùó á Èíéòáááéá.. è, ñáÿ íí ñó ðí-éáí í áðáéááó è íí ííñéááí áé ñó ðí óá «Ñ í èðíí ááðæááí ùí...» í Èääë Áíäëáá ñ ðáñí óíáí ííé ðúæáð àðéáíé, í ðí ñéáéááó áé íáí ææáí ííé, ñ áéáñ í éááí áá ÷áðç ááññí á ðí á áéááé áá áí áðáí ÿ éóí áí ùÿ á í í ðá».

(Èíñéó Áðíáñéé. «Ñ í èðíí ááðæááí ùí ÿ áúé èè óú ðáÿÿ:áñéè ñáÿçáí...». «Çáçáá», 1997, ¹ 1. Ñ. 26.)

Кто его знает, может, оно и так. Хотя, если бы это было так, вряд ли, я думаю, поэт ассоциировал бы свое воспоминание о купающейся в море Вере Судейкиной с леди Годивой, на обнаженное тело которой, едва прикрытое рыжей гривой волос, не посмел взглянуть ни один из жителей

города. Вернее, посмел только один, но у него – согласно легенде – тотчас же вытек глаз. Вряд ли Мандельштам хотел бы оказаться в одной компании с этим охальником.

Но дело в конце концов даже не в этом.

Просто, чем заниматься такого рода сомнительными догадками, я предпочитаю (как и в случае с «Ламарком») попытаться понять смысл этой строфы, исходя из того, о чем говорит нам само стихотворение.

Да, говорит нам этим своим стихотворением поэт, никакие светлые и радостные воспоминания не связывают меня с этим городом. Ни одной крупницей души я ему не обязан. Но сейчас этот город унижен. И в этом его унижении я его не предаю.

В балладе Теннисона нашелся только один низкий человек, обрадовавшийся унижению гордой графини. Сейчас таких радующихся – тьма. Но он, поэт, не из их числа. Он не станет смотреть на этот рухнувший мир в его унижении, радоваться этому его унижению.

И последняя строка стихотворения («Леди Годива, прощай!») – это прощание не с женщиной, а с тем рухнувшим, растоптанным и униженным «миром державным», от которого он в юности вытерпел столько «смущенья, насады и горя». И слова «Я не помню, Годива...» означают: «Я не помню, не хочу помнить всех обид, выпавших мне от этого рухнувшего, растоптанного, униженного ныне державного мира».

Если угодно, это было прощание со всем Петербургским периодом истории Российской.

Но по пути в первую свою ссылку, в Чердынь, «среди народного шума и спеха», Мандельштаму показалось, что петербургский период русской истории продолжается. Лучик петровского Адмиралтейства не угас, он вошел составной частью в этот кровавый пожар.

Мандельштам инстинктивно ухватился за эту надежду, как за последнюю возможность спасения.

Принять ее – значило признать, что «душегубец и мужикоборец» прав, что он воистину – «строитель чудотворный».

Но не принять ее было еще страшней: ведь это значило «выпасть» из истории, остаться в стороне от этого «народного шума и спеха», от великого исторического дела. А к бытию вне истории, к внеисторическому существованию, как я уже говорил, Мандельштам был не приспособлен.



**«Ἐὶ τὸ ἐδάφιας οἰαῖαι εἶα - τὸ δᾶσ ἀδῶν ἰγῶν ἰεῖ ἰεῖ ἰεῖ - πέριεῖτ ὕ ἰ δεῖε ἢ οὔαι ὕ, ἰ ἀνῶν εἶ
αῶν!»**

Признать разумность происходящего – это было для Мандельштама гораздо больше, чем отказаться от одной исторической концепции и принять другую. Это значило для него не просто отречься от прежних своих взглядов. Это значило отречься от самого себя, от своей души, стереть, выжечь каленым железом из самых глубин подсознания свою прежнюю личность. И он пошел на это.

Слова Мандельштама о том, что он входит в жизнь – «как в колхоз идет единоличник», – не были риторической фигурой. Он действительно как бы вступал в мир заново, отказавшись от всего накопленного им прежде духовного имущества, от всех – без исключения! – даже самых интимных, самых дорогих ему «предметов» своего духовного обихода.

Русскими интеллигентам, вступившим в жизнь на заре нашего века, досталось пройти через такие испытания, какие и не снились их отцам и дедам. Нет на свете казней и пыток, которые не были бы им знакомы по личному опыту. Немудрено, что их мысль, как магнитная стрелка к северу, неизменно обращалась в эту сторону:

**«Ἴ ἰ αὐαῖα οἶ ὅαιαι αῶν, ἱῖ αὐαῖα οἶαῖα, εἶαῖα - αἶαῖα ἰ ὅ-ἀρὸ αῖαῖα, ὀαε - ὀῖ ἱῖ ὅαῖα
“εἶαῖα”, ὀῖ αῖαῖα ὅαῖα “ὅαῖα εἶαῖα”, - ὀαε ἱῖ εἶαῖα εἶαῖα εἶαῖα ἰ δε ἰ ἰ ὅαῖα αῖαῖα, - εἶ αῖα
ἰ ὅ-αῖαῖα - αἶαῖα, εἶ αῖαῖα ὀῖ εἶαῖα εἶαῖα εἶαῖα, ἀ δὲ εἶαῖα-αῖα εἶαῖα ἱῖ ἱῖ ἱῖ εἶαῖα, ὀῖ αῖα
εἶαῖα, ἱῖ ὀῖ αῖα εἶαῖα - αἶαῖα-αῖα»**

Ἐ ἰ αῖαῖα εἶαῖαῖα ὕ - αἶαῖα εἶαῖα εἶαῖα ὀῖ αῖαῖα, εἶαῖα ὀῖ αῖαῖα αῖα ἰ αῖαῖα, - ὀῖ αῖα ἰ ὅ-αῖαῖα

Ἰῖ - ἰ ἱεῖ εἶαῖα αῶν.

(Αεεὶ ὀῖ ὀῖ αῖαῖα. Ναι ὀῖ αῖαῖα ἰ ὀῖ αῖαῖα αῖα)

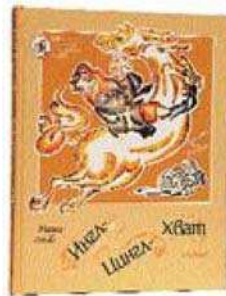
Этот кошмар потом стал реальностью для многих. И вот даже Мандельштам, менее чем кто бы то ни было затронутый духом приспособленчества и конформизма, даже упрямый, независимый, «жестоковыйный» Мандельштам – и тот испытал искреннейшее желание прильнуть щекою к теплым ладоням мучивших его палачей.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО ДЛЯ ХОРОШИХ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК



Υψηλή ποιότητα. Είσι-εά (Όα-Άαίγ). Νέαρεά

Ì . : Ì άάάάά; Άίì άάάάάέ έί έά, 2004 - 20 ñ



Ì áí-Éáá Éí-Öéí-Öáò.

Ì . : Ì ñòù éóüòóòì; Jerusalem: Gesharim, 2004 - 24 ñ



Ì éóüì Ì άάάάά Νέασι-έέ άέü ì ááí üéö ááò áé.

Ì . : Ì ñòù éóüòóòì; Jerusalem: Gesharim, 2004 - 48 ñ



Īāñē Āðēç Ōāēāī ñēēā ī ōāðāōū. Ñēāçēā

Ī. : Īāðāēēāēē; Āīī āāðāēñēēē ēī ēē, 2004 - 70 ñ

Как известно, детские книги – это такие книги, которые взрослые по разным причинам любят читать детям. В лучшем (для детей) случае взрослые поступают так, движимые ностальгией по собственному детству. В худшем – из воспитательных соображений. От этих наших происков дети очень быстро сбегают, унося под мышкой преогромную пачку книг, которые «им читать еще рано». Впрочем, сомнительный опыт детства отнюдь не ограждает их от того, чтобы через 20 лет, произведя на свет собственных отпрысков, с выражением читать им те самые книги, которыми их в свое время «доставали» родители. Все очень просто – у каждого из нас на карте детства остается «Заколдованное место» из «Винни-Пуха», где маленький мальчик всегда будет играть со своим медвежонком, сколько бы нам самим ни было лет.

Тем же делом занимаются и книгоиздатели. И скажем им за это великое «спасибо». Потому что, когда они публикуют под видом «детской литературы» книги, которые взрослые с удовольствием будут читать беззащитным детям, – они оформляют их со взрослым вкусом, не рассчитывая понравиться только ребенку. Если бы это было не так, от детской литературы остались бы лишь комиксы (до 8 лет) и Мопассан (начиная с 8 лет).

Детские книги, издаваемые Михаэлем Гринбергом («Гешарим / Мосты культуры») и «Джойнтом» («Параллели»), отличаются прежде всего замечательным оформлением. Недаром два из четырех представленных здесь изданий иллюстрировал Элеазар (Эль) Лисицкий, один из лучших художников позднего русского авангарда. При любом содержании это заведомо гарантирует успешную конкуренцию с комиксом.

Что касается содержания, то «Козочку» я советовал бы читать с осторожностью. Когда моей дочери было года четыре, а в магазинах детской книги продавались только бессмертные труды Л.И. Брежнева и детгизовские переводы с башкирского, отличавшиеся по увлекательности от бессмертных трудов только неандертальскими какими-то рифмами, вздумал я ей прочесть «Хад гадью», и тут же пожалел. Да было уже поздно. Рёв начался на собаке, загрызшей кошку, и не прекращался, пока не удалось убедить ребенка, что, когда Святой, будь Он благословен вовеки, убил Ангела смерти, все животные тут же воскресли – и кошка, и собачка, и козочка, и бычок.

Думаю, художник-оформитель в издательстве «Параллели» тоже имел опыт, схожий с моим: не зря же он предусмотрительно напечатал текст пересказа, которым художник снабдил свои рисунки, самым мелким и неразборчивым шрифтом. Могу представить, как вопили бы хорошие мальчики и девочки, услышав: «...Растерзали козочку, которая глядела на всех чистыми глазами!»

Издательство «Параллели», впрочем, и не скрывает, что выпустило сказку не столько для детей, сколько для взрослых – как памятник изобразительного искусства. Из двадцати страниц иллюстрированного текста ровно половина содержит собственно картинки, причем в двух вариантах – акварельном, 1917 года, еще несшем на себе отблеск праздничной эстетики «Мира искусства», и в виде литографий, сделанных всего два года спустя и уже вполне выдержанных в духе раннего советского авангарда. Немало места уделено и совершенно не «детскому» обзору творчества Лисицкого. В конце очерка о художнике издатель сообщает, что «Козочкой» начинает серию, которая включит в себя переиздание самых известных еврейских иллюстрированных детских книг, вышедших в России и Советском Союзе в первой половине XX века. Цель серии, по его словам, – «возродить традицию

высокохудожественных изданий еврейских авторов». В основном, конечно, ради удовольствия взрослых, но, будем надеяться, для развлечения хороших детей тоже.

В свою очередь и «Гешарим / Мосты культуры» приступили к выпуску серии книг под общим названием «Шедевры детской еврейской литературы». И начали ее книгой с иллюстрациями все того же Эль Лисицкого: репринтом вышедшей в Киеве в 1919 году поэмы идишского поэта Мани-Лейба (Брагинского) «Ингл-цингл-хват» с параллельным переводом стихотворного текста на русский. В отличие от «Козочки», все-таки известной интеллигентным родителям, «Ингл-цингл-хват» наверняка станет открытием не только для детей, но и для взрослых. Мани-Лейбу повезло: он еще до переворота 1917 года перебрался в США, где и прожил долгую, насыщенную творчеством жизнь. А вот его потенциальным читателям в идишской культурной среде повезло, увы, гораздо меньше – первое поколение сгинуло в гражданскую войну, второе погубило в период Катастрофы, остальные, кто выжил, утратили идиш. И уж тем более в Советском Союзе никому и в голову не могло прийти издавать американского идишского поэта, который вместо того, чтобы в рифму обличать империализм и сионизм, писал стихи для детей, абсолютно лишённые дидактики. Да еще и входил в литературную группу, публично провозгласившую приоритет эстетических задач над «просвещением народных масс». Главлит удавился бы, но не пропустил такого!

Кстати: все мы до того напуганы детской литературой «с моралью», что невольно бросаемся на поиски этики даже там, где, слава Б-гу, одна эстетика. Автор послесловия Валерий Дымшиц даже решил, что «центральный образ зимы, снегопада, метели недвусмысленно ассоциируется с... русской революцией». Хотя, спрашивается, почему с революцией? Тогда уж скорее с контрреволюцией, белым движением... А барин, наградивший Ингла-цингла волшебным кольцом для производства снегопада, был, между прочим, не кто иной, как Константин Леонтьев, мечтавший «подморозить Россию»...

Каюсь, читая поэму, я тоже до самого конца подозревал подвох в духе Аркадия Гайдара – вот вернется наш Ингл-цингл к престарелым родителям – и ну добрые поступки совершать! К примеру, рисовать могоен-довиды на калитках домов, откуда сыновья ушли защищать родину в рядах ЦАХАЛ. Или хотя бы просто переводить старушек через шоссе в часы «пик» – туда-сюда, туда-сюда... Но поэт выдержал тон: герой-ребенок исчезает, превратившись в небесное существо, в Царя снегопада: «Словно ветер – догони-ка! – он летит легко и дико, через гору, через лес – и уже в ночи исчез». Моей дочери, грезившей толкиеновскими эльфами, такое в детстве не могло бы не понравиться. Самому мне, впрочем, тоже.

Зато вот «Сказочки для маленьких детей» Мирьям Марголиной – репринт издания 1922 года – у хороших мальчиков и девочек вызовет, скорее всего, аллергию. Это идишский вариант «Азбуки» Льва Толстого. Помните, какие братоубийственные чувства рождал в нас Филиппок?!

Впрочем, «Сказочки» Марголиной – на самом деле никакие не сказочки, а учебные тексты для светской начальной школы на идише. Если не ошибаюсь, именно это имеет в виду автор послесловия. Так что, надеюсь, никто не станет мучить безвинных ребятишек, читая им на ночь поучительные истории про то, как мама всем мыла головы, посылала всех принести воды и ловила мух на липкую ленту. Что же до светской школы на идише, то изобретение это, как ни старались, не прижилось. Наверное, потому, что в религиозной школе тексты для изучения предлагаются гораздо более интересные.

Думаю, книгу Марголиной Михаэль Гринберг решил переиздать не из желания предложить ее авторам новых учебников идиша, а с той же целью, с какой «Параллели» издали «Козочку»: для взрослых, чтобы вернуть в художественный обиход творческое наследие художника Иссахара-Бера Рыбака – очень интересного примитивиста, к сожалению рано умершего и еще раньше запрещенного в СССР.

И наконец, четвертая «детская» книга, только что выпущенная еврейским издательством. Сборник «Хелемские мудрецы» превосходного идишского поэта Овсея Дриза. Дриз – в своем роде исключение: не расстреляли, даже ни разу не сажали, мало того – издавался в советское время, в переводах на русский, около сорока раз. И это не считая переизданий! При том умудрился не воспеть хвалу ни одному случившемуся на пути Солнцу народов, ни одному Лучшему другу советских физкультурников и даже ни одному этому самому Советскому физкультурнику!

В сборник вошла лишь крохотная часть творческого наследия Овсея Дриза. «Хелемский цикл» – стихотворный пересказ еврейский народных анекдотов про глупых мудрецов Хелема. Удачный полиграфический дизайн, очень славные иллюстрации Ирины Дмитренко. Предисловие об авторе – старом человеке с ироничной складкой у губ и мечтательными глазами. «Тук! Тук, тук! Кто стучится? Ночь... Что принесла? Чай со звездами...» Это из того, чего нет целиком в последнем издании. Просто – чтоб показать,

что человек незаурядный. Есть там, однако, отдельное предисловие о переводчице, о покойном Генрихе Сапгире... Ну, его мы все знаем – очень хороший поэт для взрослых, при советской власти вынужденный зарабатывать на жизнь стихами для детей.

Что касается самих «хелемских» стихов – тут мы, полагаю, входим в область вкусовых предпочтений, а там, известное дело, как и на цвет, товарищей нет. В набор текстов моего детства эти стихотворения не входили. Дочери я их читал, когда той было года три; не могу сказать, чтобы они ее особенно поразили. Может, каким-то другим детям эти стихи как раз очень нравятся. Не знаю...

А впрочем, с чего мы взяли, что это такие уж «детские» стихи? Народный анекдот – хоть он в прозе, хоть в стихах – для детей вообще не предназначен. Кому-нибудь придет в голову отнести, к примеру, шолом-алейхемовского «Менахема-Мендла» к разряду литературы для детей? Едва ли. А в «хелемском» цикле стихи не просто про людей, которые попадают впросак, – один утонул, другому... так, слегка голову отъели... Точнее всего было бы счесть стихотворения Овсея Дриза «литературой скоморохов», «литературой карнавала» (по Бахтину) – частью традиции уважаемой, но никак не детской. Да только со скоморохами при Советах поступали приблизительно так же, как в фильме «Андрей Рублев». Вот и приходилось переодеваться клоуном, смешить малышей. Жить-то надо...

Посмотрите на фотографию старого человека с иронической улыбкой и мечтательными глазами. Когда он умер, ему было всего 63 года.

Ài èòðèé Ĩ ðéíòúñá

ЧЕТЫРЕ ЕВРЕЙСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ



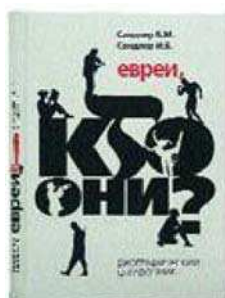
Ī. Dīāī ņēē, Ī. Ėĭāīāēāy (dāā). Ī ōāāīāē ōāēū ĭĭ āāāēīēĭē Dīņēē.

Ī. : Ōĭĭā dāāēūū ūō āāē «Ōāāēē ōĭdēy āōōōūāā», 2004 – 303 ņ



А. Меляховецкий. Энциклопедия заблуждений. Евреи.

М. : ЭКСМО; Донецк: Скиф, 2004. – 439 с.



Ā. ņāī āēāā, Ė. ņāī āēāā. Āāāē – ēōĭ ĭĭē? Āēĭāāōē-āēēē ņĭ dāāĭ-ĭēē.

Ī., 2004



***Ī. Āāēāī ēē (āāā). Ēāōōēāy, ī āñēīēūēī ŷōī āīçī īāēīī ā āāīīīī ñēō-āā
āāāēñāy ŷī ōēēēīī āāēy.***

Ēāōōēēēī : Āāñāād?, 2004 — 350 ĩ

Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, евреи, похоже, больше всех остальных любят узнавать нечто новое про собственный народ. Помнится, как только в СССР возникли частные издательства (еще при Горбачеве дело было), – на лотках между научной фантастикой и Агатой Кристи появились и «Знаменитые евреи», и «Евреи – нобелевские лауреаты», и «Еврейские спортсмены», и много чего еще в том же роде. Аналогичные справочники про русских, украинцев, татар и людей других национальностей, кажется, не изданы до сих пор, – должно быть, ввиду отсутствия покупательского спроса.

Примитивное объяснение насчет национального чванства – доводилось мне слышать, в том числе и от евреев, что, дескать, евреи считают себя самыми умными, самыми талантливыми и добродетельными на свете – отбрасываю сразу. За более чем десятилетний срок работы корреспондентом ведущей израильской газеты в России я успел привыкнуть к тому, что задания от редакции почти всегда касаются всевозможных безобразий и что проделки Березовского-олигарха интересуют читателей куда больше, чем талант Березовского-пианиста (ныне, как считают профессионалы, одного из самых одаренных исполнителей во всем мире).

Возможно, повышенный интерес евреев к самим себе обусловлен особенностями существования народа в диаспоре, когда родные и знакомые разбросаны по всему миру, новости от них идут долго и потому становятся особенно желанными. XX век добавил, к сожалению, еще одну причину – необходимость увековечить память жертв Холокоста, по осколкам собрать и систематизировать знания об уничтоженной культуре евреев Восточной Европы. Что же до России и русскоязычной еврейской среды, то тут, без сомнения, надо иметь в виду еще два фактора. Во-первых, на протяжении трех поколений не только информация о евреях, но и само слово «еврей» в СССР были табуированы. Во-вторых, в последние годы еврейская жизнь на «постсоветском пространстве» развивается так бурно, что вчерашние истины безнадежно устаревают прямо на глазах.

В таком контексте своевременность издания «Путеводителя по еврейской России» не может быть поставлена под сомнение. Что-то в этом справочнике получилось лучше, что-то хуже – но текст интересный и нужный. И отдельное спасибо – за великолепный дизайн. Точнее, за старые фотографии, навевающие сладкую ностальгию.

«Путеводитель по еврейской России» открывается историческим очерком Николая Рогинского о евреях на Руси. Все основательно и в то же время без особых тонкостей – как раз для туриста. Затем следуют разделы «Евреи в Москве», «Евреи в Петербурге»; далее – речь о представителях той же национальности в Туле, Рязани, Брянске, Воронеже, Казани, на Кубани, в Дагестане, на Урале (Екатеринбург, Челябинск), в Перми, в Томске, в Иркутске... И наконец, «Еврейские общины Забайкалья», «Еврейские общины Дальнего Востока», отдельно описанная Еврейская автономная область. В каждом разделе имеется дельно, толково изложенная историческая часть. В нескольких главах есть еще подразделы о памятных местах; это уже собственно «путеводитель» для туриста (Москва, Петербург, Брянск, Иркутск). Две главы повествуют о знаменитых евреях, так или иначе связанных с данным городом (Рязань, Воронеж). В главу о евреях Северного Кавказа включен очерк об особенностях обрядов дагестанской общины. В главе о Петербурге есть даже весьма основательный подраздел о еврейских коллекциях в музеях. Это вообще лучшая глава «Путеводителя»; недаром ее писала Наталья Юхнева, на сегодняшний день ведущий историк российского еврейства.

Словом, если путешественник решит отправиться в ностальгическую поездку по городам и весям блестящего прошлого, книга обеспечит его вполне солидной базой. (Разделы, связанные с Москвой и Петербургом, снабжены картами, где указаны памятные места, синагоги, еврейские школы...) С современностью дело обстоит значительно хуже: предлагаемая информация носит сугубо фрагментарный характер. Ну, правильно: все авторы текстов – ученые-историки и краеведы, то, что происходит сегодня, для их научной деятельности особого значения не имеет, а практической работой в общинах они не занимаются. Все сведения о нынешних общинах авторы получили, видимо, из каких-то достаточно старых отчетов «Джойнта», да тем и ограничились. В результате в путеводителе множество неточностей даже по Москве. Например, из пяти еврейских школ в столице указаны только школа Липмана и уже не существующая «Мигдал Ор», из шести еврейских вузов упомянут один «Туро колледж», из четырех религиозных учебных заведений названо лишь училище на Покровке. И это отнюдь не все.

Тот же самый недостаток присущ «провинциальным» разделам. По большей части, они содержат только информацию о финансируемом «Джойнтом» хеседе, хотя сегодня почти вся еврейская жизнь в крупных городах обеспечивается (в том числе материально) уже не иностранными организациями, а местными общинами, привлечшими в свои ряды десятки бизнесменов. Иногда получается просто неудобно: к примеру, в главе про общину Перми все завершается раввином Розеном, покинувшим город еще 8 лет назад – как будто на этом еврейское бытие и закончилось (на самом деле тогда все только-только разворачивалось...).

В отличие от старинных фотографий, использованных дизайнером путеводителя, крайне неудачны снимки современных объектов. За дело взялся явно не профессиональный фотограф: профессионал, если бы ему поручили, например, снять самый большой еврейский общинный центр России, семиэтажный МЕОЦ в Марьиной Роще, не стал бы фотографировать кусок глухой кирпичной стены с мемориальной доской. Еще более неприятный «ляп» допущен в главе про Еврейскую автономную область: там помещен снимок старой, разваливающейся синагоги, похожей на домик железнодорожного обходчика, хотя в городе к 70-летию ЕАО построили новую синагогу. Вообще – ни одной фотографии чего бы то ни было, построенного за последние пять лет и имеющего прямое касательство к евреям! Для книги, претендующей на статус путеводителя, это, конечно, недопустимо.

Последний бросающийся в глаза недостаток – крайне небрежная редакторская работа. В начале книги приводится длинный список редакторов, и ни один из них явно не потрудился хотя бы вычитать текст московской главы. В результате абсолютно непонятной стала карта еврейских мест столицы, многие номера в объяснениях к карте просто пропущены. Тут же множество орфографических и смысловых ошибок – «Шаранский» вместо «Щаранский», «Симха Тора» вместо «Симхас Тора»; евреи в дни осенних праздников «возводили шатры» (вместо «строили шалаши»), шли в синагогу «от метро “Белорусская”» (вот как раз от этой станции не попадешь ни в какую синагогу) и пр. Немало чисто редакторских упущений и в других главах; как, к примеру, следует понимать слова «черносотенцы, организованные в штатское платье полицейскими...» в разделе о еврейской общине Челябинска?

Однако – при всех ошибках и недочетах – я убежден, что достоинства «Путеводителя по еврейской России» перевешивают. Хотя бы потому, что он первый.

Если «Путеводитель по еврейской России» рассчитан на людей, предающихся в дороге печально-сладостным воспоминаниям, то «Энциклопедия заблуждений» А. Меляховецкого предназначена для любителей путешествий интеллектуальных. Вообще идея у издательства «ЭКМО» была замечательная – собрать и выпустить целую серию книг о немереном количестве глупостей, пошлостей и банальностей, вера в истинность которых нам всем боком еще выйдет. И, разумеется, один из первых выпусков просто должен был быть посвящен евреям, о которых чего только ни придумано (причем, кажется, всеми подряд – антисемитами, филосемитами и, не в последнюю очередь, самими евреями).

Г-на Меляховецкого нужно поблагодарить – он предлагает нам не просто увлекательное, но и достаточно серьезное по замыслу путешествие в мир заблуждений о евреях и о многом другом, что с евреями связано. В большинстве случаев автор не просто доказывает, что некое суждение о евреях ошибочно, но раскрывает историю вопроса – как вообще оно появилось, основано ли на изначальной ошибке или в свое время имело под собой реальную почву ... Работа хорошо фундирована: уверен, что приведенный в конце список литературы (41 название) лишь малая часть тех книг, которые автор так или иначе использовал в работе над статьями.

Статьи в «Энциклопедии заблуждений» могут быть разделены на пять основных групп. Первую, наиболее многочисленную, составляют «бытовые заблуждения», основанные на инстинктивном

стремлении неевреев наделить евреев групповыми признаками, позволяющими узнать «чужого». Это широко распространенные в России представления о том, что у еврея должен быть крючковатый нос, что евреи картавят, что евреям свойственно отвечать вопросом на вопрос и т. д. Разумеется, «рациональную основу» подобных нелепостей найти сложно (разве что гортанное «р» как наследие идиша), поэтому такие статьи носят в большинстве своем несколько поверхностный характер.

Вторую группу составляют исторические ошибки: Рембрандт, дескать, перешел в иудаизм, восточноевропейские евреи произошли от хазар, а могоен-довид – традиционный еврейский символ. Здесь в каждом случае автор предлагает серьезный очерк, объясняющий, откуда взялось данное заблуждение.

В третью группу входят заблуждения «концептуальные» – неизбежные ошибки при восприятии чужой религии, чужой культуры; они, к сожалению, обретают собственную динамику и способны вызвать взаимное отторжение народов. Что означают слова «избранный народ»? Почему еврей благодарит Б-га за то, что Он не создал его «гоем, рабом, женщиной»? Как в христианском мире распространилось поверье, будто еврейский Мошиах – это Антихрист? Это, пожалуй, самая интересная часть книги – причем не только для читателя, но и для самого автора. Тут он явно пишет с особым удовольствием. Например, в статье о Мошиахе и Антихристе он не довольствуется раскрытием причины заблуждения, но углубляет тему, объясняя заодно, почему евреи не могут признать Христа Мошиахом.

Часть материалов этого раздела посвящена еврейским заблуждениям. Очень серьезная статья исследует причины возникновения христианского сионизма – теории, имеющей десятки миллионов приверженцев на Западе и основанной на том, что Новый завет не отменяет «первого союза», заключенного Б-гом с народом Израиля, и в силу этого страна Израиля должна принадлежать еврейскому народу, а христиане обязаны поддерживать Израиль в его войне с силами зла. Что касается статьи «Правда ли, что евреи выиграли от революции (в России)?», то ее следовало бы просто сделать обязательным чтением для гг. «прогрессистов», которых среди евреев до сих пор более чем достаточно.

К четвертой группе принадлежат тексты, опровергающие распространенные антисемитские мифы – о ритуальных убийствах, о планах евреев завоевать мировое господство, о «тайном кагале», о якобы присущем евреям особом запахе и т. д. Это, пожалуй, наименее интересный раздел энциклопедии – просто потому, что вся эта информация десятки раз публиковалась. Однако, если уж пишешь «Энциклопедию заблуждений», то без антисемитских мифов, без «злостных заблуждений» обойтись никак нельзя.

Пятая, последняя, группа – это, скорее, расшифровка неких текстов, воспринимаемых как «еврейские» и не всегда адекватно понимаемых. По крайней мере, не обязательно понимаемых одинаково евреями и неевреями. Главным образом, автор объясняет здесь смысл еврейских анекдотов, афоризмов и предисловий, проникших в разговорный русский из идиша. Здесь же даны объяснения еврейских этнонимов, обычаев, некоторых религиозных обрядов. Материал, безусловно, полезный – причем даже не только для неевреев, которые хотели бы лучше понять своих еврейских соседей, но и для изрядной доли русских евреев; три поколения их за годы советской власти лишились или не обрели вообще понимания многих своих национальных традиций.

Разумеется, такой серьезный справочник, да еще первый (по крайней мере, на русском языке), не свободен от огрехов разного свойства. Некоторые важные статьи просто неудачны, особенно это касается материала о деициде, где вообще отсутствует «история вопроса». С другой стороны, думается, некоторые статьи «Энциклопедии» явно лишние. Вряд ли стоит всерьез обсуждать, почему лицемерие (или жадность, скупость и прочее в том же роде) «считаются национальными чертами евреев». Кем, собственно, «считаются»? Почему надо принимать в расчет мнение завистника и хама, которого в приличном доме дальше людской не пустят? Так или иначе – речь здесь идет не о «заблуждениях», а просто о национальной ненависти; спорить с ней, как доказывает история, абсолютно бесполезно.

Иные мысли автора «Энциклопедии» трудно принять безоговорочно. Особенно это касается рассуждений о неевреях. Например, мысль, что в христианстве («особенно в католическом») регламентация супружеских отношений была направлена «на то, чтобы свести все к минимуму, сделать интимные отношения как можно более редкими», по-моему, явно заимствована из известного романа «Дневник горничной» Октава Мирбо. Изучать по нему христианство – все равно что изучать Китай по «Саду пыток» того же автора. Совершенно неверно, с христианской точки зрения утверждение, что, спасение души якобы относится только к жизни вечной. Неточно и другое – то, что клиторотомия относится к адату (обычному праву), а не к шариату (мусульманскому праву). Этот вопрос до сих пор дебатруется мусульманскими правоведом, и единое мнение на сей счет отсутствует. Нуждается в

проверке утверждение о переходе таборитов в иудаизм. Такого рода обвинения в адрес радикальных последователей Яна Гуса (и представителей других радикальных протестантских сект, заменявших Христа Святым духом, т. е., по сути, еврейской шехиной) действительно выдвигались, но свидетельства реального их перехода в иудаизм автору данной рецензии не известны. Если г-н Меляховецкий такими свидетельствами располагает, их следовало бы включить в текст.

Впрочем, возможно, недостатки издания, по крайней мере какая-то их часть, есть результат непрофессиональной редактуры. Редакторская правка бросается в глаза, кое-где авторский текст режут поживому, абзацы обрубают на середине мысли, иногда даже на середине фразы. Насколько мне известно, бедный г-н Меляховецкий вынужден сейчас рассылать письма знакомым и в библиотеки, оправдываясь за вопиющие образцы редакторского невежества – вроде введения в текст «романа Пушкина “Петр первый”»! Но даже самое ужасающее редактирование не в состоянии оказалось испортить текст. «Энциклопедия заблуждений» несомненно найдет своего читателя.

Чего не могу сказать об энциклопедическом словаре Б.М. и И.Б. Сандлеров «Евреи – кто они?» Не потому, что на биографические справочники нет спроса, а по той простой причине, что работа над книгой, отправленной авторами в печать, просто не закончена. Пожалуй, она даже ближе к началу, чем к завершению.

В справочнике около 500 фамилий известных евреев (включая полуевреев и выкрестов) со всех стран мира. Для солидного биографического справочника – маловато. Принцип подбора имен непонятен: к примеру, весь Израиль представлен Агноном и поэтом-коммунистом Александром Пэнном. Может, вы думаете, что составители намеренно выделяют писателей, вообще творческую интеллигенцию? Ничуть не бывало. Ученых больше, чем писателей, а революционеров и «государственных деятелей» больше, чем ученых. При этом среди революционеров нет деятелей «первого ряда» – Троцкого, Зиновьева, Свердлова. Но и предположение, что авторы решили исключить из числа евреев сугубых упырей, тут же опровергается: вот она, Розалия Землячка, вот он, Емельян Ярославский, вот он, Деборин, и т. д.

Одним персонажам в справочнике посвящено лишь несколько строк, другим – несколько страниц. Видимо, с точки зрения составителей, последнее – наиболее важные евреи. Или это не так? Смотрим: по 3–4 страницы выделено ректору Саратовского сельскохозяйственного университета Б. Дворкину, полковнику ГБ Е. Зарубиной, адмиралу Нахимову, штангисту Г. Новаку, генетику И. Рапопорту и физику Э.Ферми. Кажется, мы вконец запутались...

Попытаемся выяснить, чем так славна именно указанная шестерка, что остальным – по полстолбца, а каждому из них – по три листа. Статья о Б. Дворкине – это два некролога, первый опубликован в саратовском выпуске «Комсомольской правды» и включает, среди прочего, два стихотворения о покойном, приводимых полностью. Второй же, официальный, подписан губернатором Аяцковым и еще десятком областных номенклатурщиков. Статья о гэбэшной мадам Зарубиной включает отрывки из книги «Женщины-чекистки» (в том числе воспоминания падчерицы о том, какая была у нее мачеха хорошая) и несколько абзацев из мемуаров знаменитого чекиста Судоплатова. Статья об адмирале Нахимове состоит из трех частей – официальной биографии, (без указания происхождения) более чем сомнительного материала из петербургской еврейской газеты «Идуд хасидим», где сказано, что у Нахимова оба родителя были евреями, и не менее сомнительного фрагмента книги «Евреи Крыма»; там сообщено, что отец адмирала, украинский помещик, был выкрестом из евреев. Дальше продолжать?..

Все это – не только без какой-либо попытки анализа цитируемых текстов, но даже без элементарного «присмотра» за тем, что в них говорится. В результате иные даты и факты, приведенные в отрывке «А», затем переключиваются в отрывок «Б» и далее.

Похоже, авторы сдали в печать не тщательно, продуманно составленный биографический справочник, а просто кучу вырезок из книг и газет. Пользоваться таким справочником решительно невозможно. Впрочем, биографических справочников знаменитых евреев за границей полно (понадобится – можно будет перевести). К тому же отечественный читатель имеет возможность открыть вагнеровскую «Российскую еврейскую энциклопедию».

Наконец, последнее из четырех изданий – «Краткая, насколько это возможно в данном случае, еврейская энциклопедия». Ну что сказать об этом «продукте»?.. Когда я был маленьким, существовало два слова, за употребление которых немедленно выгоняли из сообщества приличных детей. Это глагол «духариться» и прилагательное «юморной». Так вот: поскольку в Израиле, видно, можно издать любую

чушь, группа граждан, каждый из которых считает себя «юморным», решила «раздухариться». Цитировать – неприлично. Читать – себя не уважать.

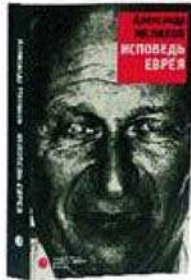
Вам нужны доказательства? Очень нужны? Вот прям-таки жить не можете без доказательств? Ладно, вы сами этого хотели. Автор рецензии уже краснеет, сейчас краснеть будут читатели.

«Аарон (1176–1102 до н.э.), брат Моше. Помогал выводить евреев из Египта (см. Выход с противоположной стороны). Согласно Первоисточнику, “Моше влагал ему в уста”, после чего А. шел говорить с народом. Совместно с братом осуществлял егип. чудеса: глушил рыбу, разводил саранчу, вшей и лягушек, заражал язвой крупн. рогат. скот. Впоследствии переквалифициц. в священнослужители. Используется также в значении “шкаф”».

И подобного барахла три с половиной сотни страниц.

Ài èòðèé Ĩ ðéîóññ

ИЗ ЕВРЕЕВ В РУССКИЕ И ОБРАТНО



Αέαείαί άδ Ι έέέοίá Εμί ίάάü άάάü. Δίι άί.

Ν.-Ι á : Έέì áóñ Ι άáññ 2004 – 368 ñ

Роман петербургского прозаика Александра Мелихова «Исповедь еврея» (тогда называвшийся «Изгнание из Эдема») впервые был напечатан в 1994 году в «Новом мире». К тому моменту Мелихов публиковался уже больше десяти лет, но именно эта вещь сделала его знаковой фигурой, выдвинув в первый ряд самых обсуждаемых писателей середины 90-х годов. Роман на долгое время оказался в центре критических дискуссий, и с тех пор у литературных обозревателей вошло в привычку ломать копыта по поводу каждого нового произведения Мелихова.

«Исповедь еврея» – это роман памяти, построенный как монолог-воспоминание главного героя, Левы Каценеленбогена. Его детство-отрочество-юность прошли в попытках отречься от еврейства, ассимилироваться, мимикрировать под окружающую среду. В какой-то момент ему даже казалось, что эти попытки увенчались успехом, но затем он понял, что все усилия отказаться от еврейской идентичности и слиться с толпой были бесполезны.

Эдем, о котором вспоминает герой Мелихова, – это не только прошлое конкретного персонажа, но и пространство-время роевого счастья массового человека, человека толпы: «В средней школе им. Сталина я был, как все (курсив автора. – М.Э.) – единственное счастье, отпущенное человеку на этой земле». Однако отщепенство Каценеленбогена неискоренимо, а следовательно изгнание его из Эдема неизбежно.

Впрочем, прав был литератор Андрей Сергеев, утверждавший, что еврейство героя нужно автору лишь как предлог для решения более общих задач: «Исповедь еврея... покрывает десятую часть или двадцатую часть того, что сказано там... Воспользовавшись своим еврейством, своей особенностью, он потянул за свое еврейство как за хвостик и распутал сложнейший клубок советского социума на очень многих его уровнях».

На материале галутного еврейского сознания Мелихов изучает феномен инаковости, изгойства. «Еврей» для него не столько этнографическое понятие, сколько универсальная метафора отщепенства. Сам автор устами своего героя прямо говорит об этом в начале романа: «Еврей – это не национальность, а социальная роль. Роль Чужака. Не такого, как все» (интересно, что именно эту не слишком оригинальную фразу сочувственно цитирует Александр Солженицын в своем двухтомнике «Двести лет вместе»).

Сжатую и точную характеристику мелиховскому роману дал писатель Дмитрий Быков: «В “Исповеди еврея” Мелихова интересовали отношения народа и изгоя, ниша чужака, ее издержки и преимущества... Герой путешествует из рая коллективного бытия в ад бытия индивидуального,

отдельного, и... этот ад постепенно становится для него единственным доступным раем, а любая толпа и общность – проклятием».

Чрезвычайно высоко оценил творчество Мелихова и постоянный быковский оппонент – критик Александр Агеев, назвавший романы петербургского писателя «настоящей русской прозой очень высокого качества»: «Мелихов так много видел и, главное, чувственно запомнил, что во всякий свой роман он запрессовывает десяток... “сюжетных” романов». Уже упоминавшийся Андрей Сергеев назвал «Исповедь еврея» «чудом», «великолепной вещью» и «литературным шедевром», а мыслитель Григорий Померанц определил книгу Мелихова как «замечательный роман»: «Реальности Б-га Мелихов не сознат, но в книге видна личность, искавшая и нашедшая свою собственную традицию. Свою способность различать добро и зло и служить добру – без надежды на награду».

Впрочем, хватало и оценок прямо противоположных. Один из ведущих современных критиков Андрей Немзер пренебрежительно отозвался о «замаскированном под роман рассуждении обо всем на свете с непременным “еврейским вопросом”», а рецензент «Независимой газеты» написал о неряшливом потоке большого и закомплексованного сознания.

Поскольку практически все писавшие о Мелихове сошлись на том, что его произведения – это интеллектуальная проза, романы идей, то, естественно, основные споры как раз и касались «качества» мелиховской мысли. Тот же Андрей Немзер в статье с ироническим заголовком «Отменно тонко и умно» утверждал: «Не то беда, что тезис “А” у Мелихова верен, тезис “В” почти верен, а тезис “С” ни в какие ворота не лезет, – беда, что все его тезисы... банальны, как вчерашняя газета и завтрашнее общее мнение. Тем и льстят они публике, нуждающейся в таком и только таком романе: ироничном, безответственном, бесформенном, усталом, анемичном». Прозаик «занимается очень суровой и тяжелой работой, – возражали поклонники Мелихова. – Из романа в роман он исследует пределы “работоспособности” (если можно так выразиться) рационалистического гуманизма. Грубо говоря, его интересует “автономный” человеческий ресурс, то есть до какого предела человек способен оставаться “образом и подобием Б-жьем”, не опираясь ни на эту “гипотезу”, ни на многие другие защищающие от ровного давления жизни механизмы и иллюзии (принадлежность к “коллективу” и “народу”, кровное родство и т. д.)» (Александр Агеев).

Другим предметом споров стала повествовательная манера Мелихова. «Мелиховские сюжеты плетутся, как сеть, а вся композиция их стянута к действующему, вспоминающему и думающему “я”. Такая композиция – разве новость для критики? Да на ней стоит половина мировой литературы! Стыдно примеры приводить, – укорял ленивых и нелюбопытных коллег все тот же Агеев. – Проблема лишь в уровне энергетике этого самого “я”, она должна быть высокой, чтобы “держаться” в единстве объемный и многосоставный текст, но как раз с энергетикой у Мелихова полный порядок, напряжение иной раз хочется даже понизить». Однако в том же сетевом «Русском журнале», где защищал петербургского прозаика Агеев, появилось и определение романов Мелихова как «тяжелой до патологии, физиологически подробной» прозы (Инна Булкина).

Вероятно, прав был Дмитрий Быков, утверждавший, что книги писателя «интересны только тем, кто как-либо может с мелиховским протагонистом идентифицироваться». Я идентифицироваться с ним не могу, а потому «Исповедь еврея» кажется мне очевидной неудачей. По мне, она, во-первых, скучна, во-вторых, очень скучна и, в-третьих, невыносимо скучна.

Романное начало в этом и в других произведениях Мелихова не просто ослаблено – оно полностью подчинено началу эссеистическому, если не сказать публицистическому. Это проявляется в композиции, это проникает в стиль. Казалось бы, невелика беда – эссе само по себе как жанр ничем не хуже романа. Однако эссе размером в 350 страниц – очевидный нонсенс. Кроме того, для хорошей эссеистики проза Мелихова недостаточно остра и оригинальна (вспомним замечание Немзера о банальности мелиховской мысли).

Смешение романа и эссе приводит к парадоксальному результату. Любая картинка у Мелихова резюмируется рассуждением, растворяющим образ в аллегории, – причем рассуждения эти повторяются со страницы на страницу, из книги в книгу. Стоит герою вспомнить, какой хлеб ели в пору его детства, как он тут же срывается в резонерство на заданную тему: «Я заполнял отведенную мне форму не хуже этого самого исконного высококачественного хлеба. Я настолько непринужденно принимал форму окружающей (русской) среды, что наверняка именно обо мне сложена пословица “За компанию и жид удавился”». Если речь заходит о теленке, то и тут читателя подстерегает неизбежное рассуждение о чужаках. Вспомнится кошка – и кошка вызывает те же мысли: «С гибелью чужаков, даже вполне

симпатичных нам, мы миримся неизмеримо легче, в глубине души едва ли не соглашаясь, что, в конце концов, для этой участи они предназначены не нами, а самолично Г-сподом Б-гом».

Сплошной аллегоризм и сам по себе очень утомителен, а в случае с Мелиховым участие читателя отягчается вдобавок одинаковой избыточностью и описаний, и рассуждений. Двадцать страниц герой учится играть полонез Огинского. Столько же места отведено под рассуждения о советской национальной политике на примере казахского народа. Полтора десятка страниц занимают картины еврейских погромов, попавшие в роман совершенно случайно... В русской прозе 90-х годов было много вялых и «анемичных», по слову Немзера, книг, но в борьбе за звание самого скучного романа десятилетия «Исповедь еврея» вполне конкурентоспособна.

И ебает Яаков Оаеі

ĖĀŌĀĖĪ ĀĀĖĀĀDŪ 2004 ĖĖŅĖĀĀ 5765 - 12 (152)

СИРЫЕ И УБОГИЕ

Ōĕĕŭŭ Āĕĕĕĕĭ ĕĕĕ Ī ĕĕĕĕĕ ĪĀĪĀ. 2004

« Ėĕĕ ĕ ĕĕĕĕ ĕ ĕ ĕĕĕĕĕĕ

ĕ ĕĕĕ ĕĕĕĕĕĕ ĕĕĕĕ ĕĕĕĕĕ.

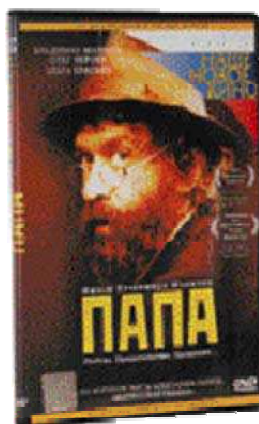
Ė ĕĕĕ ĕĕ ĕĕ ĕĕĕĕ ĕ ĕĕĕĕĕĕ

Ė ĕĕĕ ĕ ĕ ĕĕĕ ĕĕĕĕĕĕĕĕĕ

Ņ ĕĕĕĕĕ ĕĕĕĕĕĕĕĕ ĕĕĕ ĕĕĕĕ

Ėĕĕĕĕĕĕĕ, ĕĕĕĕĕĕĕĕ, ĕĕĕĕĕ...»

(Ņĕĕĕ ĕ ĕĕĕĕĕĕĕ)



Об этом фильме мы знали задолго до его выхода на широкий экран. Многочисленные афиши, статьи в печатных изданиях, кадры, мелькающие то и дело на телеэкране... Словом, далеко не всякое кино удостоивается такой рекламы.

У меня же была особая причина с нетерпением ждать возможности увидеть наконец этот фильм: я с детства была страстной поклонницей творчества Александра Галича, буквально до дыр зачитала самиздатовский экземпляр «Генеральной репетиции», повествующей о печальной судьбе пьесы «Матросская тишина».

Галич писал пьесу без малого десять лет, буквально вложил в нее душу.

По существу, именно эта пьеса и все связанные с ней невеселые обстоятельства стали тем самым поворотным пунктом, после которого спокойная жизнь преуспевающего советского драматурга получила совсем иное направление, превратив Галича в поэта-бунтаря, личность яркую и трагическую, без коей ныне немислима литература шестидесятых годов прошлого века.

Безусловно, сердце мое обливалось кровью при виде того, как вольно обошелся Владимир Машков со столь горячо любимым мною произведением. Но это, в конце концов, мои проблемы. Тем более в титрах же ясно сказано: «По мотивам пьесы А. Галича “Матросская тишина”». Так что Машков, безусловно, имел полное право выкинуть, как ненужную рухлядь, последнее действие пьесы. Черт с ним, с последним действием, не в нем суть. К тому же оно и в самом деле чересчур затянутое и просоветское. Выкинули так выкинули... Поговорим же лучше о том, что в фильме есть.

А есть в фильме прекрасный городок Тульчин. С пыльными улочками, с убогими деревянными домишками. С поездом, останавливающимся только раз в сутки и надсадно, громко гудящим.

Но тем не менее вполне уютный, утопающий в зелени окружающих его лесов и полей, с такими голубыми, точно умытыми, небесами вверху.

Давид первой части – чудный мальчишка, талантливый, обаятельный, предмет обожания соседских девчонок. Тяжелая у Давида жизнь: матери нет, отец – полуграмотный кладовщик, пьяница и пройдоха, одержимый желанием во что бы то ни стало сделать из сына великого музыканта. Сам же Давид стремится к другому. Его цель – любыми путями добиться уважения местной шпаны. В стремлении достичь желаемого Давид не пренебрегает ничем, рискует жизнью, обворовывает отца. Однако зрителю совершенно ясно, что все старания Давида заранее обречены. Что бы он ни делал, как бы ни старался, тульчинские мальчишки никогда не забудут, что он – еврей, и поэтому никогда не примут его в свою компанию. И российский зритель искренне сочувствует бедному Давиду – ну надо же, как не повезло, вот ведь неплохой вроде бы парень, а еврей!

В свое время, запрещая Галичу постановку пьесы «Матросская тишина», автору говорили: «Вы хотите, чтобы в наших театрах шла пьеса о том, как евреи войну выиграли?!»

Советским чиновникам не пришло в голову, что все можно сделать гораздо проще: взять ту же самую пьесу и показать в ней таких евреев, чтобы каждому стало ясно: никакой войны им никогда не выиграть. Не та порода. Кишка тонка. Но посочувствовать им – что ж, посочувствовать все же можно. Жалко их – сырых, уродливых и убогих. Впрочем, не станем отступать от истины – случаются иногда и среди евреев приличные люди. Вот опять же Давид – ну, тут, впрочем, все ясно: жутко не повезло парню с происхождением. А то был бы человек как человек.

Трудно сильнее извратить образ Абрама Шварца, чем сделал это Машков. По ходу пьесы Абрам Шварц, в первом действии по-настоящему смешной и жалкий, поднимается до героя (третье действие): вместо того, чтобы безропотно идти на расстрел, бьет фашиста по лицу Давидовой детской скрипкой, бросается на врага с кулаками.

В фильме В. Машкова этого эпизода нет. Он ему попросту не нужен, его евреи на протест не способны...

Они беспомощны, эти евреи, беспомощны и бесполезны. Даже по-европейски одетый, повывавший мир Мейер Шварц кажется человеком вполне недалеким: из его выхолощенных диалогов абсолютно невозможно понять, что за нелегкая понесла его в Иерусалим и какого черта он там не остался.

Кроме того, эти евреи очень некрасивы, до ужаса непривлекательны. Галич наивно мечтал доказать, что в Советской России все народы равны, все живут в дружбе – поскольку для коммунистов «несть ни эллина, ни иудея», и поэтому Давид у него женится не на еврейке Хане, а на русской девочке Тани (Хану он по той же причине выдает за хохла Скоробогатенко). У зрителей машковского фильма вопроса, почему герой поступает так, а не иначе, даже не возникает: настолько уродлива в фильме Хана (нельзя не отметить в данном случае кропотливую, упорную работу гримера!).

Таня, напротив, выделяется среди прочих, одетых и причесанных по моде тридцатых годов девушек абсолютно современной прической и макияжем; глядя на экран, ясно видишь, как далеко шагнула за истекшие семьдесят лет наука косметология.

У Галича Давид в конце третьего действия погибает; в принципе, то, что он погибнет, ясно заранее. В финале фильма Машкова зрителю тоже ясно, что герою не выжить, но зачем столько шума из-за ампутации руки, которая герою все равно не понадобится?

Какое впечатление оставляет фильм? Да жалкое конечно, а то какое же... У евреев, стало быть, есть единственный путь – путь ассимиляции; им, собственно, уже и шел Давид, да вот только надо было сделать самый решительный шаг: уничтожить корни. В данном случае – порвать с родным отцом. Это, конечно, нелегко, кто ж спорит... Хотя в случаях с евреями, видимо, неизбежно.

Мне могут возразить: мол, фильм вовсе не об этом, он просто о банальном конфликте отцов и детей, на сей раз вылившемся в трагедию. Но тогда все равно неясно, зачем нужны были все эти детали, делающие евреев-героев похожими на героев еврейских анекдотов, и куда девались приметы истинного еврейства, хоть сколько-нибудь облагораживающие в глазах прочих народов нас, убогих и сирых? Чего стоит один жест Мейера Вольфа, рефлекторно снимающего головной убор при входе в помещение! Зато вся «московская» часть фильма буквально пропитана густым запахом чеснока из авоськи Абрама Шварца: надо же, через всю страну вез, стало быть, и впрямь без чеснока жить не может.

Вы спросите: может, Машков просто не знаком со всем тем, что составляет смысл и суть еврейства? Может, его представления о еврействе укладываются в эту жалкую авоську с чесноком? Может быть. Что ж, тогда мне его сердечно жаль. Касательно же несчастья родиться евреем... На мой взгляд, каждому из нас просто посчастливилось родиться... самим собой.

Ī ēūā Ōēēñ

«ВСЕМ ЛОЗУНГАМ Я ВЕРИЛ ДО КОНЦА...»

А. Ёадёі

В голосе, доносившемся из телефонной трубки, звучала требовательность, исключавшая возможность вступить в спор. Борис Слуцкий настаивал на явке к нему ровно в полдень. Иными словами – в рабочее время, менее всего располагавшее к встречам, пристрастным беседам. Почувствовав мою если не растерянность, то смущенность, Слуцкий счел нужным дать кое-какие пояснения.

Дело, изволите видеть, в том, что нам, едва знакомым людям, надлежит о многом, очень многом поговорить. В том числе о материях достаточно тонких и сложных, противоречивых, коснуться вопросов, ответы на которые не лежат на поверхности, не манят своей простотой, а даются лишь в результате упорных, подчас длительных поисков.

Получается – отдаю себе отчет, – будто строчка, вынесенная сейчас мною в название, уже не соответствовала более его настроениям и взглядам.

Допустим, это так. Но насколько соответствовала вчерашним, позавчерашним?

Меня отнюдь не тянуло к острословию, переводящему разговор на уровень легкого трепа, свойственного не только литературной среде. Но и подчеркнута глубокомысленная, замедленно-раздумчивая беседа казалась чрезмерной. Мы и впрямь были едва знакомы, обращались друг к другу на «вы». Среди людей, прошедших фронт, последнее считалось ненатуральным.



А. Неволин. 1945 г.

Правда, удаленность от фронта была у нас, так сказать, неодинаковая. Слуцкий демобилизовался вскоре после окончания войны. У меня же, не по собственной воле застрявшего в армии, в ее кадровом составе, возвращение в прежнюю жизнь затянулось. Четыре года учебы в военной академии, еще несколько лет гарнизонной тяготины менее всего приближали к бытию, несколько высокопарно именуемому «творческим».

Мне отнюдь не всегда удавалось с ходу установить контакты с теми, кто давно расстался с шинелью либо никогда в ней не щеголял. Скромные преимущества моей «автобио», как выразился в своей поэме А. Твардовский, терялись при встречах с людьми, уже связавшими свою судьбу с литературой, особенно – с поэзией. Приобретшими известность в этой сфере – даже в тех случаях, когда публиковались лишь их переводы, сделанные, естественно, по подстрочникам. «Естественно» – поскольку речь шла обычно о языках народов Советского Союза или стран, именовавшихся не иначе как «братскими». Даже, коли «братство» цементировать и подтверждать иной раз приходилось не без помощи танков, славившихся крепостью брони и быстроходностью.

Это сегодня, на расстоянии в несколько десятилетий, картина способна сойти за благостную. На самом же деле благостностью и не пахло.

Короче говоря, у меня хватало оснований сомневаться в гладкости предстоящей беседы с поэтом, достаточно хорошо, видимо, знавшим и армейскую ситуацию, о которой почти неизбежно пойдет речь. Ситуация эта относилась к сравнительно недавним для него временам.

Говорю об этом еще и потому, что ныне установилось снисходительно-пренебрежительное отношение к минувшим дням, подчас выдаваемым за спокойные, даже благодатные, сверкающе-победительные. Не исключено, что такой взгляд на «вчера» облегчает взаимоотношения с «сегодня». И потому особенно соблазнителен...

Вспоминая тот уже далекий день, проведенный с едва знакомым человеком, я и поныне испытываю мало с чем сравнимое удовлетворение, какое дает встреча, что называется, с родной душой. Даже если нашу близость ощутил я не в первый миг, а после преодоления настороженности. А она, вероятно, неизбежна на таком рубеже.

Слуцкий снимал комнатушку в доме, примыкавшем к зданию Литинститута на Тверском бульваре. Ему, офицеру-фронтовику, перенесшему тяжелую контузию, государство не обещало даже в дальнейшем какой-либо крыши над головой. Государство не занимали мавры, сделавшие свое дело. Степень безразличия к вчерашним фронтовикам была воистину поразительна. Из столицы вывезли безруких и безногих инвалидов. Дабы не портили картину.

Могли, правда, позвонить демобилизованному из райкома партии: «Как же так, по сей день без работы? Ищите, старайтесь...»

Стараться было нелегко. Особенно при наличии «пятого пункта», уже дававшего себя знать. Приходилось тратить месяцы на трудоустройство и в конце концов довольствоваться тем «устройством», какое тебе навязывалось.

Я встретил в метро одного из знакомцев по ИФЛИ и по армейской службе в сорок первом. Человека, прославившегося своей отвагой еще на самом раннем этапе войны. Теперь, когда война осталась позади, как и оконченный институт в Сокольниках, он терял месяц за месяцем, тщетно пытаясь найти дело по душе и по специальности.

Государственный антисемитизм если еще и не овладел всеми господствующими высотами, то – повторяю – неуклонно напоминал о себе.

«Комната с отдельным входом», увековеченная в известном стихотворении Слуцкого, обладала кое-какими достоинствами: ее местонахождение рядом с Литинститутом позволяло, к примеру, пользоваться институтской библиотекой. Что для Бориса, как я вскоре пойму, составляло немалый плюс.

Назначив небывало ранний час для дружеской встречи, Слуцкий уже знал, чем надлежит заполнить наше время, какие проблемы следует совместно обсудить, выявляя точки совпадения, а возможно, и разногласия. Он был готов к беседе в куда большей степени, чем я. Но не педалировал свое преимущество. Напротив, слегка его приглушал, с улыбкой повествуя о том, какой великолепный обед нам предстоит и как лично он готовит пельмени.

Когда позади была первая чарка, я понял, что умение лихо поглощать спиртное не относится к сильным сторонам хозяина скромного жилья. Пользуясь правами гостя, я менее всего напирал на эту сторону. Что, по-моему, ему импонировало. И в дальнейшем, наверно не забывая о своей слабости, он оставался крайне сдержанным, едва доходило до спиртного. Вообще – демонстрация собственных уязвимых мест явно не входила в его намерения. Мне могут возразить: а в чьи она входит?

Беда в том, что далеко не каждому введома собственная ахиллесова пята.

Бориса отличал искренний, живой интерес к своим знакомцам и приятелям. Зорко наблюдая за гостем, он задавал ему выверенные вопросы, превышавшие уровень обычной застольной беседы, вопросы, далекие от праздного любопытства. Он хотел вникнуть в твою судьбу, не стесняясь спрашивать, на что и как ты существуешь, от души предлагая помощь, чистосердечно удивляясь, если ты ею не воспользовался.

Подкупающее чистосердечие не просто входило в число его исходных качеств. Оно, ясное дело, облегчало взаимоотношения в дружеском кругу. Но далеко не всегда облегчало повседневную жизнь, личное поведение. Особенно на этапе, о котором пойдет речь.

Нагло-откровенная ложь, циничное двуличие, присущее сталинской эпохе, видимо, отступали в прошлое. Но открытость, искренность еще не входили в норму. Даже между единомышленниками. Или теми, кто был близок к единомыслию.

Прощупывая меня, Слуцкий надеялся понять мое «кредо». По отношению к нему я стремился к тому же самому. Тем паче, что уже знал ходившие в списках его антисталинские стихи («Б-г», «Хозяин», «Современные размышления»...). Стихи, крайне важные не только для того, кто их написал, но и для тех, кто прочитал. А читали повсеместно. В зависимости, разумеется, от обстоятельств, определявших характер аудитории.

Назначая свидание, запланированное на несколько часов, Слуцкий предусмотрел не просто обед, но обед воистину фундаментальный. Главную его часть, я уже говорил, составляли пельмени.

Однако мне и в голову не пришло, что их предстояло жарить. Да еще именно так, как умел только сам хозяин.

Во всем, что он делал, о чем говорил, неизменно чувствовались основательность, выношенность, серьезность. Экспромты не ценились. Остроты получали право на существование лишь в том случае, ежели не страдали легковесностью.

Не стану брать грех на душу и подробно, обстоятельно перечислять темы, затронутые так или иначе в нашей долгой, многочасовой беседе. Дело слишком давнее. Скажу лишь с уверенностью: пустословие отсутствовало. Да оно никогда, ни в коем разе и не вязалось со Слуцким, жившим трудной рабочей жизнью – при постоянной необходимости печься не только о хлебе насущном, но и о крыше над головой.

Но мы, конечно, говорили о войне, о фронте, о наступившей эпохе. О чем же еще! Теперешняя советская жизнь частенько проявляла себя, как и прежняя, «применительно к подлости». И мы размышляли о перспективах, уготованных нашему поколению, о том, суждено ли ему сыграть значительную, благотворную роль в обновленной – хотелось надеяться – стране.

Большая часть времени Бориса отводилась переводам, осуществляемым все по тем же подстрочникам. Добывать подстрочники, однако, было совсем не просто.

Прибегали, скажем, к такой форме деятельности, как обход редакций в поисках этих проклятых Б-гом, но позарез необходимых текстов. Иногда подобные странствия совершались Слуцким вдвоем с Давидом Самойловым. (Их с Борисом связывала долгая, но не слишком прочная дружба.) Бывало, перевод стихотворения требовалось создать прямо на месте, не покидая служебного кабинета работодателя. Чаще всего переводили с «братского» (в те времена) китайского языка.

Однажды такой перевод спешно был изготовлен в стенах редакции и тотчас отправлен в типографию. Переводчиков (нормальное дело!) было двое. Каждый торопливо «строгал» свою половину. Вот только они не условились о размере. Русский текст, так и не согласованный, заслали в набор, а потом напечатали. Преимущество поэзии этого рода заключалось в том, что ее никто не читал. Творческий же процесс завершался росписью переводчика в платежной ведомости и, в лучшем случае, рюмкой водки в знаменитом баре № 4 на Пушкинской площади.



Ái deñ Nēwōcēē ñacáí íé Oàòyíí íé. 1974 ñä

Вспоминая свое послевоенное бытие, Слуцкий ни разу не пожаловался на жизнь. Ему вообще несвойственно было хотя бы мимолетно «бить на жалость».

Этот пасмурный день, проведенный в доме при Литинституте (осенью сорок первого здесь размещался мой подрывной отряд, минировавший улицу Горького), прочно осел в памяти. Я испытал чувство, знакомое с войны: судьба даровала мне друга, не способного ни на вероломство, ни на уклончивость.

Тешу себя надеждой, что и он не раскаивался после нашей встречи. Так или иначе, но тот полдень положил начало дружбе, растянувшейся почти на два десятилетия. Хотя она могла бы растянуться и надольше. Если б не его ранняя, я считаю, смерть...

Эта дружба включала в себя и недели, а то и месяцы в переделкинском Доме творчества, куда Борис станет приезжать с невестой, потом – женой, вызывавшей мое неподдельное восхищение. Оно не оставляет меня по сию пору. Тане суждено было стать самым верным и любимым его другом, а заболев – его ношей.

Запросто, дружелюбно шутивший насчет чужих «романов и адюльтеров», сам Слуцкий не принадлежал к специалистам по быстротечным связям. Чувство собственного достоинства, присущее ему в высокой мере, исключало подобную форму отношений.

Теперь, наконец, женатый поэт обладал двухкомнатной квартиркой неподалеку от метро «Сокол». Это было истинное счастье.

Жаль только, радости зачастую имеют свою оборотную сторону. Беда, подкарауливавшая чету Слуцких, отличалась особо коварным свойством.

Казалось бы, жить им да жить. Однако Таню подкосила тяжелая болезнь крови. Даже поездка в Париж ничего не изменила. Болезнь относилась к неизлечимым. По крайней мере, тогда. В наши дни о ней судят с меньшей долей обреченности.

Покуда можно было, Борис с Таней ездили осенью в Коктебель, жили в Переделкино, снимая дачу на улице Горького. Там я нередко их навещал. Наши застольные разговоры с Борисом то и дело сменялись путешествиями на станцию Белорусской железной дороги, где находилась единственная на всю округу аптека. Теперь мы покупали не снотворные, как прежде, а лекарства, выписанные Тане. Только проку от них не было.

Когда Тани не стало, я, подобно многим, дружившим с Борисом, понял: ствол подрублен. Но не представлял себе, что так основательно и безнадежно.

Áññ òí, ÷òí áñéí ò ááðññ ãñ ì í á

ñò áéññ íñ, - í ò ò ááñ é í ò ì áèéí éé.

Òñ éññ òááéñéá áññ ì í è í è áéé,

à í ú í á ò ù á ááéáéí é ñ ò í ðñ í á

ááñ ÷ ò ááñ í á ì ì ðñ è ò ñ ò ò á

íí-í í á ññ-éí áí ùñ í áí á-à ò ò ù

Óèè! Á ì í á á ù á áñ ò ááá ò ù è í ááá ò ù

è áí í áí áñ ò ááá ò ù

Á ù á ì í á í á í ð á

Но и его уход не заставил себя долго ждать. Пускай теперь его печатали, издавали, устраивали ему творческие вечера в Центральном доме литераторов...

Он почти не писал. Жизнь лишилась всякого смысла. Утратила краски. Болезнь души, не встречая сопротивления, навалилась на него всей тяжестью, загнав в палату столичной клиники.

Послебольничное общение оборвалось не по нашей вине. Боря поселился у брата-отставника, обитавшего под Москвой. Решил дожить свой век там.

Творчество Бориса Слуцкого, как и творчество всякого большого поэта, бесконечно многообразно. Однако, опять же, как у всякого большого поэта, у него есть своя сквозная тема. Она продиктована национальным чувством, от которого Слуцкий никогда не был избавлен. Чувством, не застилавшим глаза, но, напротив, помогавшим понимать, кто есть кто, определять истинную цену человека.

Î á ò î ð ã ï ï ï ï ò è è í è ð à ç ï

Î á â ï ð ã ï ï ï ï ò è è í è ð à ç ï

Î í ò ó à ï ï ï à , è à è ç à ð à ç ï

Î ð ò è è ÿ ò ó ð ç ï ç ò ó ð à ï ï

Î ó è ÿ ï à ï ÿ ï è ï í à ï è à ,

× ò í á ï ï ï ð è è ï ï ï í à è à è à ï :

«Á à ð ï ï à ï á ó í è à ï è ï !

Á ï ï à ï ï ð ò è è è ï ï à è à ï !»

Что до Борисовой строчки, вынесенной в заглавие моих заметок, то ее назначение – хотя бы бегло, пунктирно обозначить путь, проделанный поэтом, дать представление о многосложности, многотрудности этого пути. О душевной чистоте и мужестве, потребных, дабы его одолеть.



Ñ è à à à í à ï ð à ï : ð à à è ò ï ð à è ï ï à ï à ò à «Á à ï ï ï ÿ è è» Á. Ô í à è ï ï ï , Á. Ñ è ó è è è , Á. È ï ð ï è ï à

1965 ää

Не исключено, что в словах о вере в лозунги таится и своего рода предостережение, не теряющее силу с годами. Течение лет бесспорно обновляет лозунги, но далеко не всегда от этого меняется их глубинная суть.

Каждому предоставлена возможность судить поэта сообразно своему мировосприятию, соотнося его строфы с реальностью новых дней. Однако и безотносительно к реальности человек волен выбирать для себя «лозунги», неустанно сравнивая их с собственным опытом; собственным, но – и это не грех – заимствованным, быть может, у поэта такой честности, такого ума, таланта и масштаба, как, скажем, Борис Абрамович Слуцкий.

...Рубикон, обозначенный строкой о доверии существу, остался позади. Но и впереди не прорисовывалась «дорога цветов».

ĖĀŌĀĖĪ ĀĀĖĀĀĎŪ 2004 ĖĖŅĖĀĀ 5765 - 12 (152)

К НИМ ОБРАЩАЮ Я ВЗОР СВОЙ

Ī adē Ōadēōīīā

Ō÷èò äëü ðäĭîè

Дом, где родился Шагал, напомнил ему, напишет он впоследствии, «шишку на голове зеленого раввина с моей картины или картофелину, упавшую в бочку с селедками и разбухшую от рассола». Увидев его годы спустя, художник морщился и думал: «Как же я здесь ухитрился родиться? Чем здесь люди дышат?»

И о том же провинциальном, заплеванном Витебске, где на улице выплескивались помои, где в луже посреди дороги блаженствовала свинья, – несколькими строчками ниже: «Церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные строения, как на фресках Джотто».



Àrì Ọàààà à Àèòàààà

Òtòt fà-àà XX á

Джотто – не более, не менее! Где теперь эти строения? Преображенными и увековеченными они остались лишь на картинах художника – и в его душе.

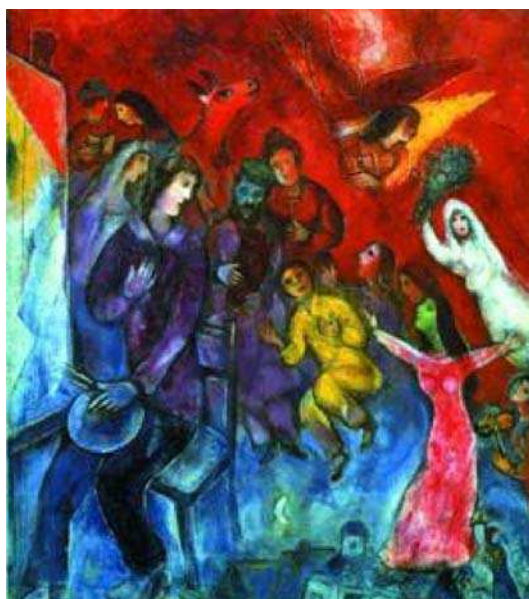
Вместе с трезвым недоумением: как здесь можно было дышать?

Я узнавал схожее чувство, вспоминая пейзажи своего московского детства: убогую деревянную халупу в Нижних Котлах, речку, которая не зря называлась Вонючка – ее окрашивал своими стоками каждый день в разный цвет стоявший выше кожевенный завод, пустырь, где среди камней и мусора прорастали цветы и травы, которые я до сих пор знаю лучше, подробнее, чем всю флору последующих лет. Для благодарного детского восприятия это оказывалось такой же полноценной, прекрасной природой, как настоящие леса, луга, сады и реки, в которых можно было купаться.

Шагал, как никто, учит нас счастливой способности восхищаться дарованным нам миром. Через всю жизнь пронес он эту благодарную детскую восхищенность, соединенную с умудренной насмешливой трезвостью.

«Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, темно-карими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинах и складках?»

Это мой отец.



И адэ Оаііэ

Аіцадзіаі еа пай іе оаііаі еаа

1947 аа

Или, может, вы видели картинки из Агады – пасхально-благочестивые и туповатые лица персонажей? (Прости, папочка!)

Поразительны созданные им живописные портреты самых разных людей, родственников и случайных встречных. «Но описать их словами!» – восклицает Шагал, с нежной иронией любуясь своими тетушками. «У одной был длинный нос, доброе сердце и дюжина детей, у другой – нос покороче и полдюжины детей, но больше их всех она любила самое себя – а что такого? У третьей нос, как на портретах Моралеса, и трое детей: заика, глухой и еще неизвестно какой – совсем младенец».

Я провел детство среди таких женщин, хлопотливых, добрых, малообразованных, чадолюбивых, мастериц вкусно готовить. Они съезжались на семейные праздники, неумелыми голосами запевали непонятные мне еврейские песни. Если бы у меня хватило способностей написать о них с таким же родственным юмором! До меня дошли только обрывки воспоминаний об исчезнувшем мире времен моего деда и моих родителей. Я домысливаю черты этого мира, его воздух, глядя на картины Шагала и читая его. Мир тесной духоты и вкусных запахов, мир зеленых евреев, где пасли коров, учили Тору и помогали беднякам, зажигали по праздникам свечи, где щуплый мальчишка – мой отец – капал свечным воском на бороду ребе, задремавшего в хедере за столом.

«И вот я сижу, уставившись ему в бороду.

Я уже усвоил, что “а” с черточкой внизу будет “о”. Но на “а” меня клонит в сон, а на черточке... В это время засыпает сам рабби».

Я узнаю своего отца по рассказам Шагала.

Он вырос в этом мире – и он из него вырастал.

«У меня было чувство, что если я еще останусь в Витебске, то обрасту шерстью и мхом», – поймет он однажды.

Чувство это было противоречивым. Достаточно посмотреть на его картины, чтобы понять, что значил для него Витебск. И много ли самому художнику было надо?

«При всей любви к передвижению я всегда больше всего желал сидеть запертый в клетке», – размышляет Шагал. «Я мог бы сутками не есть и сидеть где-нибудь около мельницы, разглядывая прохожих на мосту: нищих, убогих, крестьян с мешками».

Но не менее важной была для художника и другая, внутренняя потребность.

Как говорят некоторые знатоки иудейской религии, чтобы «ходить под Б-гом», человек постоянно должен преодолевать инерцию привычного существования. На протяжении долгой истории евреям приходилось менять свою жизнь поневоле, преследования вынуждали их странствовать. Однако есть еще импульс душевный, требующий непрестанно развиваться, не задерживаться на месте – оставаясь при этом самим собой.

С тем же восхитительным своим юмором Шагал рассказывает, как, оказавшись однажды летом в одной деревне с «великим раввином Шнеерсоном», пришел спросить у него совета: ехать ли ему в Петроград.

«Думаешь, там вам будет лучше? – спрашивает рабби. – Что ж, благословляю тебя, сын мой. Поезжай». Художник в сомнении рассказывает, что его связывает с Витебском. Рабби не возражает: «Ну что ж, сын мой, если тебе больше нравится в Витебске, благословляю тебя, оставайся».

«Господи! Велика мудрость рабби Шнеерсона!» – восклицает Шагал. При всей ироничной интонации – разве не утверждался он всю свою жизнь именно в той же мудрости? Надо самому искать свой путь, ни на кого не оглядываясь, прислушиваясь лишь к голосу, который звучит в твоей собственной душе.

«Я бродил по городу, искал чего-то и молился:

“Господи... яви мне свой путь... Я хочу видеть этот мир по-своему”.

И в ответ город лопался, как скрипичная струна, и люди, покинув обычные места, принимались ходить над землей».

На картинах Шагала художник идет вперед, но голова его обращена назад. Внутренне он до конца жизни не оторвался от своего Витебска. Он унес его с собой в душе – вместе с детской способностью радостно изумляться миру. И мир не переставал открываться ему словно впервые.

Эту радость излучают краски его картин.



Ī. Oāāē Āīī īā ōēōāĪ īēōāīēē

(«Ī īē ōīāēōāēē»), 1911 āā

Знающие люди говорят о внутренней близости шагаловского мироощущения хасидизму. Хасидизм, читаем мы у одного автора, «учит, что Б-г проявляется в обыденных вещах, что Ему угодны не рассудок, а чувства и не уныние, а радость и что познать это дано только взволнованной душе».

Именно такой взволнованной и радостной была душа Марка Шагала – наперекор всем горестям и тяготам его непростой жизни. Сколько бы ему ни пришлось пережить: революцию и войны, нищету, болезни, опасности, голод – способность радоваться не оставляла его никогда.

«Затопили печь, – описывает он комнатушку, где ему после долгих поисков удалось поселиться с женой и дочерью. – С труб закапала влага в постель. В глазах слезы – от дыма и радости. В углу ватной белизной искрится снег. Мирно посвистывает ветер, плеск пламени похож на звучные поцелуи.

Пусто и радостно».

Дым, холод, снег в жилой комнате, бедный быт – ничто не может лишить человека этой радости, если способность к ней – в его душе. Вспоминаются стихи Осипа Мандельштама:

Á õññéííé áááí íñòè, áì íáñ-áé íευάòá

Æèæ ñíéíáí è óòáσáí -

Áéáññéíááí íú áíè è íí-è óá

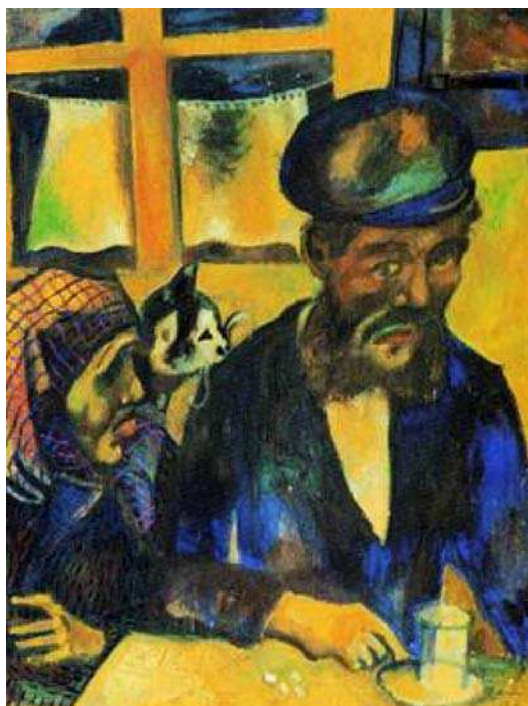
È ñéááéíááíí úé óòáá áááñáσáí.



Ðíáèòáéè Í. Óááñéá

Óíòí íá-áéá ΧΧ á

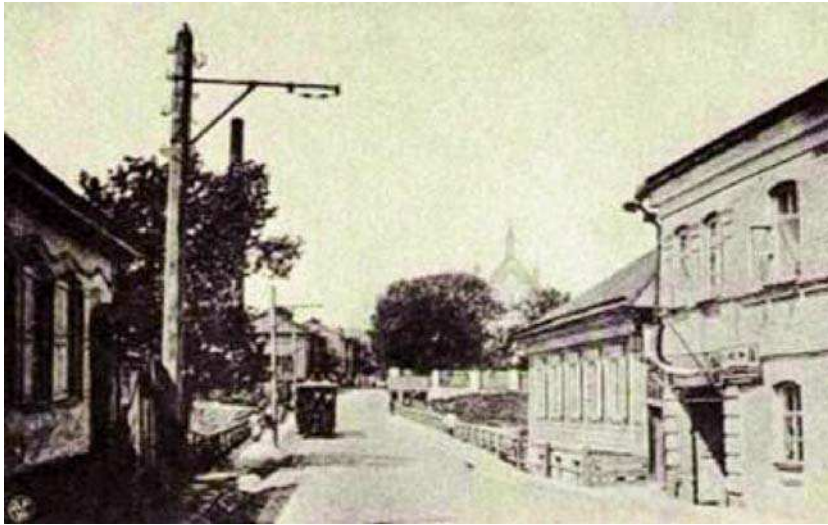
Своим безразличием к внешним обстоятельствам жизни, к одежде Шагал напоминает мне другого великого мудреца, Альберта Эйнштейна. «Вообще терпеть не могу одежду и всю жизнь одеваюсь как попало». Он не горевал о множестве пропавших, украденных, отданных задаром картин. «Ну и ладно. По крайней мере, коль скоро картины достались даром, они не поленятся повесить их на стене».



Í áðé Óááñé

Í óáñ. 1914 ñá

Конечно, так проще было ощущать себя в сравнительно молодые годы. С возрастом, слава Б-гу, вместе с известностью пришла и несравненная обеспеченность. По рассказам, денежными делами сам Шагал занимался мало, передоверял их своей жене. Но один наблюдательный свидетель не без лукавства заметил, как во время переговоров о гонораре художник из-за двери на пальцах подсказывает ей желанную сумму. А что такого? – как сказал бы он сам.



Óëöà á Âèðááííá

Î ò è ù ò è à í à : à è à XX á

Внутренне он до конца оставался все тем же витебским мальчиком – с глазами, распахнутыми в мир восхищенно и радостно. Я читал, каким просветленным оставалось его лицо даже в гробу. Вспомнились слова одного известного в те годы философа о том, что всякая человеческая жизнь приходит к крушению. Нет, подумал я, не всякая.



Î à è è Ó à à è è

Áào ïï ïðò ðáò ñ ñáì ùáé.
Áïò è ðááíáéíéé - ðáááí íé çáðñïóéé
áááì è,
Éáé ñéíγì è áðáááñ ùó éíéáá. Ñéáíçü
éíðó íá ùáéá
Í ðññóáíááò ééóí éíðñáí,
ííáñéíóó-áññ ïí éíáíéá
Íáí áñáí, ÷òí íá éñ-áçááò, ííéá ððáíéòññ
áí óòðé.
×òí æ, ííðá áíçáðáùáòúññ á í éð
íðéáí÷íúé, çíáéíí úé.
Í í ÷òí ñíéí áñíáéí ñéó÷éòúññ?
Éáé áóáòí ññéáñí
Í íáíçééá ñíáðááíáí íé éáððéíéé,
í÷áððáíéý, éðáñéé
Í ðγññ éééññ, íñááçáí í úá áéááñé, -
íáí íáééññ çðá÷íé.



М. Шагал.

ЕАОАЕІ ААЕААДŪ 2004 ЕЕНЕАА 5765 - 12 (152)

РЕВНИТЕЛЬ ВЕРЫ

Филип Рот

В мае 1945-го, после того, как в Европе неделю-другую перестали воевать, меня направили в Штаты, где я и провел последние месяцы войны в учебном лагере «Кроудер» (штат Миссури). Весь конец зимы и весну я вместе с девятой армией стремительно продвигался по Германии и, даже сев в самолет, поверить, что он держит курс на запад, не мог. Умом понимал, но не мог отделаться от ощущения, что мы опять летим на фронт, где нас высадят и отправят наступать все дальше и дальше на восток, пока мы не обогнем строевым шагом земной шар, маршируя по деревням вдоль кривых, мощенных булыжником улочек, вдоль которых будут толпиться враги: смотреть, как мы захватываем то, что прежде принадлежало им. За последние два года я настолько зачерствел, что ни дрожащие от страха старики, ни захлебывающиеся от плача дети, ни растерянность и испуг в глазах бывших гордецов меня уже не трогали. Мне повезло: сердце мое, как оно и бывает с пехотинцами сначала, – точь в точь как и их ноги, – болело, саднило, но в конце концов загрубело настолько, что на какие бы невообразимые дороги его ни забрасывало, не ощущало ровно ничего.



В лагере «Кроудер» моим начальником был капитан Пол Баррет. В тот день, когда я доложил ему, что для исполнения служебных обязанностей прибыл, он вышел из кабинета – пожать мне руку. Приземистый, резкий, вспыльчивый, он как в доме, так и на улице ходил в натянутом до самых глаз залоснившемся подшлемнике. В Европе его направили на передовую, где он был ранен в грудь, и тяжело, а несколько месяцев назад вернули в Штаты. Он поговорил со мной о том о сем и на вечерней поверке представил солдатам.

– Господа, – сказал он, – как вам известно, сержанта Тёрстона от нас перевели. Это ваш новый сержант – сержант первого класса Натан Маркс. Он воевал в Европе и, надо думать, уже по одному этому рассчитывает иметь дело с солдатами, не с мальчишками.

Я засиделся допоздна в канцелярии – пытался, пусть и не слишком усердно, разобраться в нарядах, делах личного состава и утренних рапортах. На положенном на пол матрасе, разинув рот, спал квартирмейстер. У доски объявлений – она висела на сетчатой двери – стоял новобранец, читал список нарядов на завтра. Вечер был теплый, из казарм доносилась музыка – по радио передавали танцевальные мелодии. Новобранец, когда ему казалось, что я на него не смотрю, разглядывал меня и по прошествии некоторого времени двинулся ко мне.

– Привет, сержант, у нас что завтра вечером солдатская утеха? – спросил он.

Солдатской утехой называли уборку казарм.

– Уборка всегда вечером в пятницу? – спросил я.

– Да, – сказал он и, озадачив меня, добавил: – В том-то и штука.

– Раз так, значит, и в эту пятницу будет уборка.

Он отвернулся, и я услышал, как он что-то бурчит себе под нос. Плечи его задержались, и я подумал: уж не плачет ли он.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Он обернулся – и ничуть он не плакал. Его карие, в зеленых крапушках, глаза, продолговатые, узкие, поблескивали, как рыба чешуя на солнце. Он подошел поближе, присел на край стола. Протянул мне руку.

– Шелдон, – сказал он.

– А ну встать, Шелдон!

Он встал, сказал:

– Шелдон Гроссбарт. – И улыбнулся: сумел-таки сбить меня на фамильярность.

– Ты не хочешь убирать казармы в пятницу вечером, Гроссбарт, так надо понимать? – спросил я. – Может, ты считаешь, нам не следует устраивать уборки? Может, нам нанять горничную? – Такого тона я от себя не ожидал. Я говорил – и сам это сознавал, – как завзятый ротный старшина.

– Нет, сержант, – он посерьезнел, однако серьезность выразилась лишь в том, что он стер с лица улыбку. – Вот только уборки всегда назначают на вечер пятницы, можно подумать, другого времени нет.

Он снова приопустился на край стола – не то чтобы сидел, но и не то чтобы стоял. Посмотрел на меня – его крапчатые глаза сверкали, затем сделал какой-то жест. Еле заметный – повернул кисть туда-сюда – и тем не менее сумел обозначить, что мы с ним пуп земли и существенны лишь наши с ним дела. Дал понять, что и в нас самих существенны лишь наши сердца, а все остальное неважно.

– Сержант Тёрстон – это одно, – зашептал он, поглядев на спящего квартирмейстера, – а с вами, нам думалось, все пойдет по-другому.

– Нам?

– Евреям нашей роты.

– Это почему еще? – я повысил голос. – Что ты имеешь в виду?

Рассердился я из-за «Шелдона» или из-за чего-то еще, я пока не понял, но точно рассердился.

– Мы вот подумали, вы же Маркс, ну как Карл Маркс. Как братья Маркс^[1]. Все эти типы, они Марксы. Ваша фамилия, сержант, ведь так же пишется?

– Да.

– Фишбейн сказал... – Он запнулся. – Я что хочу сказать, сержант... – Его лицо, шея побагровели, губы шевелились, но не издавали ни звука. Он вмиг встал по стойке «смирно», поглядел мне в глаза. Похоже, вдруг понял, что от меня, как и от Тёрстона, толку не будет: я исповедую не его веру, а ту же, что и Тёрстон. В этом он ошибся, но поправить его мне не захотелось. Проще говоря, он мне не понравился.

Я ничего не сказал, лишь ответил взглядом на взгляд, и он переменял тон.

– Видите ли, сержант, – растолковывал он, – в пятницу евреи по вечерам ходят на службу.

– А что, сержант Тёрстон сказал, что в дни уборки на службу ходить нельзя?

– Да нет.

– Он что, сказал, чтобы вы оставались в казарме и драили полы?

– Нет, сержант.

– Так сказал он или не сказал, чтобы вы оставались в казарме и драили полы?

– Не в том дело, сержант. Заковыка в другом, парни из нашей казармы, – он подался ко мне, – они считают, что мы отлыниваем. А мы вовсе не отлыниваем. В пятницу евреи по вечерам ходят на службу. Так положено.

– Ну и ходите себе.

– А другие солдаты, они насмеваются. Не имеют они такого права.

– Армии, Гроссбарт, это не касается. Это ваше личное дело, вам его и решать.

– Но это же несправедливо.

Я поднялся – хотел уйти.

– Ничем не могу вам помочь, – сказал я.

Гроссбарт стоял как вкопанный – загораживал дорогу.

– Но это же вопрос веры, сэр.

– Сержант, – сказал я.

– То есть сержант, – только что не рявкнул он.

– Послушай, сходи к капеллану. Тебе нужно поговорить с капитаном Барреттом. Я попрошу, чтобы он тебя принял.

– Нет, нет. Я вовсе не хочу затевать заваруху. Ведь чуть что – они кричат, что мы смутьяны. Я хочу одного – чтобы мои права соблюдались.

– Какого черта, Гроссбарт, кончай скулить. Никто на твои права не посягает. Хочешь – оставайся драить полы, хочешь – иди в синагогу.

Он снова расплылся в улыбке. В уголках его губ заблестела слюна.

– Вы хотите сказать – в церковь, сержант?

– Я хочу сказать – в синагогу, Гроссбарт.

Я обогнул его и вышел из канцелярии. Неподалеку раздавался хруст – часовой печатал шаг по гравию. Вдали за освещенными окнами казарм парни в майках и спецодежде, сидя на койках, чистили винтовки. Внезапно за моей спиной послышался шорох. Я обернулся и увидел, как Гроссбарт – его темный силуэт вырисовывался в сумерках – бежит в казарму, торопится рассказать своим еврейским корешам, что они не ошиблись: я так же, как Карл, как Харпо, был из ихних.

Наутро в разговоре с капитаном Барреттом я упомянул о вчерашнем инциденте. Капитану почему-то показалось, что я не так излагаю точку зрения Гроссбарта, как защищаю его.

– Маркс, я готов сражаться бок о бок и с черномазым, убеди он меня, что он настоящий мужик. Я горжусь тем, – сказал он, глядя в окно, – что смотрю на вещи непредвзято. Вследствие чего, сержант, я ко всем здесь отношусь одинаково – никому не потворствую, никого не ущемляю. Им всего-то и нужно – доказать, на что они способны. Отличился на стрельбищах – даю увольнительную на субботу-воскресенье. Отличился в физподготовке – получай увольнительную на субботу-воскресенье. Что заработал, то твое. – Барретт отвернулся от окна, наставил на меня палец. – Вы ведь еврей, Маркс?

– Да, сэр.

– И я вас уважаю. Уважаю потому, что вон у вас сколько ленточек на груди. Я, сержант, сужу человека по тому, как он проявил себя на поле боя. По тому, как у него обстоит дело с этим вот, – сказал он, и – я-то ожидал, что он укажет на сердце, – направил палец на пуговицы, только чудом не отлетающие с лопающейся на животе рубашки, – по тому, тонка у него кишка или нет.

– Хорошо, сэр. Я только хотел передать вам, какое у ребят к этому отношение.

– Мистер Маркс, вы состаритесь до времени, если вас будет беспокоить, как к чему ребята относятся. Пусть этим капеллан занимается, это его дело, не ваше. А нам нужно натаскать этих ребят, чтобы они метко стреляли. Если еврейскому личному составу кажется, что их считают сачками, не знаю,

что и сказать. Только вот что странно – с чего бы вдруг Г-споду так громко возвать к рядовому Гроссману, что ему до зарезу приспичило идти в церковь.

– В синагогу, – сказал я.

– Будь по-вашему, сержант, в синагогу. Запишу на память. Спасибо, что заскочили.

Этим вечером, перед тем как роте собраться у канцелярии, чтобы идти строем в столовую, я призвал к себе дневального, капрала Роберта Лахилла. У Лахилла, брюнетистого крепыша, из-под гимнастерки отовсюду, откуда только можно, выбивались курчавые пучки волос. Глаза его заволакивала пленка, наводившая на мысль об эре пещер и динозавров.



– Лахилл, – сказал я, – будешь проводить построение, скажи ребятам, что им разрешено посещать церковные службы, когда бы службы ни начинались, при условии, что они, прежде чем покинуть лагерь, доложатся.

Лахилл почесал руку, но слышит ли он меня и уж тем более понимает ли, никак не показал.

– Лахилл, – сказал я. – Церковь. Напрягите память. Церковь, священник, месса, исповедь.

Лахилл скривил губу в подобии улыбки: я счел это знаком того, что он – пусть на секунду-другую – эволюционировал до человеческой особи.

– Те из евреев, кто хочет посещать вечерние службы, освобождаются от уборки и должны явиться в 19.00 к канцелярии, – сказал я. Затем так, словно меня только что осенило, добавил: – Приказ капитана Барретта.

Чуть погодя, когда над лагерем «Кроудер» начал меркнуть последний, на удивление ласковый дневной свет, за окном раздался нутряной, тусклый голос Лахилла:

– Танкисты, слушай меня. Начальничек велел передать, чтобы евреи нашей роты, если они хотят посетить еврейскую мессу, в 19.00 должны выйти здесь из строя.

В семь часов я выглянул из окна канцелярии и увидел на пыльном плацу троих солдат в накрахмаленных хаки. Они посматривали на часы, переминались с ноги на ногу, перешептывались. Смеркалось, одинокие на пустынном плацу, они казались совсем маленькими. Когда я открыл дверь, до меня донесся шум: в казармах по соседству вовсю шла солдатская утеха: сдвигались к стенам койки, хлестала в ведра вода из кранов, шваркали швабры по деревянным полам – наводилась чистота перед субботним смотром. Гуляли взад-вперед тряпки по окнам. Едва я вышел на плац, мне послышался голос Гроссбарта: «Смирна-а!»

А может быть, когда вся троица вытянулась по стойке «смирно», мне только почудилось, что я слышу его голос.

Гроссбарт выступил вперед.

– Спасибо, сэр, – сказал он.

– Сержант, Гроссбарт, – поправил я. – «Сэр» обращаются к офицеру. Я не офицер. Вы уже три недели в армии – пора бы и запомнить.

Гроссбарт – он держал руки по швам – вывернул ладони наружу, показывая, что на самом-то деле мы с ним выше условностей.

– Все равно спасибо, – сказал он.

– Да-да, – сказал долговязый парень – он стоял позади Гроссбарта. – Большое спасибо.

Третий парень тоже прошептал: «Спасибо», почти не разжимая губ, – он так и стоял по стойке смирно, разве что губами пошевелить себе позволил.

– За что? – спросил я.

Гроссбарт радостно хмыкнул.

– За то, что объявили. За то, что капрал объявил. Это нам помогло. Придало нашему делу...

– ...уважительности, – закончил за Гроссбарта долговязый.

Гроссбарт улыбнулся.

– Он хотел сказать – законности. Открытости. Теперь никто не может сказать, что мы мы просто-напросто сматываемся – отлыниваем от уборки.

– Это распоряжение капитана Барретта, – сказал я.

– Так-то оно так, но и ваша заслуга здесь есть, – сказал Гроссбарт. – Поэтому мы вас и благодарим. – Он повернулся к своим товарищам. – Сержант Маркс, я хочу познакомить вас с Ларри Фишбейном.

Долговязый шагнул вперед, протянул мне руку.

– Вы из Нью-Йорка? – спросил он.

– Да.

– И я оттуда. – Его мертвенно-бледное лицо от скул к подбородку было скошено книзу, когда он улыбнулся, – а услышав, что мы с ним из одного города, он расслаился – обнажились скверные зубы. Он часто-часто мигал, так, словно смаргивал слезы. – Из какого вы округа? – спросил он.

Я повернулся к Гроссбарту.

– Уже пять минут восьмого. Когда начинается служба?

– Синагога, – он улыбнулся, – откроется через десять минут. Я хочу познакомить вас с Мики Гальперном. Это Натан Маркс, наш сержант.

Вперед выступил третий парень:

– Рядовой Майкл Гальперн.

Он отдал мне честь.

– Честь, Гальперн, отдают офицерам, – сказал я.

Парнишка опустил руку, но по дороге рука его – на нервной почве – метнулась проверить, застегнуты ли нагрудные карманы.

– Мне их отвести, – сказал Гроссбарт, – или вы пойдете с нами?

Из-за спины Гроссбарта Фишбейн пропищал:

– После службы намечается угощение. Из Сент-Луиса к нам на подкрепление придут дамы, так на прошлой неделе сказал раввин.

– Капеллан, – прошептал Гальперн.

– Присоединяйтесь, будем рады, – сказал Гроссбарт.

Чтобы не отвечать на приглашение, я перевел взгляд на окна казарм – за ними виднелись смутные очертания лиц: солдаты глазели на нашу четверку.

– Поторапливайся, Гроссбарт, – сказал я.

– Что ж, будь по-вашему, – сказал он. И повернулся к остальным: – Бегом, марш!

Они припустили, но не пробежали и трех метров, как Гроссбарт обернулся и на бегу – уже задом наперед – крикнул:

– Хорошего вам шабоса, сэр!



И троица утонула в миссурийских, таких чужих, сумерках.

Они уже скрылись, а над плацем, теперь не зеленым, а тускло-синим, все еще разносился голос Гроссбарта: он горланил быстрый марш, марш звучал все тише и тише, и вкупе с косо падающим светом вызвал к жизни – вот уж чего не ожидал – глубоко запрятанное воспоминание: в памяти всплыл пронзительный детский гомон на площадке неподалеку от Большого стадиона в Бронксе, где я много лет назад играл такими же долгими весенними вечерами, как сегодня. Что и говорить, приятное воспоминание,

особенно если домашняя, мирная жизнь так далека, однако это воспоминание потянуло за собой столько всевозможных ассоциаций, что мне стало ужасно жаль себя. По правде сказать, я позволил себе так глубоко погрузиться в мечты, что мне почудилось, будто до меня, до самого моего нутра дотянулась рука. Дотянулась из такой дали! Дотянулась, минуя дни в бельгийских лесах, умирающих, которых я не позволил себе оплакивать; минуя ночи на немецких фермах, где мы, чтобы согреться, жгли книги; минуя нескончаемые переходы, когда я не давал спуска – а как порой хотелось – товарищам и даже не разрешал себе погарцевать в роли победителя, почваниться, когда мои башмаки попирали булыжные мостовые Везеля, Мюнстера и Брауншвейга, а, будучи евреем, я мог бы себе такое позволить.

И вот достаточно было одного вечера с его звуками, с отголосками дома и былых времен, чтобы память прорвалась сквозь все, что я в себе заглушал, к тому, что, как я вдруг вспомнил, и было мной. И нет ничего удивительного в том, что, желая еще больше приблизиться к себе, я обнаружил, что иду следом за Гроссбартом в молельню № 3, где шла еврейская служба.

Я сел в последнем, пустом ряду. Впереди, за два ряда от меня, расположились Гроссбарт, Фишбейн и Гальперн, они держали бумажные стаканчики. Каждый следующий ряд чуть возвышался над предыдущим, и я видел, что там у них происходит. Фишбейн что-то переливал из своего стаканчика в стаканчик Гроссбарта, тот с явным удовольствием следил, как багровая дуга изгибается от руки Фишбейна к его руке. В слепящем желтом свете я увидел капеллана – он стоял на возвышении, у самого его края, читал нараспев первый стих. Гроссбарт держал на коленях молитвенник, но открыть не открыл: побалтывал вино в стаканчике. Только Гальперн продолжил стих. Широко растопыренные пальцы правой руки он положил на открытую книгу. Пилотку насунил низко на лоб, отчего она стала круглой, как ермолка. Время от времени Гроссбарт прикладывался к стаканчику; Фишбейн – его длинное желтое лицо походило на лампочку, которая вот-вот перегорит, – водил глазами туда-сюда, тянул шею: глядел, кто еще сидит в их ряду, кто впереди, кто сзади. Увидев меня, он заморгал. Ткнул Гроссбарта локтем в бок, что-то шепнул ему на ухо и, когда община продолжила следующий стих, в общем хоре я различил голос Гроссбарта. Теперь и Фишбейн смотрел в молитвенник, губы его, однако, не шевелились.

Наконец настало время выпить вино. Под улыбчивым взглядом капеллана Гроссбарт осушил вино залпом, Гальперн потягивал его задумчиво, Фишбейн, напустив благочестивый вид, представлялся, будто пьет из пустого стакана.

– Окинув взглядом нашу общину, – последние слова капеллан произнес с усмешкой, – я заметил, что сегодня среди нас много новых лиц, и я рад приветствовать вас на нашей вечерней службе в лагере «Кроудер». Я – майор Лео Бен-Эзра, ваш капеллан. – Капеллан, хоть и явно американец, выговаривал слова нарочито отчетливо, чуть ли не слог за слогом, словно стремился прежде всего донести смысл до тех из аудитории, кто читает по губам.

– Я скажу лишь несколько слов перед тем, как мы перейдем в буфет, где милые дамы из сент-луисской синагоги «Синай» приготовили для вас угощение.

Аудитория заплодировала, засвистела. По губам капеллана еще раз пробежала улыбка, он вскинул руки ладонями к залу, поднял глаза горе, как бы напоминая воякам, где они находятся, в Чьем присутствии. Во внезапно наступившей тишине мне послышался глумливый голос Гроссбарта:

– А гои, пусть их, надраивают полы!

Впрямь ли он так сказал? Я не был в этом уверен, однако Фишбейн ухмыльнулся, толкнул Гальперна в бок. Гальперн в недоумении поднял на него глаза, снова опустил их в молитвенник и, пока раввин держал речь, не отрывался от него. Одной рукой он крутил выбившуюся из-под пилотки черную курчавую прядь.

А раввин продолжал:

– Задержитесь на минутку, о еде – вот о чем я хочу с вами поговорить. Знаю, знаю, знаю, – голос его звучал устало, – все эти месяцы вы едите трепное, как пепел, вам оно становится поперек горла, знаю, как ваши родители страдают от того, что их дети едят нечистое, как оно оскорбляет ваш рот. Что я могу вам сказать? Только одно: закройте глаза и проглотите, сколько сможете. Съешьте столько, сколько нужно, чтобы выжить, остальное выбросьте. Хотелось бы мне помочь вам не только советами. Тех же из вас, кому не удастся превозмочь себя, я прошу: сделайте над собой усилие еще и еще раз, ну а если и тогда

ничего не получится, приходите, и мы поговорим с глазу на глаз. Если вам не удастся перебороть отвращение, обратимся за помощью повыше.

Зал загомонил, но почти сразу же затих. Затем все пропели «Эйн Келозэйкейну»^[2], и я обнаружил – а ведь сколько лет прошло, – что все еще помню слова. Когда служба закончилась, Гроссбарт насел на меня:

– Повыше? Это как надо понимать, к генералу, что ли?

– Слышь, Шелли, – сказал Фишбейн, – к Б-гу, вот как надо это понимать. – Почесал щеку и посмотрел на Гальперна. – Ишь как высоко метит!

– Ша! – сказал Гроссбарт. – А вы как думаете, сержант?

– Не знаю, – сказал я. – Спросите лучше капеллана.

– Так и сделаю. Хочу попросить его поговорить со мной с глазу на глаз. И Мики попросит.

Гальперн покачал головой.

– Нет, нет, Шелдон.

– Твои права, Мики, должны соблюдаться, – сказал Гроссбарт. – Нельзя позволять помыкать собой.

– Да ладно, – сказал Гальперн. – Это больше маму беспокоит.

Гроссбарт перевел взгляд на меня.

– Вчера его вырвало. А все рагу. Сплошь свинина и вообще, черт его знает, что они туда напихали.

– Я простудился, вот почему меня вырвало, – сказал Гальперн. Сбил ермолку на затылок, и она снова обратилась пилоткой.

– Ну а ты, Фишбейн, – спросил я. – Ты тоже ешь только кошерное?

Он вспыхнул.

– Не вполне. Но я не стану лезть на рожон. Желудок у меня здоровый, да и ем я мало.

Я не сводил с него глаз, и он как бы в подтверждение своих слов поднял руку: показал, что ремешок его часов затянут на последнюю дырочку.

– Но посещать службы для тебя важно? – спросил я.

– А то нет, сэр.

– Сержант.

– Дома, может, и не так уж важно, (Гроссбарт тут же встал между нами) – но вдали от дома – другой коленкор, это дает ощущение еврейства.

– Нам надо быть заодно, – сказал Фишбейн.

Я двинулся к двери; Гальперн, пропуская меня, попятился.

– Вот отчего в Германии так вышло, – Гроссбарт повысил голос, чтобы я слышал. – Оттого, что евреи не были заодно. Позволили собой помыкать.

Я обернулся:

– Послушай, Гроссбарт. Не забывай: здесь армия, не летний лагерь.

Он улыбнулся:

– Ну и что?

Гальперн попытался смыться, но Гроссбарт схватил его за руку.

– Гроссбарт, сколько тебе лет? – спросил я.

– Девятнадцать.

– А тебе? – спросил я Фишбейна.

– Столько же. Мы даже одного и того же месяца.

– А ему сколько? – я указал на Гальперна: он все-таки ускользнул – стоял у двери.

– Восемнадцать. – Гроссбарт понизил голос: – Но он вроде как не может ни шнурки завязать, ни зубы почистить. Мне его жалко.

– А мне, Гроссбарт, жалко нас всех, – сказал я, – но что бы тебе не вести себя по-человечески? Не стоит так уж из штанов выпрыгивать.

– Это как надо понимать?

– Зря ты меня все время сэром величаешь. Не стоит так уж из штанов выпрыгивать.

С тем и ушел. Миновал Гальперна, но он и не посмотрел на меня. Однако и за дверью меня настиг голос Гроссбарта.

– Мики, лебен^[3] ты мой, вернись. Угостимся!

«Лебен». Так называла меня бабушка.

А неделю спустя как-то поутру, когда я корпел над бумагами, капитан Барретт призвал меня к себе в кабинет. Подшлемник на этот раз он натянул так низко, что глаз совсем не было видно. Барретт – он говорил по телефону – прикрыл трубку рукой и спросил:



– Кто такой, чтоб ему, Гроссбарт?

– Третий взвод, капитан, – сказал я. – Проходит учебную подготовку.

– С чего бы вдруг такой хай из-за кормежки? Его мамаша позвонила одному конгрессмену, чтоб ему, насчет кормежки. – Он отнял руку от трубки, подтянул подшлемник так, что стали видны нижние веки.

– Да, сэр, – сказал он в трубку. – Да, сэр. Нет, нет, я на проводе, сэр. Я спрашиваю Маркса, вот он тут...

Барретт снова прикрыл рукой трубку и повернулся ко мне:

– Звонит Гарри-Легок-на-помине, – процедил он сквозь зубы. – Конгрессмен позвонил генералу Лайману, тот – полковнику Соусе, тот – майору, майор – мне. Им что – только бы спихнуть все на меня. В чем дело? – Он погрозил мне трубкой. – Я что, не кормлю солдат? Из-за чего весь сыр-бор?

– Сэр, к Гроссбарту нельзя подходить с обычными мерками. – На мои слова Барретт издевательски ответил понимающей улыбкой. Тогда я решил подойти к делу с другого бока. – Капитан, Гроссбарт – ортодоксальный иудей, а иудеям запрещено есть некоторые продукты.

– Он блюет, сказал конгрессмен. Стоит ему что съесть, говорит его мать, и он блюет!

– Он приучен соблюдать некоторые диетические правила, капитан.

– И чего ради его старуха звонит в Белый дом?

– Еврейские родители, сэр, склонны больше опекать детей. Я что хочу сказать: у евреев очень тесные семейные связи. И если парень уезжает из дому, его мать теряет покой. Наверное, парень ей что-то написал, ну а мать не так его поняла.

– Ох и врезал бы я ему! – сказал капитан. – Война, чтоб ей, идет, а ему – ишь чего захотел – подавай что-то особенное!

– Сэр, по-моему, парень тут не виноват. Думаю, если с ним поговорить, мы это дело уладим. Еврейские родители, они вечно беспокоятся.

– Да будет вам, все родители беспокоятся, не только еврейские. Но они не идут на принцип, не мутят воду...

Я прервал его, заговорил громче, жестче.

– Семейная близость, капитан, имеет большое значение, но готов с вами согласиться, иногда она выходит за рамки. Вообще-то это штука замечательная, но именно из-за нее такое и случается...

Слушать дальше, как я пытаюсь подыскать оправдание письму конгрессмена разом и в своих глазах, и в глазах Гарри-Легок-на-помине, капитан не захотел. Он снова приложил трубку к уху.

– Сэр? – сказал он. – Сэр, так вот, Маркс, он говорит, что евреи, они настырные. Говорит, мы уладим это дело здесь, в роте... Да, сэр... Непременно позвоню, сэр, как только смогу. – Он повесил трубку. – Сержант, где солдаты?

– На стрельбище.

Капитан прихлопнул подшлемник так, что он сполз на глаза, и вскочил.

– Поехали, – сказал он.

Он сел за руль, я – рядом. Весна стояла жаркая, у меня было такое ощущение, что мои подмышки под свеженакрахмаленной рабочей формой расплавятся и растекутся по бокам и груди. Дороги пересохли, и к тому времени, когда мы доехали до первого стрельбища, у меня, хоть я всю дорогу и не раскрывал рта, на зубах скрипела пыль. Капитан затормозил, велел мне вытряхиваться и отыскать Гроссбарта.

Гроссбарт, когда я его отыскал, лежал на животе – пулял по мишени с расстояния в сто пятьдесят метров. Позади него в ожидании своей очереди стояли Гальперн и Фишбейн. Фишбейн в казенных очечках с металлической оправой походил на старьевщика: похоже, он с дорогой душой толкнул бы и винтовку, и патронташ. Я постоял у ящиков с боеприпасами – ждал, когда Гроссбарт кончит палить по дальним мишеням. Фишбейн отступил назад – стал рядом со мной.

– Привет, сержант Маркс, – сказал он.

– Как поживаешь? – спросил я.

– Спасибо, отлично. Шелдон здорово стреляет.

– Что-то я этого не заметил.

– Я не так хорошо стреляю, но, похоже, начинаю соображать, что к чему. Знаете ли, сержант, не хотелось бы спрашивать чего не след... – Он запнулся. Ему явно хотелось поговорить со мной так, чтобы никто не слышал, но на стрельбище стоял грохот, и ему пришлось его перекрикивать.

– В чем дело? – спросил я.



Я видел, как в конце поля капитан Барретт, стоя в джипе, вглядывается в ряды стрелков: высматривает меня и Гроссбарта.

– Папа с мамой в каждом письме спрашивают – никак не отстанут, – куда нас отправят, – сказал Фишбейн. – Все говорят – на Тихий океан. Мне без разницы, вот только папа с мамой... Если бы я их успокоил, мне кажется, я мог бы побольше думать о стрельбе.

– Не знаю я куда, Фишбейн. А ты постарайся и так побольше думать о стрельбе.

– Шелдон говорит, вы могли бы узнать.

– Ничего я не могу, Фишбейн. А ты не дергайся и не допускай, чтобы Шелдон...

– Я и не дергаюсь, сержант. Вот только родители, они...

Гроссбарт уже отстрелялся и одной рукой отряхивал форму. Я окликнул его.

– Гроссбарт, тебя хочет видеть капитан.

Гроссбарт подошел к нам. Глаза его ехидно поблескивали.

– Приветик!

– Убери винтовку, так недолго и застрелить.

– Я не стал бы стрелять в вас, сержант, – он расплылся в улыбке и отвел винтовку.

– Ну тебя, Гроссбарт, это не шуточки! Следуй за мной.

Я пошел вперед, и у меня закралось подозрение, что за моей спиной Гроссбарт, вскинув винтовку на плечо, марширует так, словно он целое подразделение, пусть и в составе одного солдата.

– Рядовой Шелдон Гроссбарт явился по вашему приказанию, сэр.

– Вольно, Гроссман, – капитан сел, передвинулся на свободное сиденье, сделал Гроссбарту пальцем знак подойти поближе.

– Барт, сэр. Шелдон Гроссбарт. Эти фамилии часто путают, – Гроссбарт кивнул на меня: дал понять, что и мне случалось ошибиться. Я отвел глаза и увидел, что у стрельбища остановилась полевая кухня, из грузовика посыпались раздатчики, рукава у них были засучены. Они принялись расставлять котлы, сержант покрикивал на них.

– Гроссбарт, твоя мать написала конгрессмену, что тебя тут не кормят, как положено. Тебе это известно? – спросил капитан.

– Не мама, сэр, отец. Он написал Франкони, нашему представителю в конгрессе, что моя вера запрещает есть некоторые продукты.

– И какая же это вера?

– Иудаизм.

– Иудаизм, сэр.

– Извините, сэр. Иудаизм, сэр.

– Ты тем не менее выжил, как тебе это удалось? – спросил капитан. – Ты в армии уже месяц. И не похоже, чтобы ты валился с ног от голода.

– Я ем, сэр, а куда денешься? Но сержант Маркс подтвердит: я ем ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть, и ни крошки больше.

– Маркс, это так? – спросил Барретт.

– Мне не доводилось видеть, как Гроссбарт ест, – сказал я.

– Но вы же слышали, что говорил раввин, – сказал Гроссбарт. – Он объяснил, как надо поступать, и я так и делаю.

Капитан перевел взгляд на меня.

– Что скажете, Маркс?

– Сэр, должен сказать – я не знаю, что он ест и чего не ест.

Гроссбарт молящим жестом простер ко мне руки, и у меня промелькнула мысль – уж не собирается ли он отдать мне свою винтовку.

– Но, сержант...

– Послушай, Гроссбарт, капитан задал тебе вопрос, отвечай, – обрезал я его.

Барретт улыбнулся мне, но я не улыбнулся ему в ответ.

– Ладно, Гроссбарт, – сказал он. – Чего ты от нас хочешь? Документик получить? Чтоб из армии слинять?

– Нет, сэр. Только чтобы мне разрешили жить, как положено еврею. И остальным тоже.

– Каким еще остальным?

– Фишбейну, сэр, и Гальперну.

– Им тоже не по вкусу наша кормежка?

– Гальперна рвет, сэр, я сам видел.

– А я думал, это тебя рвет.

– Один раз вырвало, сэр. Я не знал, что та сосиска – свиная.

– Мы будем посылать тебе меню, Гроссбарт. Будем демонстрировать учебные фильмы о том, чем тебя будут кормить, чтобы ты знал наперед, когда мы собираемся тебя отравить.

Гроссбарт промолчал. Солдаты, выстроившись в две очереди, тянулись к раздатчикам. В хвосте одной из них я различил Фишбейна – вернее, его очки разглядели меня. Казалось, они подмигивают, пуская на меня зайчики. Рядом с Фишбейном стоял Гальперн, оттянув воротничок, он утирал пот защитного цвета платком. Они продвигались к раздатчикам вместе с очередью. Сержант продолжал покрикивать на раздатчиков. Я подумал: а что, если и сержанта втянут в обсуждение проблем Гроссбарта, и ужаснулся.

– Маркс, – сказал капитан, – вы ведь из евреев, верно я говорю?

Я подыграл ему.

– Так точно, сэр.

– Скажите этому парню, сколько времени вы в армии?

– Три года два месяца.

– Год на фронте, Гроссбарт, двенадцать месяцев – не шутка – в боях, прошел всю Европу. Я восхищаюсь этим парнем. – Капитан хлопнул меня по груди. – Ты когда-нибудь слышал, чтобы он качал права, требовал особой кормежки? Слышал или не слышал? Отвечай, Гроссбарт. Да или нет.

– Нет, сэр.

– А почему? Он же из евреев.

– Некоторые вещи для одних евреев более важны, чем для других.

Барретт взорвался.

– Послушай, Гроссбарт, Маркс – он хороший парень, герой, чтоб ему, вот так-то. Когда ты учился в старших классах, сержант Маркс убивал немцев. А теперь скажи, кто больше сделал для евреев – ты, который блюешь, стоит тебе съесть кусок, чтоб ей, сосиски, из отличного мяса между прочим, или Маркс, который поубивал кучу немецких мерзавцев. Будь я евреем, Гроссбарт, я бы ему ноги целовал. Он же, чтоб ему, герой, а ест что дают. И чего ради ты развел заваруху, вот, что я хотел бы узнать? Чего ради поднял тарарам – демобилизоваться хочешь?

– Нет, сэр.

– С тобой говорить – как об стенку горох! Сержант, уберите его с глаз долой! – Барретт переполз на водительское сиденье. – Я поговорю с капелланом. – Мотор взревел, джип, взметнув облако пыли, развернулся – капитан покати́л назад в лагерь.

Мы с Гроссбартом постояли бок о бок, провожая джип глазами. Потом Гроссбарт перевел взгляд на меня и сказал:

– Я не хочу разводить заваруху. Ведь они чуть что кричат, что мы – смутьяны.

И тут я увидел, что зубы у него ровные и белые, и до меня дошло: а ведь у Гроссбарта и впрямь есть родители, и они в свое время водили малыша Шелдона к зубному врачу. Он был их сыном. При всех его разговорах о родителях, трудно было представить себе Гроссбарта дитятей, преемником, – представить, что он кровно связан с кем бы то ни было: с матерью, с отцом, а со мной и подавно. Это открытие повлекло за собой другое.

– Чем занимается твой отец, Гроссбарт? – спросил я – мы с ним шли обратно на стрельбище, чтобы занять место в очереди.

– Он – портной.

– Американец?

– Теперь – да. У него же сын в армии, – сказал он не без иронии.

– А мать? – спросил я.

Он подмигнул.

– Балабустэ^[4]. Можно сказать, и во сне не выпускает пыльную тряпку из рук.

– Тоже иммигрантка?

– Она до сих пор не говорит по-английски, только на идише.

– А твой отец, он тоже не знает английский?

– Самую малость. «Почистить», «погладить», «сузить». Вот примерно и все. Но они любят меня.

– В таком случае, Гроссбарт, – я схватил его за руку, остановился. Он повернул голову, наши взгляды встретились, и мне показалось, что глаза его испуганно забегали. – Гроссбарт, это ты написал письмо, ведь так?

Но уже через две-три секунды его глаза снова заискрились весельем.

– Да. – Он не остановился, я старался не отстать от него. – Отец и сам бы так написал, если бы сумел. Но на письме стоит его имя. Он его подписал. Я послал письмо домой, чтобы на нем стоял нью-йоркский штемпель.

Я был ошеломлен, он это заметил. И на полном серьезе сунул правую руку мне под нос.

– Кровь есть кровь, сержант, – сказал он и ущипнул голубую жилку на запястье.

– Чего ты добиваешься, Гроссбарт? – спросил я. – Я видел, как ты ешь. Ты этого не знал? Я сказал капитану: я, мол, не знаю, что ты ешь, но я видел, как ты наворачиваешь в столовке.

– Работать придется много. Тренировки тяжелые. Если в печь не подбрасывать уголь, она греть не будет.

– Ты зачем написал, будто тебя рвет, что ни съешь?

– Так я не о себе, я о Мики написал. Я писал за Мики. Сам бы он, сержант, нипочем не написал – уж как я его просил. Он исчахнет, если ему не помочь. Я написал от своего имени – от имени отца, сержант, но я и о Мики, и о Фишбейне пекусь.

– Мессия, да и только, вот ты кто, верно я говорю?

Мы уже встали в очередь.



– Это вы тонко подметили, сержант, – он улыбнулся. – И все-таки, кто знает? Кто может сказать? Не исключено, что вы – Мессия, самую малость. Мики говорит, что Мессия – понятие коллективное. Мики, он учился в ешиве, пусть и недолго. Он говорит, что все вместе мы и есть Мессия. Малость я, малость вы. Послушали бы вы, сержант, этого пацаненка, когда он разойдется.

– Малость я, малость ты, – сказал я. – А ведь тебе, Гроссбарт, хотелось бы в это верить? Тогда ты, что ни натвори, выходил бы чистеньким.

– А что, сэр, не так уж и плохо в это верить. Ведь в таком случае от нас всех требуется давать, но давать понемногу, только и всего.

На этих словах я повернулся и ушел – разделить обед с другими сержантами.

Ἰ ἐὶ ἰ-αὶ ἐὰ ἡεῖαὶαὶ

¹¹ *Ἄδαοιῦ χεεῖ, ὀαδῖ, Ἄαο-ἰ Ἰ ἀδεῖ- ἰῖῖ οεῦοῖ ὑὰ αὶ ἀδεεαὶ ἡεεὰ ἐεῖ ἰαεὸ αδῖ, ααδῖε.*

¹² *«Ἰ ἀὸ ἰῖαῖαῖ ἰῖ Ἄ-αῖ ἰαοαὶ ο» (εἰαδὲ ο) - αεαῖα ααῖ αῦ ἰ ἰεεὸ αἰ*

¹³ *αεεῖ ὑ (εἰεε ο). ῤῖαῖῖ- αεεῖ αῖ ἰ-αε.*

¹⁴ *Ἄῖ ἰῖ ῥῖεεἰ (εἰεε ο).*

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ В СОЗДАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА

Владимир Стасов

Окончание. Начало в №10, 11, 2004

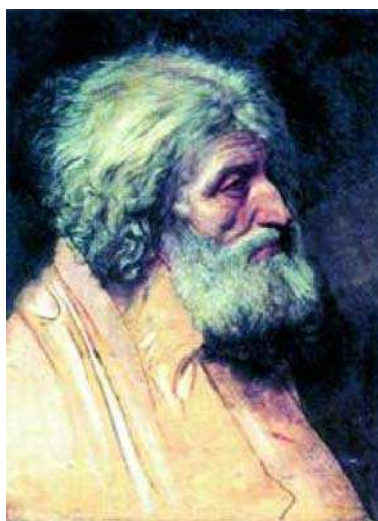


Αἰσαίη ἡ Εὐαίη «Βαίη ἐὰ Ὀδεῖν ἰ ἀναεῖα». Ὀδαῖ αἰ ὀ.

IV.

Представленные мной до сих пор примеры нового трактования еврейских сюжетов в живописи принадлежат только двум нациям: французской и немецкой. После них, оставляя в стороне итальянцев, англичан, испанцев, шведов и голландцев, которые не могут представить ничего примечательного в этом роде и даже в большинстве случаев остались при старых преданиях и идеальном, то есть еще безличном способе представления еврейской истории и еврейских личностей, мы должны теперь перейти к одной нации, художники которой не только не отстали в этом пункте от французов и немцев, но еще произвели много своего, совершенно самостоятельного и очень значительного. Я говорю про русских.

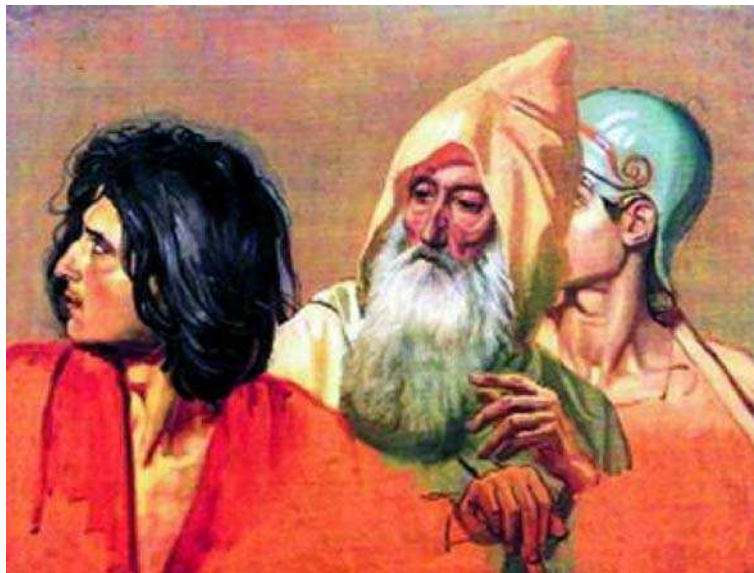
Еврейское население и еврейский элемент издавна играют в нашем отечестве такую существенную роль, что только при совершенном младенчестве или при глубочайшей спячке художественного инстинкта можно было бы не обратить на них самого серьезного внимания. У нас, где национальные черты еврейской внешности, костюма и жизни сгладились и обевропеились гораздо менее, чем где бы то ни было в Европе, следовало ожидать, что при первом пробуждении истинной художественной мысли выдвинется вперед изучение сильно характерного еврейского элемента и что это изучение даст материалы для воспроизведения как древних, так и новых евреев. Так и случилось. Уже с конца 30-х и начала 40-х годов начинается у нас ряд попыток представлять задачи Ветхого и Нового Завета с непременным присутствием еврейской внешности в типах и костюмах; но так как, несмотря на такую внешность, большинство русских картин этого рода было вначале все по-прежнему поверхностно и все-таки оставалось, в глубине, при прежней системе классической идеальности, фальши и полного невникания в историю, то мы не будем их и перечислять, а прямо перейдем к художнику, явившемуся с истинными, значительными заслугами перед искусством. Я говорю про Александра Иванова.



Αἰώνι� ἔπει τᾶ Ἀγίαῶ Νῶαδῶῶ Ὑῶβᾶ

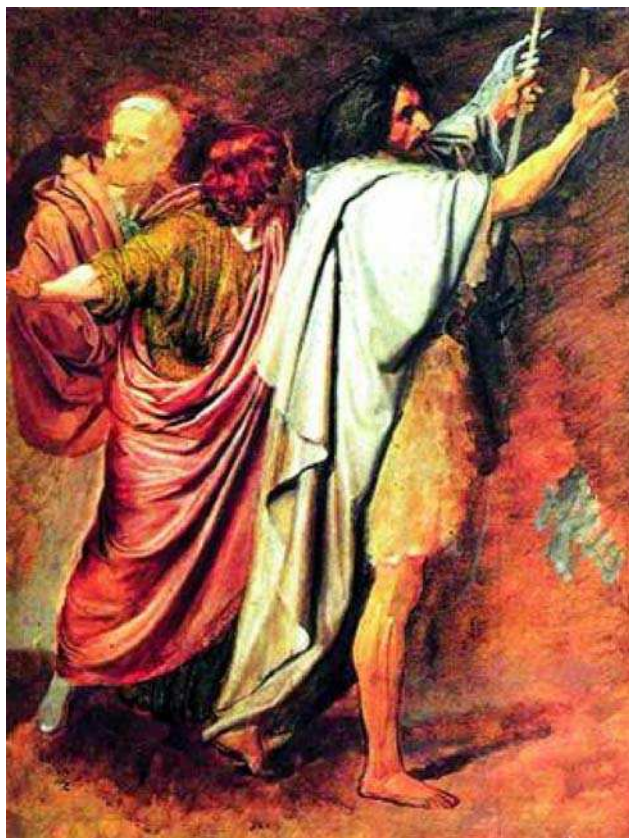
Этот художник всю жизнь свою посвятил одним сюжетам еврейским. В первой юности, приехав в Италию как пенсионер, он еще было помышлял об обыкновенных классично-академических сюжетах, но скоро оставил их решительно и навсегда и, обратившись к Ветхому и Новому Завету, после того уже ни до каких иных сюжетов никогда более не дотрагивался. Правда, вначале и тут он держался одно время рутинных преданий художественного классицизма, чему доказательством служит совершенно еще академическая картина его «Явление Христа Магдалине», но, уже начиная с 1837 года, он стал обращаться всею мыслью к истинным еврейским типам и назначил им самое видное место в задуманной им тогда большой картине «Явление в мир Мессии». В одном письме из Рима, от 10 мая 1837 года, он рассказывает, что для того, чтоб быть в состоянии приняться за эту картину, которой он посвятил все свои помыслы, весь талант, все существование, он намерен сделать наперед путешествие по Италии, изучить старых ее мастеров XIV–XV веков и, наконец, заехать в Ливорно, «чтобы заметить типы еврейских благородных голов, так как в Риме евреи в стесненном положении, и потому все достаточные живут в Ливорно... Представьте (говорит он в том же письме. – В.С.), в продолжение наблюдения целого года я мог заметить только три головы изрядные». С тех пор в продолжение прожитых им еще 20 лет он не переставал изучать не только еврейский тип, но и еврейскую историю, и еврейские древности, и это дало блестящие результаты для всей последующей его художественной деятельности. Наверяд ли можно указать европейского художника, который бы в такой степени усвоил все, сюда относящееся, который бы столько же, как Иванов, отыскивал и строго изучал бы все новейшие ученые издания с рисунками, касающиеся еврейства, Палестины и стран, которых история близко соприкасалась с Палестиной: то есть Ассирии, Вавилона, Финикии, Египта и т. д. В 1858 году, во время приезда Иванова в Россию, мне случилось вести с ним беседу обо всех новейших изданиях этого рода, и когда он просил все еще новых и новых, оказалось, что он проглотил все до тех пор изданное и сколько-нибудь значительное. Для русского художника, особливо прежнего времени, все это выходит чем-то совершенно необыкновенным. Еще никто из них не обращался с такой пламенной ревностью, с такой упорной настойчивостью к изучению своего сюжета во всех его подробностях. Ничего нет удивительного, если Доре, Каульбах или кто-нибудь иной из западноевропейских художников отнесется так к своей задаче и, раньше подробностей художественной техники, углубится со всей страстью, со всей любовью в изучение и в самое полное узнавание избранного исторического момента, избранного народа, избранной жизни. Но у нас, где художники навряд ли что-нибудь читают и знают (представьте себе в особенности 30-е, 40-е и 50-е годы), все подобное может считаться истинным чудом. Зато все создания Иванова, полные следов небывалого у нас изучения, выходят совершенным исключением из всего того, что до него было у нас сделано по части исторической живописи. Несмотря на такое значение большой картины Иванова, я не стану рассматривать ее здесь со всеми ее достоинствами и несовершенствами, так как по содержанию своему она имеет наибольшую важность лишь для истории христианства. Она представляет один из первых и важнейших моментов ее и направляет все свои силы на изображение того переворота, которым кончался Древний мир и начинался новый. Значит, картина эта не входит в задачу настоящей статьи. Но при всем том нельзя не заметить, что еще ни в одной из всех известных картин еврейский внешний тип и еврейская внутренняя натура не были изучены и переданы с такой глубиной и правдой и, что всего важнее, с таким поразительным реализмом. Нужды нет, что письмо Иванова в большинстве случаев жестко, сухо и каждого отталкивает небывалой неприятностью колорита, делающего картину похожей на выцветшие гобеленовские обои; нужды нет, что в самой концепции, плане и расположении картины многое можно порицать, в особенности барельефность ее; нужды нет, что многие драпировки отзываются рафаэлизмом и классической искусственностью. Несмотря на все эти и разные другие недостатки, картина Иванова представляет что-то и совершенно

необыкновенное, и истинно великое. Пока его блестящий и ветреный соперник Брюллов, вошедший у нас в моду и всеми носимый на руках, писал свои поверхностные иллюстрации во французско-итальянском вкусе, порхая с обеда на обед, с попойки на попойку, с одного великосветского праздного рассеяния на другое, Иванов, весь предавшийся своему делу и только о нем одном думавший, ушел далеко от шума и пиров и прикинул к одной своей задаче. Где так глубоко человек отдается делу, там, каковы бы ни были несовершенства и недостатки его натуры, никогда не обойдется без сильных и глубоких результатов в конце пути. И вот от этого картина Иванова «Явление Мессии», подле которой он прожил целых 20 лет с устремленными на нее постоянно очами и всеми помыслами, вышла произведением сильным и живучим. Целая масса глубоких душевных движений выразилась в лицах и позах этих старых и молодых евреев, этих мужей, полных думы, и юношей-красавцев; целая масса характеров, разнообразных и сильно очерченных, наполнила картину. И выше всех – этот Иоанн Креститель в своей короткой накидке из верблюжьей шерсти, с обнаженными руками и ногами, с поднимающимися в чудном величии волосами на голове, с грандиозным вдохновением в глазах; эта гениальная, величавая, горящая внутренним огнем личность древнего еврея, исполненного духом Б-жьем, могучего, стремительного, непреклонного и одетого чертами великолепнейшей, поразительной красоты. Наверное, еще никогда европейское искусство не создавало подобного типа пророка, и все, до того произведенные кистью высших мастеров, должны преклониться перед этим сыном грома, перед этим глашатаем воли Всевышнего. Много надо было провести лет в тихом уединении с самим собой, в беседе с совершеннейшими созданиями искусства, среди изучения и выбора лучших черт еврейской натуры, еврейского лица и еврейского энтузиазма, для того, чтобы создать подобное чудо искусства.



Ἀπαρτί ἀδ Ἐπί τῆ Ὑοπαύ ε ἐὰδοεῖ ἃ «Βᾶσί εἰ Ἰ ἀννῆ».

Только одну эту картину (кроме «Явления Христа Магдалине») знает до сих пор наша публика из всей деятельности Иванова. Но она того не знает, что, несмотря на многие капитальнейшие совершенства, тут заключенные, эта картина – все-таки не главное создание Иванова. Гораздо выше стоят те несколько сот рисунков, большого и малого формата, карандашом и сепией, которыми наполнены альбомы этого художника. Они все сделаны в последние 10 лет его жизни (1849–1858), большей частью по вечерам или вообще в такое время, когда внешние обстоятельства, недостаток денег и моделей или невозможность делать нужные поездки для пейзажных этюдов не позволяли ему заниматься большой его картиной, которую он не переставал считать главной целью жизни. Рисунки эти на сюжеты Ветхого и Нового Завета являются плодом обдумывания глубокой мысли, зрелого совершенства художественного и решительно должны почитаться высшим созданием Иванова, а вместе и одним из замечательнейших произведений европейского искусства. Поэтому-то нельзя не сожалеть от всей души, что, несмотря на все сделанные до сих пор попытки, эти альбомы остаются все еще не изданными в Риме. Когда-нибудь они составят славу и гордость нашей школы живописи.



Ανάστασις Ἐσθὶ τῆς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ἐκ τῆς ἄδου «Βασίλειά ἐστὶν ἡ ἀπὸ θανάτου».



Все в них оригинально и ново, начиная хоть с фигур ангелов, ничего уже не имеющих общего с обыкновенным классическим итальянским типом. Наш художник подумал в первый раз то, что раньше его должны были бы подумать сотни и тысячи его предшественников по искусству, – а именно: что явления сверхъестественные из истории такого древнего народа, как еврейский, должны быть представляемы не так, как они нынче являются нашему воображению, под влиянием нашего воспитания и школьной дрессировки с бесчисленными ее наслоениями и осадками, а как они должны были представляться прежним древним людям еврейского племени. Вот он и изобразил их с таким же древнеазиатским (немного ассирийским и финикийским) характером, с каким древнеазиатским, по возможности еврейским, характером явились у него и остальные личности его сцен. От этой своеобразности, от этой исторической и национальной верности – в соединении с невиданной оригинальностью сверхъестественного элемента и, наконец, с глубиной психологического выражения – получилось что-то такое новое, своеобразное, что отводит рисункам Иванова на сюжеты Ветхого и Нового Завета совершенно особенное место в ряду библейских иллюстраций; даже в сравнении с рисунками Доре. Этот последний берет верх над Ивановым чудными видами природы: они уже и сами по себе живописны, рисуют Палестину, Египет или Ассирию, но сверх того составляют всякий раз глубоко верную, глубоко настраивающую зрителя для данного сюжета рамку. Доре берет также над ним верх народными массами, сильно постигнутыми в их внешнем и внутреннем проявлении и сильно, картинно и поразительно воплощенными, – но зато уступает Иванову во всем остальном. У него нет ни способности, ни потребности этого последнего опускаться на самое дно души представленных лиц, схватывать разнообразие характеров, страстей – весь душевный мир, весь лиризм, которым дышат сцены Библии.



Ἰ ἀδὲ Αἰ οἰετέμπεε. «Αἰαε, αἰααβὺεε ἰεοεό α εἰεεό».

Рисунков Иванова нет покуда перед глазами моего читателя, поэтому было бы излишне стараться рассказывать, описывать их. Это тем более невозможно, что масса этих рисунков громадна. Но, отказываясь (в настоящую, по крайней мере, минуту) от такой задачи и, во всяком случае, оставляя в стороне сюжеты из Нового Завета, не идущие к назначению теперешней моей статьи, я укажу на одни рисунки ветхозаветные. Иванов преимущественно посвящал себя сценам Нового Завета: к их кроткому благодушию, к их нежной красоте направлены были все его симпатии, но все-таки и на темы ветхозаветные у него есть около сотни рисунков, и они принадлежат к числу крупнейших созданий живописи. Фигуры патриархов, праотцев полны необычайной грандиозности и национальной своеобразности, совершенно поразительной. Они дышат силой, глубокой мощью простоты и постоянно переносят на Древний Восток, в среду его нравов и жизненных привычек, в среду его верований и представлений и совершенно в этом не похожи на те ветхозаветные картины, какие нам до сих пор давали прежние художники, никогда не углублявшиеся со всей полнотой в свои задачи.



È. Däi'ei.

Û'õõõõõ Ì. Áíõíéíéíéíéíá.

Вот среди спящего стана кочевников глубокий старец Авраам в священном ужасе наклоняется, с протянутыми вперед руками, перед Саваофом, который говорит ему: «Всю эту страну, что ты видишь окрест, на север и на юг, на восток и на запад, тебе ее дам я и твоему потомству».

Вот еврейский древний земледелец: он оставил на вспахиваемой полосе все пары волов своих и, сложив руки, преклоняет длиннородую, совершенно лысую могучую голову свою перед каким-то пришельцем, стройным, повелительным старцем. Этот взял с плеч своих плащ и набрасывает его на голову пахаря. Группа обоих встретившихся – великолепна. Это Илия, посвящающий Елисея в пророки и набрасывающий на него в знак избрания свой верблюжий плащ.



Û'íééç íéõéíí òõõõ Ì. Áíõíéíéíéíéíá «Èíéáéçéõéý».

Вот сидит еврейский царь на троне, и позади, как заботливый советник, наклоняется над ухом его какой-то старец. Везде кругом на полу лари, драгоценности, золотые вазы, и целая толпа могучих воинов, рассеявшись по великолепной палате, наклонилась к этим драгоценностям, жадными руками шарит в сундуках, выбирает себе добычу. Эта сцена представила царя Давида в минуту высшей его славы и могущества; подле него советник его – пророк Нафан; люди вокруг них – это еврейские военачальники и воины, получающие награду за победы над осиленными и ограбленными врагами.

Вот древний пророк, величавый и строгий: его осенило б-жественное вдохновение, и около него стоящие люди со страхом и трепетом прислушиваются к его речи, а сам он пишет под священные звуки храмовой музыки.

Вот трагическая картина голода во время осады Иерусалима Титом, и главная фигура – это мать, изжарившая собственными руками собственное же дитя.

Вот Тит – тот самый, которого история прозвала «милосердным»; он здесь далек от своего титула, он не милосердный, он – зверский и холодный римлянин с железным сердцем, он равнодушным перстом распределяет пленных евреев для народных игр римских.



Ἰ ἀδὲ Αἰοῖεῖν ἑαῖ. «Νεοῖτε».

Вот величественная, полная света и торжества сцена в еврейском храме: на возвышении у жертвенника стоит первосвященник в великолепном азиатском своем одеянии и говорит к народу, наполнившему передний план; справа толпа левитов, играющих на трубах и псалтырях.

Таковы сцены из истории евреев, которые любил брат Иванов и которые он выполнял, хоть часто в одних только набросках, с удивительным поэтическим чувством, грандиозностью и красотой. Их много, но, несмотря на это, большинство их отличается лучшими качествами творчества, взращенного долгими годами постоянного вдумывания в Библию, постоянного вникания в еврейскую величавую летопись и в глубочайшие тайники духа человеческого. Рисунки Иванова к Библии – одна из лучших заслуг русского искусства перед общим европейским. И в то же время – одно из драгоценнейших созданий для каждого мыслящего, понимающего и чувствующего еврея.

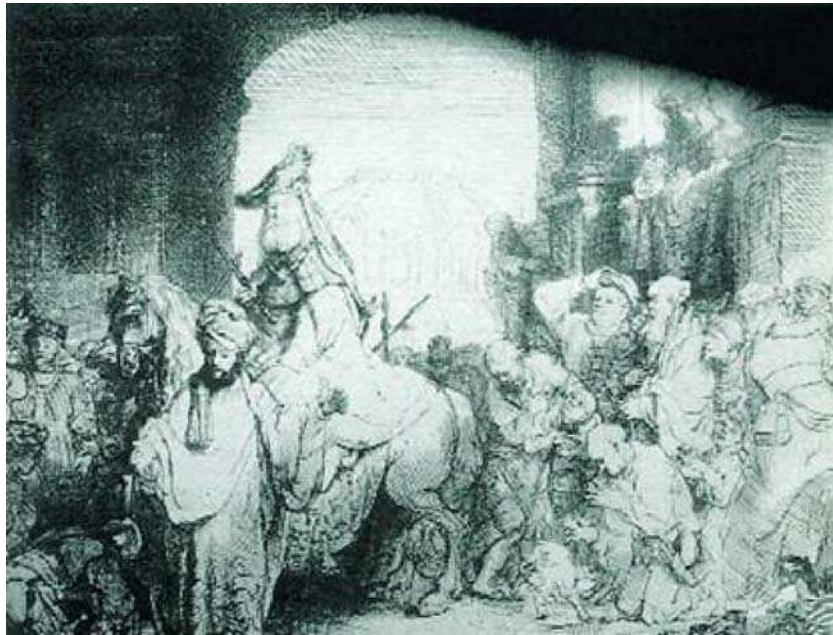


Где Аи Ореиуеэ «Niefca».

V.

Другой художник русской школы, у которого значительны заслуги по части изображения еврейского племени, – это Антокольский.

Этот художник, в короткое время воспитавший свой мужественный талант и овладевший общей симпатией, выдвигается на совершенно исключительное, на особенно почетное место между всеми товарищами своими по художеству: он является блистательным опровержением векового общеевропейского предрассудка, сотни раз повсюду высказанного, будто бы еврейское племя неспособно к образовательным искусствам. Уже давным-давно записано во всех эстетиках и историях искусства, что, несмотря на всю свою даровитость, на всю свою многоспособность, евреи никогда не дали миру ни живописцев, ни скульпторов и что сама натура их, самый характер и настроение, сложившиеся в течение долгих веков, приобрели такие свойства, которые противятся творчеству этого рода. Никто никогда не думает отнимать у евреев их способности к науке, медицине, музыке, актерскому искусству, промышленности, торговле, разным мелким ремесленным производствам, но никто в то же время никогда не согласен был признать за еврейским племенем точно такую же дозу талантливости в образовательном искусстве. Странен, дик этот исторический фатализм, наделяющий одни народы теми способностями, а другие – этими, точно будто бы человек не всегда и не повсюду человек, точно будто бы натура его не одна и та же от верха и до низу на всех ступенях и во всех поясах развития, точно будто бы недочеты ее, моральные или творческие, – что-нибудь иное, кроме следов неблагоприятных и случайных обстоятельств, лишь временно задерживающих гений человеческий в его росте и полете. Но все умники и резонеры, занесшие в свои кодексы и летописи художественную неспособность евреев, имели, на общий взгляд, полновесное свидетельство фактов на своей стороне: эти факты говорили, что еврейское племя никогда еще не давало миру не только значительных, но даже хотя бы посредственных скульпторов и живописцев. Тщетно было бы доказывать им, что раньше нашего времени, то есть раньше коренного повсеместного возвышения прав евреев наравне с остальными жителями Европы, мудрено было бы и ожидать проявления творческого дара евреев по части художества: какое художество мыслимо без свободы и человечески-достойного жизненного уровня? Тщетно было бы доказывать им, что и талантливые музыканты из среды евреев показались в европейском искусстве лишь очень недавно, в самое последнее время, и однако же раньше того было бы безумно и тупо лишать все еврейское племя музыкального таланта и художественного творчества. Все было бы напрасно, и долго бы еще продолжался прежний рутинный, всюду укоренившийся взгляд, долго бы еще евреи были бы высокомерно отталкиваемы от массы остальных народов и записаны в неспособны. Только одни факты, неопровержимые и крупные, могли разрушить старинные предрассудки.



Дай адай ао аай Даёл. «Одёл о Ё їддддд».

Первым таким фактом, неопровержимым и крупным, явился скульптор Антокольский. Он выступил сильным, могучим художником, и, без сомнения, следом за ним потянется целая вереница других талантливых художников-евреев, скульпторов и живописцев, опрокидывая ложные теории и внося новые элементы в европейское искусство.

Первые скульптурные попытки Антокольского, еще ученика и юноши, брали себе задачей тот самый еврейский мир, среди которого он родился и провел свое детство и отрочество. «Еврей-портной, вдевающий нитку в иголку» и «Еврей-скупой, считающий деньги» были оригинальны в высшей степени, потому что с необыкновенной простотой и искренностью, с необыкновенным чувством действительности передавали в виде маленьких скульптурных картинок сцены из ежедневной жизни нынешних евреев, столько знакомой Антокольскому, постоянно бывшей у него перед глазами. Тут было много наблюдательности, и тонкие черты характера, типа, костюма и остальной внешней обстановки были переданы с замечательным, своеобразным талантом.



Дай адай ао аай Даёл. «Оаддї Њаоё».

Но скоро потом мысль молодого художника стала крепнуть; он почувствовал потребность перейти от случайных, мелких явлений ежедневной жизни к явлениям более глубоким и значительным, и таким образом в его воображении сложились едва ли не одновременно две сцены: «Спор о Талмуде» и «Инквизиция». Обе принадлежат к числу оригинальнейших созданий, и притом в таком роде, который никем еще не был пробован в скульптуре.

К сожалению, композиция «Спор о Талмуде» никогда не была выполнена вполне, и из нее мы имеем только бюсты (небольшой величины) двух евреев, жарко спорящих. Лица их полны горячности, фанатизма, глаза обоих спорщиков горят огнем, вытянутые рты произносят сердитые речи, все мускулы на лице играют, только что не слышишь слов и голосов. Этакую ажитацию душевную, этакую жизнь, этакое воодушевление и стремительность, этакую наполненность своим предметом до самой последней ниточки, наверное, не скоро найдешь в наших скульптурных музеях, в любых самых препрославленных статуях. По первоначальному плану автора спорщики должны были заседать в горнице, за трапезным столом. Какая жалость, что руки их остались не выделанными, что мы не можем видеть, как они метались в воздухе, как они грозили или доказывали, как у них пальцы то сжимались, то быстро расправлялись и сверкали молниями.



Рембрандт ван Рейн. «Авраам и ангелы».

Но гораздо важнее этой сцены «Инквизиция». Здесь Антокольский не только создавал из еврейских живых типов и характеров замечательную сцену, но еще делал смелый, небывалый шаг, назначенный расширить пределы и рамки скульптуры. Молодому художнику с энергической, своеобразной мыслью показалось, что нечего скульптуре оставаться при прежних, закрепленных школой, понятиях и что она способна пойти еще куда дальше вперед. Он захотел придать скульптуре разнообразие планов и волшебство освещения, и для этого он совершил дерзость, которой не смел не только предпринять, но даже задумать ни один из прежних скульпторов. Он придал разную глубину своему барельефу: здесь он у него плосок, там сильно выпукл и уходит далеко вглубь. Но мало того – скульптор проделал в стене отверстие, через которое должен упасть сбоку свет на его сцену и осветить ее совершенно неравномерно: здесь будет полный свет, там, дальше, – полусвет, еще дальше – темнота, наконец, в иных местах полный, глубокий мрак. Эта новизна – эти смелые приемы, в соединении с могучим талантом в выполнении действующих на этой оригинальной сцене лиц, дали такие новые, невиданные результаты, что приходится признать «Инквизицию» Антокольского самым замечательным, самым самобытным и важным для будущего искусства созданием этого художника, даже в сравнении с таким великолепным, трагическим и полным правды и красоты созданием, как его «Иван Грозный».



Дай адай ао аай Дайі. «І ед Ааео ааада».

В этом глубоко поражающем меня скульптурном произведении Антокольский представил подземный подвал, куда евреи собрались для молитвы и трапезы, для празднования первого вечера праздника Пасхи. Своды исписаны еврейскими изречениями из Библии, все присутствующие сидят около длинного стола, нагруженного посудой, кушаньем, но тоже и книгами. И вдруг шум, раздались шаги по узкой лестнице, идущей винтом сбоку; все в ужасе вскочили, все в переполохе бросились в дверь, толкая и тесня друг друга. В общем смятении сдернута скатерть со стола, посуда и книги летят на пол, стулья опрокинуты; один только старец с головой и взглядом древнего пророка остался на своем месте: нет для него страхов, нет для него опасностей от нынешних врагов, и пока все товарищи его бегут и прячутся в малодушном ужасе, он один со спокойным, величавым достоинством ждет врагов, а эти враги – это сытый, жирный кардинал, один из верных слуг инквизиции, спускающийся по лестнице и окруженный толпой вооруженных воинов. Нечего ему торопиться – он всех накроет, он всех изловит, и вот, не ускоряя шага, холодно и самодовольно идет в мрачный подвал на радостную травлю.

Эта сцена, эти выражения, эти народные, племенные характеры и типы, эти разнообразные движения душевные, то высокие, то низкие, то великодушные и широкие, то дрянные и мелкие, образовали одну из капитальнейших страниц еврейской истории, переданную в совершенно новых формах искусством, в продолжение столетий трусливым и отсталым, а теперь в первый раз смелым и ступающим на новые пути.

Еврейское племя может гордиться вместе с остальной Европой таким художником и такими произведениями.



Дай адай ао аай Дайі. «Ааае а іеі аааа».

VI.

Мы до сих пор говорили об изображениях еврейского племени в картинах и скульптурах европейских художников. Во всех представленных здесь примерах еврейские личности служили лишь материалом для созданий художников, служили для того, чтобы их изобразили живописцы и скульпторы сообразно с требованиями их мысли, фантазии, вкуса и художественности. Из числа художников одни больше, другие меньше идеализировали этот первоначальный, сырой материал свой.

Но, кроме всего этого, есть еще целый ряд произведений, где еврейское племя и еврейские люди представлены без малейшей идеализации, без малейшего желания что-нибудь изменить или приукрасить и, напротив, с твердым намерением передать типы, лица, выражения, фигуры во всей их правде, во всей глубочайшей их реальности. Это – портреты евреев XVII века, написанные или награвированные Рембрандтом.

Рембрандт, этот гениальнейший из художников, которого Прудон так верно назвал «Лютером живописи», прожил весь свой век в Амстердаме, городе, в то время переполненном евреями и, можно сказать, почти полуеврейском. Судя по его произведениям, Рембрандт постоянно был в ближайших сношениях с ними. Еврейские типы ежеминутно встречаются в его картинах «Толкующий сны», его «Иаков, оплакивающий сына своего Иосифа», его «Слепой Товия», его «Мардохей и Амман», его Иосиф Аримафейский в «Положении Христа во гроб», его первосвященник, его Святой Симеон в «Принесении во храм» и т. д. – все это изумительно верно переданные еврейские типы, скопированные с еврейских современников Рембрандта. Но, кроме того, близость еврейского элемента Рембрандту, этому великому родоначальнику нового европейского искусства, засвидетельствована еще многими другими фактами.

Он сделал в 1655 году, то есть в лучшее свое время, несколько гравюр для сочинения на португальском языке одного ученого еврея, Манассея-бен-Израэля, под названием: «Piedra gloriosa o da la estatua de Nabucadnezar» («Преславный камень, или О статуе Навуходоносора»). Сочинение это (теперь необыкновенно редкое) написано для прославления еврейского народа и для доказательства, на основании слов пророка Даниила, что еврейский народ вечен, что слава его вовеки не пройдет и что ему одному уготовано судьбой верховное владычество над всем миром. Потом еще свою жену, какой она была в самый день свадьбы, Рембрандт изобразил в двух из числа великолепнейших своих гравюр в еврейском костюме, с распущенными волосами, с повязкой на голове и до того согласно с еврейской внешностью, что до самого последнего времени эти гравюры носили название «La mariée juive» («Еврейская новобрачная»).



Daí áðái ãò áái Daéí. «Ááðái è ááí ííí».

Но значительнее всего этого портреты разных евреев, живших в то время в Амстердаме, портреты, принадлежащие к числу самых высших созданий его кисти и граверного резца. Тут встречаются старики с важной и серьезной физиономией, с глубоким взглядом и сильно восточными чертами, в тюрбанах и меховых шапках, одетые в шелк и бархат, с морщинистыми руками, с широкими белыми бородами; встречаются зрелые мужи, раввины, менялы, меховщики, мелкие торговцы, женщины. Они

великолепны, как все совершеннейшие портреты Рембрандта, они полны жизни и типической красоты, но как ни высоки все эти изумительные создания, быть может, всего выше, необыкновеннее его Ефраим Бонус, иначе называемый «Juif a la rampe» («Еврей у лестницы»).

Ефраим Бонус, родом из Португалии, был один из лучших амстердамских врачей. Рембрандт представил его на портрете масляными красками и на гравюре – сходящим с лестницы и положившим руки на перила ее. У него на голове остроконечная шляпа с широкими полями, он одет в черное платье вандейковского покроя с белым отложным воротником и широкими манжетами, за плечо закинут небольшой плащ. Он шел и на секунду остановился, устремив глаза вперед, – он думает о больном, которого только что оставил, он думает о его болезни; он соображает, его мысль работает и светится в чудесных, глубоких глазах. Этот взгляд, этот тип, эта талантливость, эта дума – все это одно из непостижимейших чудес европейского искусства. Тут апофеоз великого художника и с ним вместе – переданный грядущим векам тип одного из лучших представителей великого, даровитого племени.

Таким по внешности, но еще более значительным, еще более глубоким мог бы представить Рембрандт одного еврея, своего современника. Баруха Спинозу, тоже жившего тогда в Голландии, и даже недалеко от великого «Лютера живописи». Точно так же ходил и одевался Спиноза, как этот Ефраим Бонус, точно так же был прост и серьезен, красив и углублен в свою думу. Но он еще был едва юноша, когда Рембрандт достиг полной зрелости, а когда сам достиг своей зрелости и полного развития, Рембрандт был бы уже глубокий старик и умер, никогда не видавши его.

Что это была бы за великолепная задача, этот гениальный еврей, – для кисти и резца великого, бессмертного голландца! В передаче именно этого последнего должны были бы остаться на вечные времена, всему потомству черты глубочайшего из мыслителей Израильского племени.

Ναί δ' ἔε «Ἀσπείρεῖ ἀέεε ἰὸ ἀέε»,

1873 ἄᾶ

«ПИУ-ПИУ» ВСЕМ АРАБАМ

Яков Шехтер

Ὀὐκ ἴσθι Ὀὐκ ἴσθι

Родители четырехлетнего Шмулика уехали на работу и задержались. Вечером его взяла к себе соседка, а на следующий день приехала бабушка. Бабушка жила в Бней-Браке и приезжала к Шмулику редко; ведь дом его родителей стоял на склоне горы, и бабушке было тяжело карабкаться вверх и вниз по крутым дорожкам поселения. Бабушку Шмулик очень любил, но папу с мамой больше.

– Ну когда, когда они вернутся? – спрашивал он в сотый раз, и бабушка терпеливо объясняла, что папа с мамой хотят купить Шмулику заводную собачку, которую он давно просит, а для этого нужно заработать много денежек, вот они и задерживаются, пока не заработают.

Собачку Шмулик видел в Тель-Авиве в огромном магазине игрушек. Она была в точности как настоящая: виляла хвостом, ходила, неуклюже переваливаясь на мохнатых лапах, и слегка рычала, когда ее чесали за ушами. Шмулик не мог от нее оторваться и даже упал на пол, заливаясь слезами, когда папа сказал, что пора уходить.

Собачку он, конечно же, очень хотел, но папу с мамой все-таки больше. Бабушка гладила его по голове и упрашивала потерпеть. Папа с мамой приедут, привезут собачку, и все будет как раньше. При этом она почему-то плакала, правда стараясь делать это так, чтобы Шмулик не заметил, но он все равно замечал и спрашивал бабушку: почему ты плачешь?



– Я тоже очень хочу такую собачку, – отвечала бабушка, быстро отирая слезы бумажным платком.

– Так пойди и купи, – удивлялся Шмулик. – Ты ведь взрослая и можешь покупать то, что хочешь, без всякого разрешения.

– У меня нет денежек, – говорила бабушка. – Вот если папа с мамой привезут, у нас будет одна собачка на двоих. Ты ведь хочешь, чтобы у нас все было на двоих, общее.

– Хочу, конечно, – отвечал Шмулик, плохо понимая, для чего бабушке игрушечная собачка. А плакала она, наверное, из-за того, что папа с мамой задерживаются на работе. Шмулик тоже плакал, но немного и когда никто не видел. Ведь через год он должен пойти в школу, а плаксам там приходится плохо. Так папа говорит.

Воспитательница в садике, Хана, теперь относилась к Шмулику с особым вниманием, стала сажать его возле себя и назначать ведущим в играх. Шимон, вечный соперник Шмулика, обижался и крутил носом, но как воспитательница сказала, так тому и быть. Наверное, Хана тоже знала, что родители задерживаются, иначе бы не отводила Шмулика домой, ведь бабушке тяжело добираться до садика, расположенного на самой вершине горы.

Бабушка целыми днями сидела дома на низенькой скамейке и беспрестанно разговаривала со своими знакомыми. Их у нее оказалась страшная уйма, они приходили и приходили и о чем-то тихо беседовали с бабушкой, а Шмулику дарили игрушки и шоколадки. За несколько дней вся его комната наполнилась плюшевыми зверями, хоть игрушечный зоопарк открывай. Только собачку никто не приносил, наверное, она действительно стоила много денег, или знакомые бабушки знали, что папа и мама задерживаются из-за собачки и специально не дарили ее Шмулику.

Мама не разрешала кушать больше одной шоколадки в день, а бабушка не обращала внимания, ешь сколько влезет. Шмулик поначалу объедался так, что во рту становилось сухо и горько, а потом успокоился и больше трех штук зараз не ел, растягивал удовольствие.

В один из дней Шимон отвел Шмулика в сторону и сказал:

– Поклянись, что никому не расскажешь. Я вчера такое слышал...

Шмулик тут же поклялся.

Шимон оглянулся по сторонам и, приблизив свои губы к самому уху Шмулика, зашептал:

– Вчера, когда все решили, будто я заснул, родители стали говорить о твоих. Папа сказал, будто они не на работе задерживаются, а их арабы убили.

– Как убили? – оторопел Шмулик. – Бабушка говорит, что они денежки на заводную собачку зарабатывают.

– То твоя бабушка, а это мой папа. Арабы, говорит, у дороги запрятались и сделали им «пиу-пиу». Как маме Иланы.

Мама Иланы уже давно не приходила забирать ее из садика. Шмулик об этом не задумывался, а сама Илана ничего не рассказывала, и вдруг слова Шимона, шурша, словно занавес в кукольном театре, раскрыли перед ним совсем другую жизнь. Шелковое шуршание коснулось какой-то горячей точки в животе, и Шмулик, заливаясь слезами, побежал к воспитательнице.

– Приснилось ему все, – успокаивала его Хана, сердито поглядывая на стоящего невдалеке Шимона. – Он только думал, будто не спит, а на самом деле заснул.

Шмулик дал себя уговорить, шмыгая носом, сжевал две шоколадные вафли и подошел к Шимону.

– А ведь ты поклялся, что никому не расскажешь, – упрекнул его Шимон.

– А зачем ты врал? – ответил Шмулик. – Вот и Хана говорит, что они на работе.

– Мой папа не врёт. Это твоя бабушка и Хана врёт.

– А вот и нет. Твой папа врёт, и ты врешь. Врете, врете, врете!

Шмулик готов был снова заплакать, но тут Хана собрала всех детей, выстроила гуськом и повела играть в «городок».

«Городком» назывались лесенки, башни, переходы, переползы, качели и карусели, построенные на самой верхушке горы. С последней площадки главной башенки были хорошо видны

соседние арабские деревни, покрытые синей дымкой горы Шомрона, а в хорошую погоду и высотные дома Тель-Авива.

Шимон снова подошел к Шмулику и, словно извиняясь, предложил:

– Полезли на горку, будем арабам пиу-пиу делать.

Он вытащил из кармана большой черный пистолет, из которого стреляют в Пурим, при чтении «Мегилас Эстер».

– Это не просто «пиу», – добавил Шимон, понижая голос. – Мне его брат из Хеврона привез. Этот «пиу» пролежал ночь в пещере патриархов и стал волшебным.

– Как это, волшебным? – заинтересовался Шмулик и протянул руку, чтобы потрогать «пиу», но Шимон быстро отдернул ее и спрятал за спину.

– Чур, я первый!

– Хорошо, – согласился Шмулик. – Но я второй!

В одной из башенок были проделаны бойницы, совсем как в настоящей крепости, Шимон просунул в нее руку с пистолетом, навел в сторону арабской деревни, тщательно прицелился и несколько раз нажал курок, приговаривая: пиу-пиу-пиу!

Ничего не произошло, только испуганные голуби вспорхнули с крыши башенки.

– Пистоны вложи, – посоветовал Шмулик.

– Волшебному «пиу» пистоны не нужны, – ответил Шимон, продолжая нажимать курок. – Пиу-пиу-пиу-пиу!

Пистолет негромко щелкал, голуби сердито ухали на соседней башенке.

– Теперь я, – сказал Шмулик, протягивая руку.

– Сейчас, сейчас, – Шимон нажимал курок еще и еще.

– Давай, давай уже.

Шимон с явным сожалением вытащил руку из бойницы и протянул пистолет Шмулику.

– На, только целясь хорошенько.

Шмулик целился изо всех сил, от волнения высунув язык и поворачивая его вместе со стволом. Совместив мушку с большим домом в арабской деревне, он нажал курок.

– Пиу!

Спустя секунду над домом поднялся султан черного дыма, и вибрирующий раскат взрыва прокатился через башенку.

– Получилось! – Шимон от восторга подпрыгнул. – Я же говорил, что он волшебный!

– Дети, дети! – раздался внизу голос Ханы. – Немедленно спускайтесь.

Пока они сбегали по ступенькам, над их головами с тяжелым клекотом пронесся вертолет. Хана снова построила всех гуськом и быстрым шагом направилась к зданию садика. Усадив всю группу в зале, она раздала картинки с буквами и назначила Шмулика старшим.

– Каждый должен прочесть букву на картинке и назвать трех зверей, которые начинаются на эту букву. Если будете себя хорошо вести, я отведу вас играть в подвал.

– Вау! – дружно завопила группа. Самые лучшие игры хранились в подвальной комнате, а каждое посещение начиналось и заканчивалось шоколадкой.

Хана принялась что-то выяснять по телефону, а Шмулик, преисполненный ответственности, изо всех сил следил за порядком. Но, наверное, они все-таки немножко шумели, потому что Хана, вернувшись, не повела их в подвал.

Конечно, Шмулик прекрасно знал, почему всех так срочно увели с площадки для игр. У них в доме тоже был подвал, и каждый раз, когда арабы из соседней деревни делали «пиу-пиу» по их поселению, мама вместе со Шмуликом спускалась вниз, а папа брал свое ружье и уходил из дому. Наверное, Хана испугалась, что жильцы разрушенного Шмуликом дома обозлятся и начнут отвечать.

– Завтра опять постреляем, – пообещал Шимон, когда мама забирала его домой.

Следующего дня Шмулик ждал с нетерпением и даже не плакал перед сном. Закрыв глаза, он представлял арабскую деревню и, перебирая дома, никак не мог остановиться на лучшей цели.

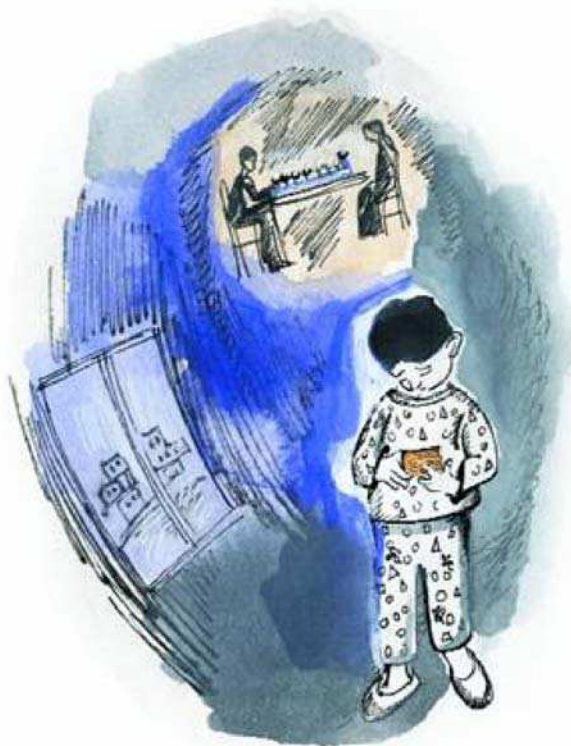
Но «пиу» у Шимона не оказалось.

– Отец забрал, – пояснил Шимон. – Он сказал, что такое серьезное оружие нельзя давать детям.

Шмулик подумал немного и согласился.

Через два дня наступила Ханука, садик закрыли на каникулы, и у Шмулика началась интересная жизнь. Каждое утро бабушка отводила его к одному из детей группы, а забирала только вечером, после зажжения праздничных свечей. Без строгой воспитательницы Ханы день пролетал незаметно, переполненный играми, мультиками и нескончаемым поеданием сладких ханукальных пончиков.

Грустно становилось только вечером, когда вместо папы сказку читала бабушка, и она же целовала вместо мамы. Перед тем как заснуть, Шмулик тихонько плакал, слезы приносили облегчение, он засовывал в рот большой палец и, причмокивая, засыпал.



На восьмой день Хануки бабушка забрала его пораньше, дома их ожидал стол, покрытый белой скатертью, большое блюдо пончиков и менора с огромными свечками.

– Сегодня день рождения мамы, – сказала бабушка, – и мы должны его отметить.

Шмулик сразу вспомнил, что на восьмую свечку к ним всегда съезжалось много гостей, было шумно, взрослые пели песни, смеялись, дарили ему игрушки и шоколадные монеты, очень походившие на настоящие золотые динары.

Свечи горели долго-долго, бабушка читала вслух книжку о подвигах Маккавеев, и Шмулик незаметно для себя самого заснул.

Проснулся он в своей постели. Дверь в салон была открыта, и он мог видеть, как догорали свечи. Папа и мама сидели на стульях возле его кроватки. Шмулик хотел вскочить и обнять маму, но от сна его тело словно застыло и перестало слушаться.

Тогда он заплакал, навзрыд, захлебываясь. Обычно, когда он так плакал, мама брала его на руки и, прижимая к себе, начинала чуть-чуть раскачиваться, словно баюкая. Он думал, что и сейчас она поступит так же, но мама не двигалась, только смотрела на него улыбаясь.

– Мама, мамочка, – голос тоже не повиновался Шмулику, и он еле слышно шептал, пробиваясь сквозь рыдания. – Я уже не хочу собачку, возвращайся, возвращайся скорее.

– Мы не можем вернуться, сынок, – сказал папа, едва заметно шевеля губами. – Мы подождем, когда ты придешь к нам.

– Тогда я разбужу бабушку, – предложил Шмулик, – и мы с самого утра поедем.

– Это невозможно, – покачала головой мама. – Ты попадешь сюда, когда придет время. Но это случится еще нескоро.

– А когда, когда же это случится?

– Через много, много лет.

«Шимон не врал, – вдруг понял Шмулик, – это бабушка и Хана обманывают меня».

– Арабы вам сделали «пиу-пиу», да, папа? – произнес он, обращаясь к отцу.

– Да, сынок.

– Тогда я возьму у Шимона волшебный пистолет и сделаю «пиу-пиу» всем арабам! Я буду стрелять целый день, пока ни одного не останется, ни одного, ни одного, ни одного...

Он снова заплакал. У него заболело что-то внутри, слева, впервые в жизни, словно кто-то вонзил туда иголку и медленно поворачивал, надавливая сильнее и сильнее.

Из салона донесся треск, свечи догорали и гасли одна за другой, точно повинаясь приказу, и в их меркнушем, плывущем свете фигуры родителей таяли и оплывали, подобно свечам.

– Не надо ни в кого стрелять, – сказал папа. – Видишь на столе книгу?

– Вижу, – ответил Шмулик, переводя взгляд на толстенный том в черном, тисненном золотом переплете. Мама всегда листала его в субботу, пока папа молился в синагоге.

– Учи эту книгу. Вместо «пиу-пиу».

– Но я же не умею читать!

– Научись, – предложила мама. – Завтра с утра попроси бабушку. Обещай мне.

– Обещаю, – прошептал Шмулик. – Завтра попрошу. С самого утра, обещаю, завтра, с самого утра...

МОЙ МУДРЫЙ ДРУГ

Ελλάδι Οάδιοάηέέ



Летом 1945 года на главной аллее гулаговского подразделения в подмосковном Бескудникове увидел я не совсем обычного человека. От производственной зоны до карцера (который по-лагерному «кондей»), по магистральному нашему проспекту Кондейштрассе, шествовал человек, стараясь поставить ногу туда, где тускло, как впаянные, поблескивали камешки, – так переходят вброд бурные горные реки.

– Кто это? – спросил я.

– Гехт, писатель, – ответил кто-то, кто знал его по этапу.

Новоприбывший писатель оказался моим соседом. Барак наш исключительно политический (сплошь 58-я), и мы познакомились. Меня, 19-летнего стихотворца, свела гулаговская судьба с настоящим прозаиком.

Сначала, как и других новичков, гоняли Гехта на тяжелые «общие работы». Потом грамотные инженеры, насельники политического барака, пристроили его нормировщиком или плановиком.

На пластмассу. В цех, что выпускал миски для баланды и каши.

Из той посуды, «из наших рук», кормились все тюрьмы и лагеря могучей страны. Но, конечно, долгие неторопливые беседы почти не касались производственных вопросов – на сколько процентов перекрывается мисочный, месячный план...

В эпоху «позднего Реабилитанса», как новогодний подарок (01.01.62), напечатали в «Литгазете» древнюю заметку Исаака Эммануиловича Бабеля:

«Вот семь молодых одесситов. Они читают колониальные романы по вечерам, а днем служат в самом скучном из губстатбюро. У них нет ни визы, ни английских фунтов. Поэтому Гехт пишет об уездном Можайске, как о стране, открытой им и не изведанной никем другим, а Славин повествует о Балте, как Расин о Карфагене...

Третий одессит – Ильф. Люди, по Ильфу, – замысловатые актеры, подряд гениальные.

Потом Багрицкий, плотояднейший из фламандцев. Он пахнет, как скумбрия, только что изжаренная моей матерью, и полон пурпурной влаги, как арбуз, который когда-то в юности мы разбивали с ним о тумбы в практической гавани...»

А мы с Гехтом лежали на нарах...

Бабеля уже расстреляли. Ильф умер. Багрицкий ушел раньше, в тридцать четвертом...

Семен Григорьевич помнил их еще по Одессе. Встречался с Катаевым, Олешей, Паустовским, Петровым... Любимый мной Николай Асеев, соратник Маяковского, приходился ему свяжком – они женаты на сестрах, – и Гехт жил на Мясницкой, в бывшей квартире Асеева...

Вдвое старше по возрасту, человек высоких духовных достоинств, он стал для меня учителем и учебником – учебником жизни и литературы.

С месяц назад, в прошлом мае, окончилась тяжелая многолетняя война. Отпраздновали Победу. И в лагерном воздухе носились слухи о близкой амнистии...

Теплым июньским вечером, на лавочке подле барака, Семен Григорьевич покачивал головой:

– Амнистия? Вряд ли... ГУЛАГ – основа нынешней экономики. Благополучие всей системы зависит от нас... Да и власть отличается необыкновенной злопамятностью: прощать и миловать не склонна.

В первых числах июля того же победного 1945 года стояли мы вдоль Кондейштрассе, на утренней проверке, а из распахнутого барака гремел по радио долгожданный Указ. Освобождались дезертиры, прогульщики, многие бытовики, уголовники... О нас, политических, – ни гу-гу.

И лагеря стали заполняться по новой: бывшими военнопленными, оstarбайтерами...

Гехт умолкал посреди разговора, задумываясь, глаза смотрели куда-то вглубь.

– Мдаа... – неопределенно произносил он, блуждая мыслью далеко от лагеря и барака, от всего, что нас окружало...

Бескудниково – предместье столицы (теперь в черте города), и к заключенным-москвичам приезжали родственники с передачами. Иной раз удавалось и свидания получить...

Семена Григорьевича регулярно навещала жена, привозила продукты и книги, свежие литературные журналы. Ими снабжал Гехта замечательный писатель и большой друг Василий Гроссман. Мы, в бараке, следили за новинками!

Случалось, Семен Григорьевич уходил в воспоминания, развертывая живые картины 20-х годов, когда он и его друзья «покоряли» Москву:

– На всю нашу одесскую компанию было одно хорошее пальто – кожаное... Эдуарда Багрицкого... Чтобы в приличном виде явиться в редакцию, мы по очереди облачались в это шикарное представительное одеяние... Свою единственную рубашку я каждое утро полоскал в речке...

Лежа за баней, на жалкой травяной лужайке, Гехт удивлялся карательным несообразностям:

– Заболоцкий арестован как член антисоветской организации во главе с поэтом Николаем Тихоновым. Дали восемь лет, отправили в лагерь... А «главарь» Тихонов не сидел ни минуты, стал лауреатом Сталинской премии, секретарем Союза писателей, главным редактором журнала...

В чем обвиняли его самого, Семен Григорьевич не сказал. Предарестная возня началась в 1944 году, когда он и писатель Сергей Бондарин вернулись из командировки в освобожденную Одессу. Посетили места общей своей молодости – обезлюдевшие родные кварталы...

О внутренних еврейских проблемах, сколько помнится, не говорили. Острее всего была память о гитлеровских бесчинствах. Гроссман и Эренбург готовили «Черную книгу». Действовал Еврейский антифашистский комитет. И в лагерной администрации нередко попадались евреи – не из лучших.

В нашем бараке сошлись люди, как-то причастные к искусству и литературе: бывший правдинский журналист Николай Николаевич Кружков, философ Павел Георгиевич Абрамовский и два молодых человека, о которых речь впереди... Все, кроме меня, москвичи. С домашними передачами...

Продукты складывались в общий котел. Мы садились вокруг тумбочки. На плите, вделанной в печь-«голландку», жарилась картошка... Помидоры, огурцы, зеленый лук, а в центре пиришественной пирамиды – принадлежащий Гехту алюминиевый бидон. Наполняли его кипятком из казенного «титана», засыпали заварку, и по нашим металлическим кружкам разливался напиток необычайного аромата...

Эти чаепития стали ритуальными. За картошкой и зеленой закуской шли долгие разговоры. Литературно-газетные события, спектакли и концерты, друзья и подруги...

Я, обделенный домашними передачами, бегал за кипятком, равноправно участвуя в трапезах и беседах... Был молод, резвился, как мог, ухаживал за обитательницами женской зоны, и Гехт с грустной улыбкой сказал:

– Вы человек трагической судьбы, а ведете себя так легкомысленно.

Я засмеялся... Но вскоре трагическая судьба напомнила о себе.

Были среди «чаевников» два молодых человека: архитектор Сергей Попов и пианист Владимир Клемпнер. Оба – 58-я, пункт 10: «антисоветская агитация». Пять лет – за ненароком оброненное слово или за анекдот. Соседи по нарам, они и в лагере о чем-то шушукались меж собой...

А начальство не дремлет! Наш «кум» (оперуполномоченный) капитан Буянов, с вечно угрюмым лицом и низко надвинутым козырьком (чтоб не заглядывали в глаза), строго по инструкции «навешивал вторые срока», разоблачая крамолу посредством осведомителей.

Барачные стукачи, как правило, дневальные – «придурки». Дни и ночи – в бараке. Следят за порядком, подслушивают... Политическим такая работа не доверялась: назначались на столь важную должность уголовные... И по сей день помню того, чья доносительская служба сыграла печальную роль в судьбе Попова и Клемпнера, а в конечном счете – и Гехта... да не стану его называть.

Так вот, этот дневальный уловил тихий архитектурно-музыкальный шепоток, а оперуполномоченный состряпал «дело». Требовались «свидетели», и по вечерам таскали на вахту (мы говорили «выдергивали») обитателей нашего барака.

Однажды вызвали Гехта. Ни мне, ни кому бы то ни было не объяснил он (подписка о неразглашении), с какой целью. Только глухо обмолвился: я, мол, не «ловец человеков». И лицо, всегда грустное, с еврейскою «мировой скорбью», стало мрачней обычного... Тогда-то некий барачный остролов и «расшифровал» его фамилию: ГЕХТ, дескать, – аббревиатура, как ГАБТ или МХАТ, – Грустный Еврейский Художественный Текст...



***Ἰ ἀποῖιτῆρααί εἰ Ἀπριλίῃ ἐστῆρατῆρᾷ ἐαῖαδῷ (ἰὸ ἀαῖυῖ ἡέ ἐαῖαδῷ ἡέ ἰοῖ ἐὸ Οἰ δαῖεαῖ εὔῖ ἰ ἀὸ ἀδεαῖυῖ ἰ-
ὀ ἀῖι εἰ-ἀπῆῖρᾷ ἢ ἀαῖεαῖ εὔῖ Ἰ ΕἶἈ Ἰῖῖῖῖ).***

Ясным апрельским днем сорок шестого года Попова и Клемпнера увезли в Москву, заново судили, вдвое увеличивши срок. В наш лагерь больше они не вернулись.

Зачастили «дальние этапы». Нас «выдергивали» по каким-то спискам, собирали человек 30–40 и отправляли в пересыльную пресненскую тюрьму. Оттуда, как в песне:

Этап на север, срока огромные...

В заполярные лагеря – на шахты, рудники, лесоповал...

Вызвали и Гехта, раз не хотел сотрудничать со следственными органами. Он попрощался, взял чемоданчик и, как обычно, наступая на дорожные камешки, пошел к воротам по Кондейштрассе.

Я побежал следом. Но не сразу (нас выгоняли на работу), а в обеденный перерыв. Увидел Гехта в грузовике – бледного и спокойного... Я не выдержал и заплакал. Семен Григорьевич строго сказал из кузова:

– Перестаньте! Будьте мужчиной!

Конвой уселся на борт. Машина тронулась...

Через какое-то время получаю письмо. Обратный адрес: Коми АССР, поселок Вожаель, – и далее лагерные шифры. Гехт очутился на лесозаготовках и мало-помалу приспособивался...

Где, думаю, тот Вожаель?

Но что другое, а карты да атласы – не про нас, заключенных: еще маршрут побега проложим!.. Ну да что там! Мы диалектику учили не по Гегелю. А географию и подавно постигали в натуре. Спустия полтора года меня тоже увезли в Коми. Гораздо дальше и много севернее. Не в лесной Вожаель, а напрямиком в тундру!

Освободившись в пятьдесят четвертом, появляюсь в Москве. Иду к Гехту. По древнему, вызубренному мной адресу: Кирова, 21.

Дом знаменитый. Против нынешней биржи (Главпочтамта). Один из корпусов бывшего Училища живописи, ваяния и зодчества.

Поблизости жил Николай Асеев. Еще не минуло полувека, а долгожитель Катаев (1897–1986) запечатлел ту квартиру в «Алмазном венце»... И Семен Григорьевич Гехт – как сказано, свояк Асеева – отворил дверь. Провел меня в комнату, усадил на диван...

Выйдя из лагеря при Сталине, в пятьдесят первом, он воротился домой. Но, как Пушкину – север, ему противопоказана Москва. Пожалуйте на 101-й километр!

С трудом прописался в Калуге, устроился на работу. Сторожем в городском парке.

Время от времени тайно навещался домой... Запреты со смертью вождя ослабли, и Гехт почти легально поселился у себя самого. Я же вернулся в Горький, поступил в университет, и переписка наша возобновилась.

Осенью пятьдесят пятого пришла открытка, густо исписанная бисерным почерком. Гехт подал заявление на реабилитацию – и получил ее! По его совету я обратился в прокуратуру и через несколько месяцев был чист перед законом и государством. Обнаружилось даже, что оно, государство, у нас, репрессированных, в долгу.

Семена Григорьевича восстановили в Союзе писателей. Вскоре вышли его рассказы, навеянные северными впечатлениями, – «Будка Соловья». Затем еще две книги – «В гостях у молодежи» и «Долги сердца».



Γεία εἰσδοῦδι, ἀἰά αἰεῖ ἰεῖσὸ αἰεῖ Ν.Α. Αἰῶσ (Ἰ ὑπὲρ αἰεῖ, 21/8, πὸ δῖαί εἰ 5) αἰ ἰαῖεβ-αἰ εῖ ἰ εἰσδοῦδι ε ἰ ἰεῖα ἰαῖεβ-αἰ εῖ.

Разворачивалась хрущевская оттепель. Гехт осторожно относился к переменам:

– Я фаталист, – говорил он. – Кто знает, что нас ждет. Может быть, полный мрак... Много накипи, черной накипи...

Казалось, главное в его жизни – поиски и собирание осколков, обломков своего поколения, жестоко вырубленного XX веком. Много ездил по стране, чаще – автобусом. Присматривался к спутникам, вслушивался в разговоры. Минск, Одесса, целина... В шестьдесят первом мы столкнулись вдруг на вокзале в Киеве...

Через два года Семена Григорьевича не стало. Было ему 60.



Есть люди – читаю у Паустовского («Книга скитаний»), – есть люди, без которых невозможно представить себе настоящую литературную жизнь... люди, которые независимо от того, много или мало написали, являются писателями по самой сути, по составу крови, по огромной заинтересованности окружающим, по общительности, по образности мысли. У таких людей жизнь связана с писательской работой непрерывно и навсегда. Таким человеком и писателем был Гехт.

Я познакомился с ним в редакции. Он приносил очерки о маленьких черноморских портах. Лаконичные, сочные и живописные, как черноморские базары. Написано просто, но, как говорил наш редактор, «с непонятным секретом».

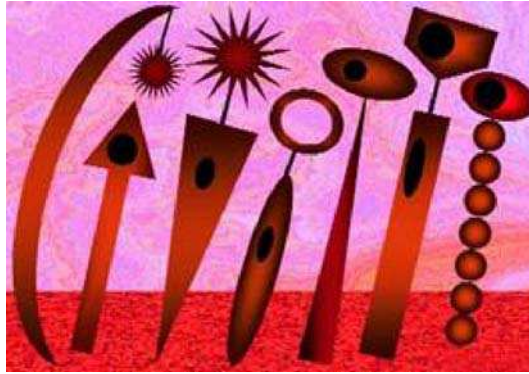


Секрет заключался в том, что очерки резко действовали на все пять человеческих чувств. Пахли (курсив Паустовского) морем, акацией, бахчами. Вы осязали дыхание разнообразных морских ветров... чувствовали вкус зеленоватой едкой брынзы и маленьких дынь канталуп. Видели все со стереоскопической выпуклостью. Слышали острый береговой говор, особенно певучий во время ссор и перебранок.

Чем это достигалось, не знаю.

×ÁĚÎĀĀĚ, ĒÎÔÎÐŪĒ ÇĀĀŪĒ ÑĀÎŔ ĀĚÇÍŪ

(ĚçĭĭĀĀĬĒ 1927 ĀĀĀ)



Ĭ. ĒĀŏĭ Āĭ. ĒçŏĚĚĀ «ŌĚĀĬĬĭ».

Много евреев в Марьину Рощу понаехало. На Шереметьевской от хаек отбою нет. Ихнее царство, говорю, настало.

В трамвае тихо. Пятьдесят человек, стоявших, сидевших и висевших, повернули головы. Сто глаз с любопытством посмотрели на чернобородого цыгана в кожаной куртке и сапогах.

– Как жить, товарищи? – Цыган доволен всеобщим вниманием. – Нынче русскому человеку зарез. Окаянная нация! Спокою, говорю, не дает. – И глядел веселыми глазами. Театрально жестикулировал, задевая соседей.

Кондуктор растерянно озирался, не зная, как поступить.

Трамвай медленно полз по Третьей Мещанской. Цыган привстал и поскреб заросший подбородок:

– Нынче евреев этих – несметные тыщи. Все масло съели, чесночная нация. Слышал я вчера – весь сахар скупили. Праздник у них какой-то и пироги в пять пуд.

Эти слова разрядили атмосферу. Мужчины перемигнулись, кое-кто тихо засмеялся, а женщины сердобольно закивали.

– Чердак не в порядке, – хихикнула торговка.

Брызнула слюной, и сосед, красный командир в кавалерийской шинели, брезгливо отодвинулся. Торговка вытащила из корзинки толстый платок и, конфузясь, вытерла губы.

– Экземпляр... – Кондуктор улыбнулся накрашенной даме в каракулевой шубке.

Та презрительно фыркнула, и кондуктор смутился. Полез в сумку, загреб серебряной мелочи и занялся счетом. Не сосчитав, бросил монету назад, татараторил без запятых:

– Угол Самарского переулка, граждане! Кто с Лубянки, билеты кончились! Вагон трогается, граждане!

Цыган с недовольным видом опустил на скамейку и шумно сорвал с головы папаху. Оказалось, что голова у него седая. Лохматая куча волос, годами нечесанная, почернела от пыли и грязи. Посыпалась темная перхоть. Цыган сдул ее с куртки и сказал:

– У живого человека голова гниет. Евреи последнюю рубашку забрали. Мало им, что кровь нашу пьют. Остатнее барахлишко узяли, по миру пустили, комиссары сукины!

– Ты потише, – насутился человек в железнодорожной фуражке. – Здесь тебе не Сербия.

– Мы не сербияне, голубчик, мы русский человек, товаришшок.

– Русский тоже! – вмешалась торговка. – Язык-то у тебя, конокрад, чудной больно.

– Русский я! – Цыган шумно надел папаху. – А евреев резать буду до последней капли!

Трамвай зашумел. Красный командир гневно посмотрел на кондуктора. Человек с портфелем и в очках сердито буркнул «черт знает что такое», а железнодорожник дернул провод:

– Остановите вагон! Позовите милиционера!

Трамвай встал. Кондуктор свистнул, и толпа раздалась, прочищая дорогу милиционеру.

– Ты что ж это? – Цыган наморщил лицо, вперяясь в железнодорожника. – За евреев вступаешься? С ними гешефты делаешь? Шахер-махер, шурум-бурум?

Милицейский взял цыгана за локоть и потащил к выходу. Цыган упирался. Присел на корточки, заскрипел зубами и заплакал.

– Не трожь его, – вступилась торговка. – Он сапожник. На Шереметьевской живет.

– Ладно. – Милицейский поставил цыгана на ноги.

Железнодорожник пихнул сзади, и цыган с шумом выкатился из вагона. Трамвай пошел полным ходом, наверстывая потерянное время.

– Он вчера мне набойки прибил, – пояснила торговка. – Мастер хороший, но пьет. Женить надо. С холостой жизни бесится. На той неделе струмент пропил, чужим работает. Много ли чужим струментом наработаешь?

– Да... – Краском уставился в замерзшее окно.

– Он против рынка стоит, у кладбища. Холодно на воздухе целый день. Вот и пьет. Мастеровые все пьют. Которые женатые и те пьют... У меня муж в армии тоже служил, теперь валяльщиком работает.

Краском вытащил газету, развернул обе страницы и зарылся носом. Торговка повернулась к железнодорожнику:

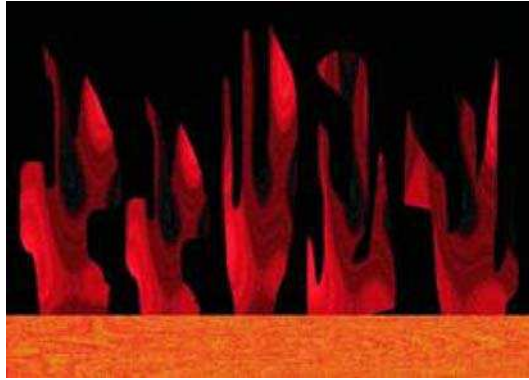
– Валяльщик он, а пятьдесят рублей получает. У нас дворник больше получает, и работы на два часа...

– Кондуктор, – крикнул железнодорожник, – остановите, пожалуйста, по требованию!

Дикий трамвайный цыган – прежний местечковый сапожник Исаак Зельц – он и есть «человек, который забыл свою жизнь». О нем-то и написал Семен Гехт одноименную повесть, первую главку которой мы напечатали. Думается, она особенно интересна московским читателям, что ходят в МЕОЦ по той самой Шереметьевской улице.

Ї АДИ ОІА ЕАА О А ВО О О Е І А ДА О І І

(Еҫ ЕІ ЕӘ 1936 ААА)



І. ЕА О І АІ. Еҫ ОЕЕЕА «ЕІ О О ЕАІ АА».

Несколько лет назад в Кишиневе был погром. Пьяные хулиганы убили Иерахмиеля, убили Кантониста, и Бейлу, и Воскобойникова.

Дядя из Кривого Озера сказал:

– Сами виноваты. Почему не прятались?

Шурин из Белой Церкви с ним согласился:

– Не еврейское дело – защищаться. Что это за самооборону они выдумали?

А шурин из Каменец-Подольска:

– Чистое сумасшествие! Не надо выходить на улицу с револьвером. Полиция никогда не потерпит, чтобы еврей вышел на улицу с револьвером. Я тоже хочу знать: почему они не прятались? Я же забрался на чердак!

– Золотые слова, – сказал дядя из Кривого Озера. – Вот я – живой и здоровый! Почему? Как только разноухал, что начинается, сейчас же – к семье... Оделись потеплее – и в подвал! Сидели себе... пересидели...

– Э, нет! – прервал его шурин из Каменец-Подольска. – Вы сделали глупость. И я вас очень попрошу больше этого не делать. Никогда не уходите в подвал. Лучше всего – чердак! А если есть в городе высокий дом – на самый верхний этаж!

– Ой, Воскобойников! – ска

зала тетя из Калиновки. – Ты был совсем сумасшедший! Разве хулиганы пришли на твою улицу? Ты же был в самом центре. Там живут богатые люди. Они же откупились от полиции! Они же наняли солдат для охраны!.. А ты вышел с револьвером и стал на углу, как сторож. И на тебя наехал казак... наехал со своей голой шашкой и разрубил твою неразумную голову... Ой, Воскобойников!

– Когда начнется дело, – сказал шурин из Белой Церкви, – я обязательно заберусь на самый высокий этаж. Вы говорите чистую правду. Если царь захочет нас бить, так не поможет никакая самооборона.

Что случилось с маленьким Гордоном... Он раскрыл дверь и остановился на пороге, весь белый. Шатался, держась за косяк. Другая рука висела, как забытая.

– Это неправда! – закричал он. – Это чистая неправда!

Мать бросилась к нему, покрывая сухими поцелуями белое лицо. Гости вскочили, вышли из-за стола, окружили мальчика...

– Когда начнется погром, – кричал маленький Гордон, – я возьму большой колун! Я его наточу. И выйду на улицу, как Воскобойников. И буду рубить всем хулиганам головы. И казакам буду рубить головы. Я возьму большой колун, я его наточу...

– Успокойся, сыночек, – плакала мать, – успокойся, мой солдатик, начальник мой...

Но маленький Гордон не успокаивался.

– Я не буду прятаться! – кричал он. – Не хочу прятаться в подвале! И на чердаке тоже не хочу прятаться! И я не хочу...

– Ой, – вскричала мать, – мой наследник!

Она заметила белую пену на губах сына. Он упал, где стоял, на пороге. Целый день не удавалось разжать сдавленные припадком зубы. К вечеру другого дня его откачали. Он скрывался у соседей. Было стыдно.

Но с того дня ему начали сниться сны: конь, и доспехи, и слава полководца...

Гехт остался верен себе до конца. Советская критика шпыняла его на птичьем своем, эзоповом языке: «не преодолел национальной ограниченности», «в мировоззрении сильны пережитки прошлого»...

Современный исследователь растолковал тот басенный щебет:

«Национальная ограниченность» – это, конечно, еврейская тема. Гехт пишет о погромах, о «черных свадьбах» кровавых времен, об изломанных судьбах... А «пережитки прошлого» – беспощадное отображение «дна» исторической стихии, будь то война или революция... Недаром Константин Георгиевич Паустовский сказал: «Мне трудно представить Бабея без Гехта».

Βαβββββββ ββββ ββββ ββ ββ ββββββββ

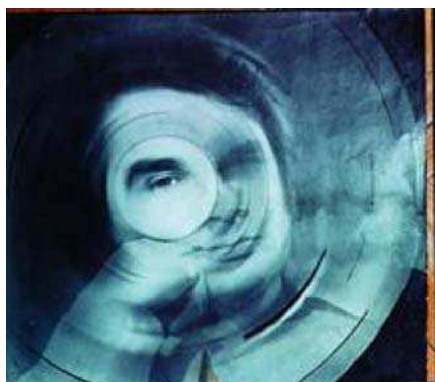
ββββββββ ββ ββββββββ ββββββββ

БУДЬ, КАК ВОДА, ИЛИ ПОЛЕТЫ С РАВВИНОМ

Аааааааа : ааааа а 1963 ааа

Юрий Штерн

Юрий Штерн – кандидат медицинских наук, психолог, психотерапевт. При этом еще и творчески одаренный человек: он автор эссе, критических и философских заметок, повестей, рассказов, стихов, отличающихся своеобразной стилистикой, а также профессиональный фотохудожник.



За дверью – тихие шаркающие шажки, частые и какие-то, что ли, веселые. Ведущему конструктору показалось, что отворил ему мальчик. Недомерок на два аршина (140 см). Худ, прозрачен, морщинист. Личико что печеный картофель... не то печеное яблоко, обсыпанное сахарной пудрой. Блеклая желтоватая кожа с тонкими извивами голубых жилок. Огромные синие глаза с недетскою влагой...

Нет, полсотни уже «разменял»... Длинный черный сюртук, вытертый и лоснящийся. Черные брюки. Стопанные домашние туфли. Вышитая бисером бархатная ермолка. По краю – жемчужины... «Вроде бы натуральные? – подумал ВК (Ведущий конструктор Вадим Константинович). – И шевелюра – прямо огонь!»

– А-а... проходите, молодой человек! – улыбался рыженький старичок. – Сосед про вас говорил... Сейчас будет чай. Раздевайтесь! – И взмахнул ручками, желая помочь.

– Спасибо! – смутился ВК. – Только какой же я молодой? Сорок семь стукнуло...

– И что? Хотите сказать – старый?.. А как вы думаете, сколько мне?

– Вам? Лет шестьдесят...

– Девяносто четыре! – выпалил старичок. – Знаете, когда я жил в Конотопе, у нас был замечательный город, замечательные люди... Ах, что за люди в Конотопе!.. Ну, не стойте столбом! Снимайте свою меховую шапку, свое английское кожаное пальто... У вас хороший вкус. Я же понимаю!.. Надеюсь, мой чай вам тоже понравится. – И пригласил к столу. – Так в чем проблема, молодой человек?

– Видите ли... э-э-э...

– Называйте меня Моисей Со

ломонович. А хотите – ребе. Мне будет приятно. Здесь евреев почти нет. А которые есть, сплошь атеисты. Как ваш сослуживец – мой сосед, который вас рекомендовал... Вы тоже неверующий?

– Да, ребе. Бывший православный. Даже некрещеный.

– Таки так. А в чем ваше дело?

– Понимаете, Моисей Соломонович, я изобрел самолет...

– Простите. – И ребе потупился. – А что такое самолет?

– Самолет? – ВК удивился. – Ну, летательный аппарат...

– Знаете, – опять заулыбался раввин, – когда я жил в Конотопе, у нас тоже были самолеты. Это растение такое. Дерево. Американский клен. С него и сыплются семена – самолетики. Ветер разносит, а на другой год – побеги из земли. Изобретать ничего не надо... А вы, значит, изобрели?

Древний конотопский раввин обитал в трех минутах от летного поля, от аэродрома, пусть сверхсекретного... Да какой забор ни поставь, неба не загородишь. Все видно и слышно!

– Самолеты, которые в небесах, – уточнил ВК. – Людей возят и грузы. Воздушный транспорт.

– А-а! – обрадовался раввин. – Воздухоплавательный аэроплан!

– Вот-вот. Хотя терминологически несколько устарело. Теперь принято говорить самолет.

– О-о-о! Это неважно, молодой человек! – Ребе воздел указательный палец. – Я сейчас!

Подошел к буфету. Подвинувши стул, вскарабкался маленькими ножками. Открыл дверцы, застекленные зеленой смальтой с оранжевыми перемычками. Достал пыльную полупорожнюю бутылку и две стебельковые рюмочки.



– Я знал, я догадывался, что у моего соседа – замечательный друг... Изобрел воздухоплавательный аппарат! Позвольте вас поздравить! – И на удивление твердой рукой наполнил хрустальные емкости. – По такому случаю и в моем возрасте невречно... Ах, какие талантливые, какие замечательные люди есть на земле!.. В Конотопе соседствовал я с Пиней Гельманом... нечеловеческой силы мужчина, кузнец... Лехаим, бояре! – Ребе пригубил, посмаковал и, лихо задрвав огненную шевелюру, опрокинул в себя, придерживая ермолку. – Так в чем же загвоздка? Праздновать надо, если целый самолет изобрели!..

– Ребе Моисей Соломонович! В том и беда, что не целый...

– Как? Только половину?

– Да нет. У самолета при испытаниях отваливается хвост. Машина разбивается. Гибнут люди.

– А в чем причина?

– Вер вейс, как говорит мой помощник и ваш сосед. Тысячу раз проверено. Инженерные расчеты, материал... Сборка – комар носа не подточит!.. Друг мой, сосед ваш, затем нас и свел, чтоб горю помочь: мол, вы, ребе, – мудрый человек... что-ничто присоветуете... Есть, понимаете, приказ правительства: лететь мне вместо пилота... сам чтобы испытал...

– Вот что, молодой человек! – сказал ребе. – В Конотопе у меня были свои евреи, которые приходили с бедой и заботой. Почему бы и вам не поведать мне все как есть? Что такое ваш самолет? Как устроен? Чем отличается от тех, которые не падают, не разбиваются?

– Ну что же... – Ведущий конструктор задумался. – Листочек-другой найдется?

– А как же! Когда я жил в Конотопе, то взял за правило иметь немножко свободной бумаги.

Засеменил к резному письменному столу, извлек из ящика пожелтевшую школьную тетрадку с усатым профилем. «Небось довоенная?» – подумал Ведущий конструктор.

– От внучки осталась, – вздохнул ребе. – В сорок первом застряла в Киеве... Берите! Берите для дела. В Конотопе я всем помогал: и специалистам, и неспециалистам... Такая работа!

– Смотрите сюда, Моисей Соломонович! – Твердой рукой изобразил Ведущий конструктор два силуэта. – Который справа – летает себе да летает. А левый... левый покрутится малость под облаками, и вот здесь, – начертил угловатую пунктирную линию, – здесь – отлом... облом... хвост по неизвестной причине отрывается...

– По неизвестной? Как же по неизвестной? – Раввин выхватил карандаш. – Смотрите сюда вы! – Карандаш заметался меж двух силуэтов. – Даже на глаз видно! Правый будет летать, хотя и некрасивый! А ваш – само изящество... Где ж ему выдержать такие нагрузки?!

Глаза сияли. Терминологию схватывал старик на лету: «угол атаки», «встречный поток», «тангаж», «горка»...

– Хоть тресните, молодой человек, ваш самолет не выдержит «горку»!

– Это почему?

– Ну, посмотрите сами! Любой мальчишка, любой босьяк в Конотопе...

– Да почему? – не унимался Ведущий конструктор. – Почему?!

– Молодой человек! – торжественно произнес ребе. – Я старый конотопский раввин. Образования в вашем деле, сами понимаете, не имею. И слов подходящих тоже... Я должен его увидеть. Собственными глазами! Тогда, слава Создателю, глядишь, и сумею что-нибудь объяснить.

Услышав нелепую (а может быть, и шпионскую?) просьбу, Ведущий конструктор Вадим Константинович засмеялся:

– Хорошо! – говорит. – Покажу самолет!

Подпершись старческим кулачком, как рыжий взъерошенный воробушек, ребе взирал на истребитель хищным ястребиным оком.

– Так, молодой человек! Где ваш кривой облом? Нарисуйте. Имеете мел?

Плюя на пожарную безопасность, рабочие давеча топили «буржуйку», и, потоптавшись в ангаре, нашел Ведущий конструктор угольный блестящий огрызок. Скрипя и царапая, провел черную зигзагообразную линию.

– Дорога идет зигзугой, – пробурчал ребе. – Все правильно? Точно? Аккурат здесь?

ВК полистал блокнот и кивнул.

Старик хмыкнул, не скрывая радости. Гнусаво пропел короткую заунывную мелодию и хлопнул себя по бокам.

– Молодой человек, вы спасены!.. Имеете коловорот?

– Нет, – засмеялся Ведущий конструктор, – не имею.

– Варум, фар вос, как сказал бы ваш друг и помощник. Почему?.. Когда я жил в Конотопе, у меня в сарае, в плотницком коробе, лежали себе инструменты. А вы делаете такую машину – и без коловорота!

– Поищем электродрель...

– Это заменит?

– Коли найду, наверно...

– Ищите!.. Умеете пользоваться?

Ведущий конструктор вернулся к самолету, волоча длинный провод в резиновой оболочке. Нажал курок. Дрель завизжала надсадно и тонко. Ребе вздрогнул, но тотчас оправился.

– Вот здесь! – И веско ткнул указательным пальцем.

– Что – здесь? – не понял Ведущий конструктор.

– Дрелюйте.

– Да вы что? Шутите? – И запнулся. – Тут слабое место... А если еще буравить...

– Дрелюйте, я вам говорю!

ВК засмеялся, старательно уродуя фюзеляж. Просверлил по периметру 94 отверстия – вдвое больше своего возраста, но ровно столько исполнилось ребе, – украсил самолет 94 дырками и весело покинул стремянку.

– Молодой человек! Вы самый талантливый, смелый и умный из всех людей, что встретились мне за девяносто четыре года... Я очень боялся, что не послушаюсь.

– Вы правы, ребе... чистое безумие.

– Нет, молодой человек! Когда я жил в Конотопе, евреи не пренебрегали моими советами. Потому что Талмуд зря не скажет... Знаете, что такое «будь, как вода»?

– Скоро я сам превращусь и в воду, и в землю...

– Фу, какие отчетливые глупости!.. Вам известно, что такое самолет, и неизвестно, что такое Талмуд. А Талмуд говорит: «Будь, как вода, принимающая форму сосуда». Вы поступили мудро. Как вода... Когда вам лететь?

– Послезавтра утром.

– Я буду за вас молиться.

Ведущий конструктор не помнил, что случилось в полете. После, когда крутили пленку, не узнавал себя. Голос чужой, по-дикторски четкий, отрывистый. Ревели турбины, приглушенные изоляцией.

– Высота пять триста, – отчетливо и чеканно сказал диктор. – Начинаю тангаж. Сзади слабая вибрация. – Прошуршала пятисекундная пауза. – Начинается... – Пауза в 15 секунд. – Тангаж закончил. Полет нормальный. – Пауза. – Поехал в горку. – Пауза. Шумное дыхание на фоне турбин. – Иду в горку. Полет нормальный. – Пауза. И чужеродный диктор вдруг задохнулся. – Горку закончил. Полет нормальный.

Серая лента посадочной полосы как бы вернула сознание.

«А ведь живой! – Ведущий конструктор ВК (Вадим Константинович) пошевелил пальцами. – Живой!.. И самолет цел, слава Создателю!.. Неужто дырочки? Значит, старик в Талмуде вычитал что-то такое...»

Колеса запрыгали по бетону, постепенно замедляя скорость.

Дверь открылась, будто раввин ждал.

– Ну как?

– Ничего не понимаю! – Ведущий конструктор подхватил старика на руки. Так и нес маленького раввина, как в люльке. Поставил перед собою на стол. – Ничего не понимаю!.. Вы даже не знали, что такое самолет...

– Это правда, молодой человек. Я таки не знал. Но хорошо знаю Талмуд. И немножко жизнь.

– А при чем дырочки?

– Ой, молодой человек! Сейчас мы сравнялись ростом. По вашей милости я стою на столе и говорю вам прямо в лицо: Талмуд и дырочки – одно и то же. Не в буквальном смысле, конечно... Если бы я не знал Талмуд, то не знал бы, что такое жизнь. Если бы не знал жизнь, не обращал бы внимания на некоторые маленькие мелочи, очень порою важные. И не запомнил бы, что в далекие времена, до семнадцатого года, туалетная бумага у нас в Конотопе была в свободной продаже. И ни за что – подчеркиваю: ни разу, ни за что и никогда! – не отрывалась по дырочкам. Дырочки, молодой человек, – самое прочное!

И оба они, раввин и Ведущий конструктор, – друг против друга, нос к носу – захохотали.



ДУДУ ФИШЕР, СОЛОВЕЙ ИЗРАИЛЯ

Āāēā Āōō Āāōōēēē



*Ī ŷōū ò ū ŷŷ: āāāāā
ŋā āōāēēŋī ā Āāŋī Ī Īī çāēā
÷ ò Āā ū Ī ò ì ā ò ē ò ū Ōā Ī Ōēō -
Ī ðāçāĪ ē ē āāŋēēŷŷ ē ŋēāç:
Ņ: āŋō ūā ē ðŷēāī ē āçī āōī ōēĪ
(ōāē ā ū Ī Ī ŷō ū ŋēāçāēē),
ē Ī ū ā ēōī āē ū Ī ēōī ōēēŋī
ðāāĪ ŋō ē, āēāāŋō ē, āŷāç:
Ā ū ēāē ŋ Ī ōāŋŷŷ ðā: ūŷŷ
Ēŷāāāē ÷ ŋēēē ðāāā
Ī āāŷŷŷ çāē ē āāā ò
Ī ðāçāĪ ē ÷ Ī ŷŷ ŋā: ā..
Ē Ī ŷŷ çāō: āēā Ī Ī ēē ò āā,
ŋēĪāĪ Ī Ī Ī ē ūāā Ī ōēāāā
Āŋī ūōī ōēē ðāçāĪ Ī ŋāā: ē,
ē ēō:
Ī ò Ī çāēēŷŷ
ēō: ā*

Áóóáðñéèá èóóáè

òðóáèèè á áèèííúá òðóáú,

áèèè á çãííèèá áóáí ú,

ííæ í ðñèæèñíí á íéýñ

È á òáèò

ááñéíé í áéíáèè

èáðáèè ðóèè è áóáú,

è í á áúéíí á óáéíí í èðá

ñúí ùè,

ñ- àñò èèáá í áñ

Ì áéü:-èèè á ááéüò èèí áò

è á ááéüò áéáñò ýùèò í ááæ ááò-

ááéüá àí áéíí:-èè,

çãííèèá áéííá

í áèè «Óááá í ááèéá»,

è íæ è ááèèá í áááæ áá,

è íæ è ááèèá ááðá

á áèèçèèá ÷ óááñá

Á áñò è æèáñá ÷ óáíí -

÷ àððùèèé Áóóó Óèòáð

Ýòí - çãííáá Èçòáèéý,

ñèááííòóíúé ñéííáé.

Áðááí èè í áí áá ðáñè áíá

è èááíí áú í áñòá:-áé

òðñáèèè í àè è áóèè,

èáè í áñí è í àí ú í íáé.

Èáçàèíñí

í áá áñéè Ì íñéáíð

í úéàèè ããí òñèà íãá:è.

Áàðèéíñí

çéí íòñòóíèò

í òãã çàðããíí

ýðèèò íã áé.

- Óáí óèà!

Óáí óèà!

Óáí óèà! -

í áé

á ýò íò ñéàçí:í úé áá:áð

ñðöóá ááðèá

í à éãíí í é,

èçáðáí í úé Á-ãí

ááðé.

ЭЛЕМЕНТ

Еаа І еёёёі



Гражданин Анисим Червонцер гадает: *вышлют — не вышлют... вышлют — не вышлют...* По всему — должны выслать. Валютчик, игрок, кутила — словом, элемент.

Нарым? Печора? Без шести губерний?.. Есть над чем голову ломать.

Поздно ночью будит Изабеллу Нафанаиловну. Вздрагивая в холодном поту, скребет спину и шепчет:

— Иза, не развестись ли нам? Тебе легче будет... Вчера занимался ночным сторожем. Не взяли. Требуют бумажку какую-то... Как ты думаешь, будут еще высылать или не будут? Пойду утром к гадалке на Бронную... Спишь! У меня голова лопается... Корова... Нарастила живот... Вот погоди, сбавишь в Нарыме... И что за название такое — Нарым?.. Обиднее всего — похоже на Крым... С ума можно сойти.

Засыпал на рассвете, сопел. Днем сидел дома в халате, скреб затылок целые две недели... Вдруг хлопнул себя по макушке и восторженно заорал:

— Иза! Садись и пиши... Пиши, дура! Нашел! Пиши! Я же гений!

Стоял в халате, подтягивая шелковое голубое трико. Усмехался счастливо—хитрой улыбкой.

— Пиши... *Совершенно секретно. Срочно. Лично. В собственные руки...* Пиши... *Особый отдел ГПУ...* Пиши, пиши, не бойся! *Уважаемый товарищ! Будучи за советскую власть, считаю своим долгом предупредить, что лично мне известный гражданин Червонцер Анисим, проживающий там-то и там-то, есть враг советской власти. Точка.* Мне лично известно, что он состоит в тайных сношениях с Антантой, а также имеет спрятанным семизарядное холодное оружие. Все это абсолютная правда. Так же как и то, что Червонцер неоднократно обещал лично свергнуть советское правительство. Точка. *С комтоварищеским приветом товарищ Изабелла.* И подпиши девичью фамилию. Переезжай к мамаше! Чтоб тобой здесь не пахло!

Через полчаса смысленый Червонцер аккуратно затолкал конверт в почтовый ящик и мирно заснул.

Один. В двухспальной кровати.

Явились на другой день. Всю ночь шел обыск. Утром Анисима Червонцера доставили на Лубянку. Обращались вежливо. Следовательно что-то строчил.

— Хотя у вас ничего не найдено, на всякий случай оставьте автограф.

Вечером Червонцера выпустили. На следующее утро он с довольным лицом гулял по Кузнецкому и проехался на лихаче по Тверской. Там встретила его Изабелла и затряслась:

— С ума сошел! Сиди дома! В Нарым захотел?

— В Нарым?.. А это видела? Я же гений! — И повертел указательным пальцем. — С меня взяли подписку! О невыезде!

1925

Ї ДЄЇ АХАЇЄВ:

Никулин Лев Вениаминович (20.5.1891, Житомир — 9.3.1967, Москва). Настоящая фамилия — Ольконицкий... Если вам, читатели, интересно, мы напишем когда-нибудь сравнительную биографию Льва Никулина и Юлиана Семенова, который «17 мгновений весны» и прочие ужасно детективные минуты... Никуда не денешься — «Люди нашего профиля».

Червонцер — значимая фамилия. Денежная реформа 1922 года ввела твердый (почти царской неизменности) червонец. Анисим (Онисим) — от греч. *anysis* — «исполнение» и *onesis* — «польза». Анисим Червонцер завершил, что задумано, и вроде бы получил пользу. А мы с вами, читатель, заодно раскусили, кто такой Аристотель Онассис (*onesis*) — греческий миллиардер, второй муж Жаклин Кеннеди. Прозвание его по-нашему — Аристотель Полезный. И даже — Пользительный.

Элемент — в советском значении — «представитель общественной среды». Прогрессивные элементы общества. Чуждые, враждебные элементы. В перестройку — при Горбачеве — ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР. Не распинайся! И так известно, что ты за элемент! (Федин, «Необыкновенное лето»).

Валютчик — у Ожегова (1950) — «разговорное, устаревшее. В период нэпа: спекулянт иностранной валютой». Аккурат в тот период и появилось. После исчезло: Ушаков (1957) не фиксирует. Тут-то оно и возродилось!.. Как «фарцовщик».

Пиши, пиши, не бойся! Понимаете? ПИСАТЬ НА ЛУБЯНКУ И ТО СТРАШНО!

...состоит в тайных сношениях с Антантой, а также имеет спрятанным семизарядное холодное оружие... неоднократно обещал лично свергнуть советское правительство. На такие глупости бдительная власть немедленно реагирует. Правда, следовательно еще вежливый (допустим, Яков Самуилович Агранов-Сорендзон), и вас (1925 год) отпускают с миром. А лет через 10–12 за милую душу хлопнут... не то упекут в Нарым... по куда более фантастическим обвинениям.

Бывают страшные эпиграммы. Одна такая ходила некогда про Никулина, сотоварища Бабеля по Одесскому коммерческому училищу:

Їаєї, ааАааєї?

Їєєєєї, ааАааєї?

Особенно складно с полной рифмой, на латинице: *Abel — Babel*.

Їаєєєєєєєє єїї і аї ааааєє Їєї аааа Їїаа



ИСТОРИИ ИЗ ТАНАХА

ĒĒĀĪ Ā ĀŌĒ

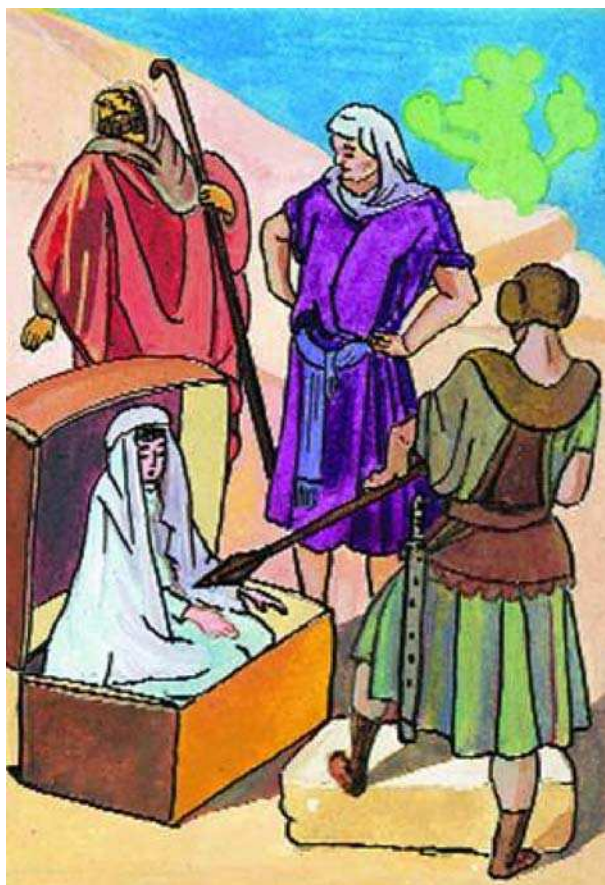
ĀĀĎĀĀĪ Ē ŅĀĎĎĀ

*«Ē űĒĀĀĒ Ā-ĀĀĎĀĪ Ā
“ŌŌĪĀĒ Ēĸ űŌĎĀĪ ū ōĀĪĀĒ,
Ī ō ōĪĀĪ Ē ōĀĪĀĒĒ Ēĸ ĀĪĪ Ā
Ī ō ōĀĪĀĪ Ā űŌĎĀĪ Ā
ĒĪ ō ĪŌĎĎ ū ōĒĀĒ ō ĀĀĪ”».*

(ĀĎĀĒŌĒĪ 12:1)

«Ē ĀŪĒ ĀĒĒĪ Ā űŌĎĀĪ Ā ōĪĒ, Ē űŌĒĒ ĀĀĎĀĪ Ā ĀĒĪĪŌ...»

(ĀĎĀĒŌĒĪ 12:10)



Тяжело покинуть родную Месопотамию и отправиться куда глаза глядят.

Но ведь сказали:

– Лех лехо – иди себе!

Значит, топай! С Творцом Вселенной не поспоришь. Поселился Аврам с семьей в Ханаане, «стране, текущей молоком и медом».

Вдруг, как снег на голову, – страшный голод. Только в Египте люди с хлебом. Тронулся в путь маленький караван. На горизонте наконец показались пирамиды. Спешились путники и объявили привал. Отдохнули, поднялись на верблюдов.

Аврам своей жене и говорит:

– Сарай, какая ж ты у меня красивая! Окажи мне милость, скажи египтянам, что ты – сестра моя, а то меня убьют, а тебя сделают рабыней.

У Аврама меж тем были заслуги перед Ашемом: еще ребенком он разбил все статуи идолов в мастерской своего отца – Тераха, перед царем Нимродом не спасовал – за Всевышнего в огненную печь прыгнул, только чудом не сгорел. Но открытых чудес он не хотел. Просил Творца без спецэффектов обойтись.

В сундуке, где спрятали Сарай, племянник Аврама Лот провертел отверстия для вентиляции.

Приблизились стражники:

– Эй, что везешь? Снимай поклажу, досматривать будем!

Всё переворошили и в сундук тычут:

– Тут что?

– Зерно.

– Открывай!

– Может, договоримся?

– Золотишко прячешь, а нам пошлину как за пшеницу подсовываешь?

– Возьмите сколько нужно.

– Что так сразу согласился? Не бриллианты ли с рубинами да сапфирами везешь?

– Берите как за драгоценные камни.

– Нет, отпирай сундук, у тебя там, наверное, диковина припрятана!

Откинули крышку и остолбенели. Подобной красавицы в жизни не видывали.

– Эта под стать самому фараону, – выдохнул один.

– Ты кем ей доводишься? – впился черным глазом в Аврама другой.

– Братом.

– Ну, не горюй, сестре твоей во дворце лучше будет. А тебя, да и нас фараон не забудет.

Подмигнул, перекинул Сарай поперек седла и был таков. Только пыль столбом взвилась.

Увидел фараон «добычу» стражников. Тут же их в звании повысил, жалованье прибавил. Сарай на женскую половину дворца отправил и решил на ней жениться.

Но не вышло. Творец милосердный за нее вступился – наслал на фараона страшную болезнь.

Во сне к нему явился:

– Не смей дотрагиваться до Сарай – супруги праведника. Отпусти ее с миром.

Испугался фараон. Вызвал к себе Аврама:

– Ты кого сестрой назвал?! Из-за тебя пропадаю. Молись за меня Б-гу! Вернешь здоровье – получишь жену и свободу. До границы мои люди тебя проводят.

Помолился Аврам, фараон вылечился, повеселел. На прощанье даже ручкой помахал.

Вернулись в Кнаан. Что ты будешь делать! Опять засуха, голод...

На сей раз отправились в землю Плиштим к царю Авимелеху. (Пришли из Египта и – в новый «тур», на Средиземное море).

– Сарай, помни наш уговор: при чужих людях мы – брат и сестра. А иначе быть мне убитым, а тебе – рабыней.

Прослышал царь Авимелех про красоту Сарай. Потребовал ее во дворец.

Но во сне явился к нему Всесильный:

– Ты умрешь за женщину, которую только что доставили к тебе: она замужем.

– Неужели казнишь невинного? Она сама говорила, что Аврам – брат ей.

– Теперь же возврати жену этому человеку, ибо он пророк. Не вернешь – погибнешь сам, и весь дом твой погибнет.

Вызвал Авимелех Аврама, спросил:

– Чем я провинился, что навел ты на меня и на царство мое грех великий?

– Думал, убьют меня из-за жены. Но она действительно еще и сестра мне. Отец у нас один – Терах, а матери разные.

Возвратил царь Авраму Сарай и сказал:

– Вот страна моя пред тобою. Живи, где нравится. Даю тебе рабов, рабынь, скот. Заключим мир!



ĒĀŌĀĒĪ ĀĀĒĀĀDŪ 2004 ĒĒŅĒĀĀ 5765 - 12 (152)

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Ī ādēōī Ēāī āī

Ī ōīāīēāēāī ēā Ī ā:āēī ā¹ 9-11, 2004



Рабби Йосеф востепенулся. Ничего себе! Депутация из ешивы Пумбедиты! Кому ведомы пути провидения, с помощью которого Творец управляет нашим миром?! Может, лишь ради этой минуты, он, Йосеф, и был продан в рабство – продан, дабы стать защитником своих угнетенных братьев в час их невзгод... Что, если встреча с депутацией евреев окажется главной вехой на пути его освобождения? Возвращения домой?.. Этот звездный час ни в коем случае нельзя упустить! Но как подступиться к жестокому эмиру, чтобы избежать его гнева? Ведь если он не найдет нужных слов, то и депутации не поможет, и себе навредит. Будь что будет, решил рабби Йосеф, но молчать нельзя! Сказано в Торе: «Не бездействуй при виде несчастья твоего ближнего».

– Я счастлив, – начал рабби Йосеф свою речь, – счастлив оттого, что мне довелось провести в обществе моего господина столь долгое время и слышать из его уст речи умные и справедливые. Я знаю, что мой господин умеет ценить мудрость нашего народа и величие нашей Торы. Упаси вас Г-сподь, о милостивый мой владыка, допустить в своем царстве мздоимство и кривосудие. Но вы его, я убежден, не допустите! А евреи достойны защиты вашей в первую очередь. Разве есть в царстве у вас, да и на всем

белом свете, еще какой-нибудь немусульманский народ, кроме евреев, что верит по-настоящему в единство Всевышнего? Разве не на эту тему, не о важности именно такой веры говорили мы только что, будучи во всем совершенно согласны друг с другом?

Суровый взгляд эмира помягчел.

– Да взгляните же сами, милостивый господин мой, кто они, наши преследователи? Разве не сунниты?! Те самые, что не верят в данный человеку свободный выбор между добром и злом? Они считают, будто все предопределено заранее, – и добрые дела, которые дано совершить праведнику, и злодеяния, которые совершает нечестивец. Потому что не во власти, мол, человека изменить приговор Небес. А ежели так, вправе ли судья-суннит наказывать кого бы то ни было? Ведь, по мнению этого судьи, человек не может отвечать за свои поступки. Разве он над ними властен? Но вы, мой господин, будучи шиитом, верите, как и мы, евреи, что человеку предоставлена возможность выбирать между добром и злом. Поэтому священный долг ваш – спасти согласных с вами в этом важном вопросе людей из рук человека, пренебрегающего нашими убеждениями. Евреи должны подлежать суду своему и вашему, но никак не суду суннита. И еще одно. Вспомните, господин мой эмир: ведь евреи – ваши родственники, ибо происходят из семени Шема, первенца Ноаха, – так же, как и Ишмаэл ваш прародитель, отец шиитов. Сунниты же происхождения темного, и про них известно только то, что они дети гор. Вырвите же близких своих из рук чужаков!

– Да будет так! – возгласил эмир после краткого размышления. – Зовите просителей!

В тот же миг занавес отодвинули и в залу вступили семеро посланцев еврейской общины. Выглядели они весьма внушительно. Серебро в волосах, длинные густые бороды, манера держаться вызвали невольное уважение. Все семеро принадлежали к числу самых мудрых и уважаемых ученых.

– Вы возглавляете ешиву в Пумбедите? – обратился к ним эмир.

Гости с достоинством поклонились в ответ.

– Станный вы народ, евреи! – пожал плечами властитель. – У вас есть ешивы в Суре и в Пумбедите, но обычных школ, как у других народов, нет. Разве иудей не должен изучить основы наук, прежде чем приступить к постижению высшей премудрости в ешиве?

– Да простит меня всемилостивейший и благороднейший эмир, – отвечал самый старый и почтенный из посланцев, – но у нас, евреев, нет особой необходимости в школах. Наши дети отличны от детей других народов. В том смысле, что мы воспитываем их иначе. Еще до того, как покинуть родительский кров, ребенок у нас должен уже знать гораздо больше, чем знает обычный школьник после многих лет учебы. Ибо еврейский дом – это своеобразная школа. Великая заповедь обучения сыновей Торе возложена на каждого еврея. Всевышний заповедал нам изучать Его Святую Книгу и повторять слова ее днем и ночью, ложась и вставая, находясь в пути и сидя в доме. Впрочем, справедливости ради следует добавить, что школы у нашего народа все-таки есть. И существуют уже более тысячи лет. Хотя их не так и много. Первую еврейскую школу открыл рабби Шимон бен Шетах. Первосвященник Иеошуа бен Гамла тоже создавал еврейские школы...

– Хорошо. Расскажите теперь, как проходят занятия в вашей ешиве.

– Кроме главы ешивы, – продолжал все тот же седовласый старец, – у нас преподают семьдесят ученых основного состава (их называют алуфим) и тридцать ученых запасного. Нас здесь семеро, все мы исполняем одни и те же обязанности – каждый в свой день недели: повторяем и комментируем драшу, которую произнес в начале недели глава ешивы. Сам же глава ешивы свой ежедневный урок в «невестины месяцы» начинает с дискуссии. Дискуссия идет с учеными первого ряда, и тема ее – или закон из трактата, изучавшегося в последнее время, или какой-нибудь другой – общеизвестный и часто применяемый на практике. Ученые первого ряда всесторонне обсуждают этот закон, а глава ешивы потом подводит итог обсуждению и вкратце объясняет суть закона учащимся. Кроме того, каждый день мы читаем письма, которые приходят к нам со всех концов земли и в которых нам задают разнообразные вопросы, и совместно готовим обстоятельные ответы. После того как ответ утвержден, секретарь записывает его на бумаге, а глава ешивы его подписывает. Весной, в последнюю неделю каждого «невестина месяца», у нас проводятся экзамены. Экзаменует, естественно, тоже сам глава

ешивы. Он умеет ставить вопросы таким образом, что сразу делается ясно, чего достиг тот или иной учащийся.

– Всегда ли ответы удовлетворяют экзаменатора? – поинтересовался эмир.

– Увы, далеко не всегда. Бывает, экзаменуемый делает сразу несколько ошибок, и тогда его наказывают. Глава ешивы публично выговаривает ему за недостаточное усердие, уменьшает его денежное содержание, а потом объясняет, на что именно должен тот обратить внимание в учебе. Под конец глава ешивы объявляет этому не слишком усердному ученику, что если подобное повторится на следующем экзамене, его вообще лишат денежного содержания и он больше не получит ни гроша.

– У вас, я смотрю, заведены неслыханные строгости! – Эмир даже головой покачал.

– Зато эти строгости приносят плоды: те, кто занимается в нашей ешиве, стараются изо всех сил и к экзаменам готовятся весьма серьезно.

– Я и сам был бы не прочь посетить ешиву и послушать какую-нибудь драшу, да боюсь – не опозориться бы мне потом на этих ваших строгих экзаменах! – пошутил эмир.

– Опасения ваши безосновательны, – без тени улыбки отвечал старик. – Ведь у нас в ешиве, кроме учащихся, еще и довольно много вольнослушателей разного возраста. Они слушают драшу и присутствуют при обсуждениях закона лишь тогда, когда этого пожелают. В отличие от бней месивта – тех, кто имеет обязательства по отношению к ешиве и получает денежную помощь, – эти люди, называемые бней тарбица, наделены правом приходить и уходить когда хотят. Все это я рассказываю светлейшему эмиру лишь на тот случай, если он пожелает посетить нас инкогнито. В любом другом случае ешива устроит в его честь торжественный прием.

– Весьма вам признателен, – улыбнулся Биха, – за описание жизни здешней ешивы. Я слушал с большим интересом. Однако мне хотелось бы понять, в чем важность вашего учебного заведения для мирового еврейства. Вот сидит здесь у меня Йосеф, еврей из Испании, и, вижу, чувствует себя связанным с вашей ешивой, как говорится, всеми фибрами души. Мне, например, честно говоря, совершенно безразлично, есть в какой-нибудь далекой заморской стране мусульманское училище или нет. А между тем я знаю: вы, евреи, где бы ни находились, ощущаете неразрывную связь с вавилонскими ешивами. Может, ты, Йосеф, объяснишь мне эту странную вещь?



– Да будет вам известно, господин эмир, – заговорил рабби Йосеф, – что, когда Моше на Синае принял в дар Тору, он получил, в устной форме, и объяснение каждого ее указания, каждого закона. Эти объяснения передавались из поколения в поколение, пока рабби Иеуда а-Носи их не записал. Записанное им называется Мишной. У Мишны есть свой комментарий: Талмуд. Талмуд существует в двух

версиях. Одна из них создана в Земле Израиля, другая – в Вавилоне. Версия, записанная в Земле Израиля и называемая также Иерусалимским Талмудом, – сокращенная. Мудрецы не успели довести текст Иерусалимского Талмуда до нужного размера и уровня: помешали преследования евреев христианами, гонения на еврейских ученых. Поэтому Иерусалимский Талмуд лишен многих важных фрагментов, мотивировок, истолкований. К тому же он сильно пострадал от переписчиков: ошибок уйма, а идеальную копию его невозможно раздобыть. От всех этих недостатков Вавилонский Талмуд оказался свободен – в нем подробно разобраны и тщательно изучены и суть, и тонкости законов, с которыми имели дело вавилонские мудрецы. На протяжении трехсот лет не прерывалась эта работа; еще сто лет ушли на окончательную систематизацию текстов; великий труд сей довели до конца рабби Аши и Равина. На смену их поколению, называвшемуся амораим, пришло следующее поколение – савораим, а за ним – поколение гаоним; мудрейших представителей его эмир видит сейчас перед собой. Именно благодаря гаоним Талмуд распространился по всему миру. И благодаря им страна ваша, Ирак, столь важна для мирового еврейства. Общины народа Израиля, разбросанные по всей планете, обращаются сюда со своими вопросами, и вавилонские гаоны объясняют им закон и Тору. Вавилонский Талмуд, главное сокровище нашего народа, стал, таким образом, доступен каждому еврею, а иначе оставался бы ему книгой «закрытой» и непонятной. Не только в Испании, но и в таких далеких странах, как Галлия или Германия, евреи поглощены изучением Талмуда, – что было бы совершенно невозможно без вавилонских мудрецов. Здания, построенные из дерева или камня, когда-нибудь разрушатся, а это здание, заложенное нашими мудрецами, до тех пор пока живут в мире евреи, будет стоять нерушимо и служить им путеводной звездой. Вот почему столь велико значение вавилонских ешив для мирового еврейства.

Эмир слушал очень внимательно. Когда рабби Йосеф смолк, он кивнул головой:

– Я все понял. Сегодня же пошлю указание верховному судье: велю освободить из под стражи вашего гаона и заплатить ему десять тысяч динаров. – Биха поглядел на евреев из Пумбедиты. – Для вас это, конечно, большая удача, но благодарить за нее вы должны не столько меня, сколько вот этого еврея, Йосефа. Не знаю, есть ли на свете человек мудрее, чем он...

Слезы стояли в глазах вавилонских мудрецов, когда они пожимали руку рабби Йосефу. И не было предела изумлению этих людей, когда выяснилось, что их заступник – отец рабби Шмуэла, хорошо им известного по переписке его с равом Хай Гаоном, которая ведется через рабби Нисима из Керуана. Разумеется, они искренно сокрушались, что такой выдающийся человек пребывает в рабстве, но отлично понимали: ни о каком выкупе речь здесь идти не может, ибо эмир не расстался бы с рабби Йосефом за все золото мира. Им оставалось только объяснить Бихе, что являет собой его пленник и как нужны еврейскому народу он сам и его сын. Они все-таки не теряли надежды, что эмир в один прекрасный день вернет свободу рабби Йосефу.

Выразив благодарность хозяину дворца в самых изысканных выражениях, мудрецы удалились.



Āēāāā āāāyōāy

Ī īīāāāīīūé òāēāī ò

Эпоха, о которой повествует наша книга, не была для Иберийского полуострова ни мирной, ни счастливой. Междоусобные войны, мятежи, бесконечные политические конфликты... Повсюду лилась кровь и к небу возносились предсмертные стоны гибнущих. Люди расставались с жизнью на тех самых тихих улочках, где прежде слышны были лишь веселые крики разносчиков.

Руководители берберской партии заявляли во всеуслышание, что согласно закону и по справедливости им принадлежит вся арабская часть полуострова; на самом же деле под контролем у них находились лишь Малага и ее окрестности. Среди покорных берберам правителей сильнейшими оказались два гранадских халифа: Цаби, сделавший Гранаду столицей после того, как Альвира (прежняя столица) страшно пострадала во время вооруженных столкновений, и его племянник и наследник Хабус, назначивший рабби Шмуэла своим первым визирем. По зрелом размышлении Хабус согласился заключить союз с салабийским принцем Зумайром Альмарским. Принц искал союза с властителем Гранады, поскольку усмотрел в поведении правителя Севильи серьезную угрозу для себя и своей страны. Он не ошибся. В один прекрасный день севильская армия выступила против него походом, и тогда объединенные силы Альмары и Гранады успешно отбросили противника.

Халиф Гранады Хабус происхождения был отнюдь не аристократического. К вершинам власти он пробивался почти из самых низов и теперь буквально лез из кожи вон, стараясь производить впечатление потомка знатного рода. Он, как мог, старался скрыть от своих царедворцев присущие ему неуравновешенность и злобный нрав. Будучи невеждой, силился казаться утонченным знатоком искусства и даже рассуждал о науках. Окружающим Хабус пытался внушить, что род его не берберского, а чисто арабского происхождения. Именно поэтому ему был необходим просвещенный помощник, ученый визирь, который ни в чем не уступал бы визирям соседних государств. А где было такого взять? Соплеменники-берберы, бывалые разбойники, лихие воины, умели храбро штурмовать крепости, но почти никто из них не мог написать и одной фразы на классическом, литературном арабском, не сделав несколько грубейших ошибок кряду. Что касается арабских подданных халифа, склонявшихся перед его властью затаив в душе гнев и ненависть, то среди них он не нашел никого, достойного доверия. Он не сомневался: любой араб при первой же возможности сочтет своим долгом предать его или навредить каким-нибудь изощренным способом. В такой ситуации рабби Шмуэл был для него истинной находкой. Еще бы! Сами арабы признавали, что он великолепно владеет арабским языком и вообще выдающийся ученый, человек редкой образованности. И какая, в конце концов, разница, что он еврей, безмерно преданный вере предков, готовый в любой час за нее умереть?! Правда, новый визирь имел дерзость написать в свое время некое сочинение, полемизирующее с исламом, как таковым, и с Кораном в частности. Зато он никогда и ни в чем не посрамил своего халифа, зато все относится к нему дружелюбно и уважительно. Даже арабы, несмотря на всю свою нетерпимость к иноверцам, на свои законы, направленные против евреев, даже они вынуждены признать в нем человека уникальных достоинств. Рабби Шмуэл, кроме всего прочего, успешно подвизался в мирских науках: знал он и физику, и математику и философию. Может быть, даже не хуже Торы. Среди арабских ученых, пожалуй, мало кто мог с ним сравниться. Он еще и свободно владел семью языками. А как он был добр и отзывчив! Став визирем, он помогал всем, кому мог. Разбогатеv, содержал многих еврейских ученых. Но не только их. Его благодеяниями пользовались и мусульмане. Арабский поэт Мунфатлал посвятил ему целое стихотворение:

Āīnōīēīnōāā òū īī:āò āāōū āīāāā

Ēīōīōūō ēēōūī āēāy :āīōū

× āēīāāēō īāū:īī āāāōīy.

Ēāē qīēī òā āēāīē çāōī āāāāō

ī āōāīēā òōīēēīā ī āāē,

ōāē ūāāōīnōū òāy īōāīīnīāēō

Ūāāōī òū āōāēō āēāīāāō āēāē

Çàí ààà èèè Áîñò íèà

Áõ, àíèè áù í ðàááò íò èæè

íòèè:àòü íàøè áðàòüü òí àèè!

Î í è á ñ àèááí àáðí îñòüþ á ñáðáóá

ò áí è ñèáá í à çàí èá óáèí áæè!

× áí ì èèíñò è æáàòü íò Áèèáðá

× áðí ú è èàì áí ü

÷ ò í á Î áèéá, óáèóü

Èñèáèè á í í è í à çàí èá

Ò áí è ò èèøü ù ááðí ò è ò áí áé

áèááí ñèèíí í îñò è ò í èüèí,

È ðèááí í ðèí áááü ò áí èí

ñ è þ áí áü þ á áóóá

è ñ í áááæ áí è.

Î áí í è áí áðí ò í è

í áí è çàí í í è,

í áí èí áèááí ðí áí ò áí

Î áí í è í áí í áí

÷ ò í ááðø è øü ò ú,

í áðáá á ý ò í í è ðá

È á í è ðá áü ý áóóáí

è áí: í í

B ñ í áá í á í í í ù ü

ò áí þ óü í áá þ.

È í ááá ý áñ áé ó

áí áèáááí üü ò áí è í ááí çáðáí í í

È èü ñááü ò áí áá è í í ááá

יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי

וְיָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי וְיָאָהוּבֵי

יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי

יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי

אֵי יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי -

וְיָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי

יְדָאָהוּבֵי יְדָאָהוּבֵי

Единственную грань незаурядного таланта рабби Шмуэла арабы не смогли оценить по достоинству: его подлинное величие в Торе. И для своего поколения он был, возможно, первейшим учителем. И для будущих поколений своих соплеменников остался непревзойденным наставником, толкователем. Остался благодаря дошедшим до них блестящим его работам, исследующим религиозную философию еврейства. Лишь единоверцы могли понять, как велик его мощный природный дар и глубока преданность своему делу. При этом они все равно не переставали удивляться: одновременно преподавать Тору, быть выдающимся государственным деятелем, создавать книги, где обдумываются самые сложные проблемы иудейской истории и самой Торы... А еще рабби Шмуэла весьма занимали грамматика как наука и вопросы законотворчества. Об этом он тоже написал не одну книгу!



Глава одиннадцатая

Злодейское покушение

Поднявшись на высоты власти, рабби Шмуэл, как мог, старался разделить выгоды доставшегося ему поста с соплеменниками. Он не задумываясь раздавал свое богатство, причем пожертвования его нередко направлялись даже в весьма далекие страны: его щедрость, к примеру, была известна в ешивах Вавилона и Земли Израиля. Он заботился о повсеместном распространении Торы. Любой ученик, лишенный возможности купить нужные ему тома Геморы, получал их от рабби Шмуэла бесплатно. В те времена книги переписывались от руки и потому стоили недешево. Рабби Шмуэл заботился, кроме всего остального, чтобы книги, получаемые учениками, были свободны от ошибок, вследствие чего тратил деньги не только на переписчиков, но и на сверку текстов. Он завел у себя дома библиотеку со множеством редких и дорогих книг, и каждому ученику позволялось во всякое время заглянуть в любую книгу и даже скопировать ее.

С другой стороны, рабби Шмуэл остро ощущал и то дурное, то чуждое его натуре, что несло с собой высокое положение при дворе халифа, а вот уж эту беду с ним никто разделить не мог. Подчас именно обстоятельства, исключавшие свободный выбор, вынуждали его предпочитать одного человека другому, кого-то наказывать, а кого-то миловать против своей воли. Приходилось ему и принимать важные решения, противоречившие его собственным внутренним убеждениям. В результате он, разумеется, нажил себе многочисленных врагов, в том числе и среди евреев.

В дополнение к обязанностям первого визиря халиф возложил на рабби Шмуэла надзор за уплатой таможенных пошлин и борьбу с контрабандистами. На этом поприще рабби Шмуэл приобрел врагов еще более опасных, ибо люди этих профессий, таможенники и бандиты, вообще не стеснены моральными законами, грубы, жадны и без раздумий используют любые средства для достижения цели – вплоть до убийства.

Привыкший добросовестно выполнять свою работу, рабби Шмуэл старался не давать спуска контрабандистам, которые в те времена неплохо наживались и оттого процветали. Несколько испанских государств имели тогда общие границы, проходившие в основном по узким горным тропам, по заросшим лесом перевалам, и это давало преступникам великолепную возможность скрыться. В общем-то, действовала только одна, но зато хорошо организованная шайка. Ей обычно удавалось перехитрить пограничников. Скорее всего, бандиты были связаны с крупными государственными чиновниками и платили им за беспрепятственный проход через границу. Таким способом эти господа, призванные заботиться о благе страны, сколачивали себе состояния в обход казны халифа.

Рабби Шмуэл бесстрашно и хладнокровно принялся распутывать нити преступных заговоров, не убоившись даже такого крупного, в масштабах государства, деятеля, как Махмуд ибн Ибрагим. Этот тип мало того что был одним из самых высокопоставленных чиновников, но еще и приходился родственником самому халифу. Естественно, он чувствовал себя в полной безопасности. Рабби Шмуэл не раз пытался объяснить правителю, что огромные богатства Махмуда никак не могли быть скоплены честным путем. Главный визирь сообщал Хабусу о подозрительных личностях, под покровом ночи то и дело тайком пробирающихся в имение Махмуда и тайком его покидающих. Сыщики рабби Шмуэла узнавали среди них людей, связанных с контрабандистами. Однако халиф убеждениям поддавался слабо и требовал более веских доказательств. Он не хотел рисковать, не хотел наживать себе могущественных недругов: те легко смогут обвинить его в несправедливости, если появится хоть малейшее сомнение в его правоте. Впрочем, халиф все-таки велел рабби Шмуэлу усилить слежку за Махмудом. Но приказал либо добыть прямые доказательства его вины, либо убедиться в его абсолютной невинности.

От одного из своих соглядатаев рабби Шмуэлу стало известно, что Махмуд ждет прибытия какого-то неслыханно дорогого контрабандного товара. Но куда? Махмуд владел несколькими поместьями колоссальных размеров. Они были разбросаны по стране, и контрабандисты широко использовали их как убежища и тайные склады. Рабби Шмуэл сумел узнать, куда повезут добычу, и немедленно послал туда своих людей (в сопровождении верховых стражников), чтобы устроить засаду на месте. Акция главного визиря увенчалась полным успехом: с поличным были пойманы десять контрабандистов и среди них – Махмуд. Преступников приговорили к смерти и всех казнили – за исключением Махмуда. Тот, благодаря своим связям, получил «особое» помилование: халиф заменил родственнику смертный приговор пожизненным заключением в одиночной тюремной камере.

Столь суровое наказание пришлось рабби Шмуэлу совсем не по душе. Он всерьез опасался мести со стороны родственников Махмуда, люто его ненавидевших. Они-то знали, кто затеял всю интригу. И хотя их злоба была направлена в основном против самого халифа, лично решившего судьбу главы их семейства, против него они ничего не смогли бы предпринять безнаказанно. Да и вообще ждать успеха им тут не приходилось. Иное дело – рабби Шмуэл; в конце-то концов, что он такое? Всего-навсего презренный еврей... Кто отрубит голову за еврея?

Опасения рабби Шмуэла подтвердились в самом скором времени. Враги, как и следовало ожидать, устроили на него покушение.

День первого визиря халифа Гранады был расписан по минутам; в противном случае он просто не смог бы справиться с возложенными на него бесчисленными обязанностями. Несмотря, однако, на всю свою занятость, рабби Шмуэл всегда находил время побыть в кругу семьи. Каждый Шабос, в определенный час, он навещал своего тестя, рабби Рувена. Тот был человеком богатым, уважаемым и сведущим в Торе. В этот день по заведенной традиции в его доме собирались сыновья и дочери, их жены, мужья, дети, другие родственники. Приходил и рабби Шмуэл. Впрочем, он проводил у тестя не более четверти часа, а потом отправлялся в Дом Учения давать урок.

Враги пришли к выводу, что в доме у самого рабби Шмуэла уничтожить его не удастся, ибо там хозяина всегда окружали верные слуги и телохранители. Было решено воспользоваться более удобным моментом – напасть, когда рабби Шмуэл преспокойно отправится навещать тестя. Эти люди наняли профессиональных убийц, безжалостных и алчных, и возложили на них исполнение своего кровавого замысла. Чтобы следы не привели к организаторам заговора, они подрядили нескольких негодяев из чужих мест и даже приготовили экипажи, – с тем чтобы, когда все будет кончено, тотчас вывезти их из города.

Дьявольский замысел этот почти удался. В Шабос, через несколько минут после того, как рабби Шмуэл покинул дом рабби Рувена, туда ворвались двое в масках и с обнаженными кинжалами в руках. Не обнаружив намеченной жертвы, они излили ярость на тех, кто попался под руку. В этот день погиб сам рабби Рувен, погибли и его дочь, жена рабби Шмуэла, и племянник рабби Шмуэла – совсем еще

молодой человек, которому все прочили великое будущее. Сделав свое черное дело, убийцы бросились прочь, но в спешке один из них упал и сломал ногу. Вскоре его обнаружили соседи, прибежавшие на крики, доносившиеся из дома рабби Рувена.

Поскольку одного наемника схватили, появилась реальная возможность добраться и до главных заговорщиков. Халиф приказал безотлагательно провести самое тщательное расследование. Убийца в руках дознавателей очень быстро начал говорить. Так всплыл наружу чудовищный план, составленный членами семей государственных преступников и прежде всего – родными Махмуда.

Случившееся потрясло рабби Шмуэла до глубины души. Герой нашего повествования решил немедленно покончить с государственной деятельностью, оставить свою высокую должность. Он-то надеялся, он-то некогда мечтал, что сумеет помочь братьям по вере, сделает их жизнь нормальной, спокойной... А что вышло? Убиты близкие, родные люди, евреи же по его вине оказались в еще большей опасности... Халиф, однако, не согласился на просьбу визиря освободить его от тяжелой ноши. Больше того – он обвинил рабби Шмуэла в недостаточной преданности стране и правителю, в том, что тот ставит личные интересы выше общественного блага. Рабби Шмуэл пришел в замешательство и некоторое время не знал, как поступить. С одной стороны, он более не желал сидеть на этой пороховой бочке – своей чреватой несчастьями должности, с другой же, боялся навлечь на себя и других евреев обвинение в государственной измене. Так и не понимая толком, где благо, а где беда и каковы будут последствия того или иного шага, он оставил все как есть, лишь выговорил себе освобождение от обязанности контролировать границы. И обосновал это тем, что столь опасную должность нельзя поручать еврею: у еврея и без того хватает врагов, жаждущих его крови, а от них даже государство не в силах его защитить, и это с полной очевидностью доказала трагедия в его, рабби Шмуэла, семье. Хабус согласился, но взамен возложил на визиря новое, ничуть не менее пугающее бремя – присвоил ему звание главнокомандующего.



Àèàà ààáí ààöò àÿ

Вçíé òáíé - àðáá òáíé

Как и предыдущий господин рабби Шмуэла визирь Абу Аль Касим, халиф Хабус вскоре обнаружил, что сделал весьма ценное приобретение, заполучив в слуги и помощники столь умного и знающего человека. Людей подобного уровня он прежде и в глаза не видел. Хабус больше не предпринимал абсолютно ничего – ни в главном, ни в мелочах, не обсудив предварительно свои действия с рабби Шмуэлом. Рабби Шмуэл, надо заметить, впоследствии всегда оказывался прав. Жизнь стала казаться Хабусу куда легче и приятнее, чем прежде. Теперь он существовал, как за каменной стеной. Нынче на повестке дня стоял вопрос о восстановлении царского дворца, именуемого «Красной крепостью», или, как его окрестили в народе, «Аль-Хамры». Это сооружение некогда было одним из самых красноречивых свидетельств несравненности строительного искусства арабов в Европе. Первые башни дворца возвели около ста пятидесяти лет назад, но и они, и окружающие сады и парки сильно пострадали во время последней гражданской войны; от былой роскоши теперь остались лишь воспоминания.

Хабус мечтал построить сказочно-пышный дворец, такой, что возбудил бы зависть эмиров-соседей – всех до единого. Он готов был на любые затраты, лишь бы успеть завершить работы к следующей весне – до визита его союзника Зумайра из Альмары. Время визита уже давно было оговорено. Посему рабби Шмуэлу приходилось появляться у халифа каждый вечер, чтобы обсуждать с ним ход строительства и подыскивать среди множества архитектурных проектов самый подходящий.

Рабби Шмуэл, хранивший в памяти великолепные здания Кордовы, еще не подвергшейся разрушению, умевший создавать чертежи отдельных частей дворца, радовавшие глаз красотой и самобытностью, что ни вечер, буквально поражал халифа. Он еще и придумал многое – по части

улучшения проекта и ускорения строительства. Идеи, им предлагаемые, всегда были неожиданными и в высшей степени конструктивными. Они потом сообщались архитекторам для воплощения в жизнь.

В целом дворец должен был являть собой некое архитектурное единство, состоящее из множества залов, пышных помещений. Конструкция эта опиралась на резные колонны. Вокруг – благоухающие сады. Колонны решено было изготовить из самых дорогих сортов дерева; их надлежало привезти из Африки. Украшенное резьбой дерево должно было заиграть на солнце самыми разнообразными оттенками. Привилегия на поставку стволов принадлежала двум купцам: арабу и берберу, жившим неподалеку от халифского дворца.

В один прекрасный день к рабби Шмуэлу явился арабский купец по имени Абдаль Малик. Малик предстал перед ним, имея самый смиренный вид и низко кланяясь, но глаза его сверкали ненавистью и завистью. Не заметить этого рабби Шмуэл не мог.

– Сделай милость! – взмолился араб. – Передай право на поставку африканских стволов целиком в мои руки. Ведь берберы такие мерзкие! И почему вообще этот неверный должен быть у меня в компаньонах? Я воздам тебе сторицей за твою доброту, я поднесу тебе богатые дары в знак уважения и благодарности.

– Храни меня Б-г от твоих подарков! – в гневе воскликнул рабби Шмуэл и тут же процитировал Йосефа: – «Ведь господин мой не знает при мне ничего в доме и все, что имеет, отдал в руки мне... А как же сделаю я это великое зло и согрешу перед Б-гом»?!

Абдаль Малик позеленел о

т злости, но сдержался – хотя и с великим трудом. Потом прикусил трясущуюся нижнюю губу и процедил, глядя исподлобья:

– Увидишь, еврей, это тебе даром не пройдет...

Работы по реконструкции халифского дворца велись с вполне приличной быстротой, но, что ни день, рабби Шмуэл находил новые способы улучшить здание и все, что вокруг. По его приказу рабочие повернули русло бурного ручья. Исток его терялся где-то среди заснеженных горных гряд Сьерра-Невада; горы вздымались к небу, заслоня горизонт от обитателей дворца. Русло ручья разделили на несколько потоков и провели водоводы через сады, чтобы обеспечить свежей водой бассейны, фонтаны и богатую растительность. Рабби Шмуэл приказал также вырыть поблизости глубокий колодец, который отныне и для жителей Гранады служил источником чистой воды.

Халиф ежедневно инспектировал ход работ, сопровождаемый своим визирем. По окончании осмотра оба обычно садились отдохнуть возле Судебных ворот, называвшихся по-арабски «Баб аль мишла». Арабский обычай велит буквально исполнять сказанное в Торе: «Судей и надсмотрщиков поставь во всех вратах твоих». Сюда, к воротам, каждый житель мог принести жалобу или прийти с прошением, и судья немедленно выносил приговор, который, как правило, тут же и исполнялся. Возможно, такая спешка при разборе дел приводила порой к неверным выводам и, следовательно, к попранию справедливости. Однако подобное, мы знаем, ничуть не реже случается и там, где принято вести длительные (даже, как известно, многолетние!) судебные процессы, связанные еще и с большими расходами.

Вот и сегодня присели рабби Шмуэл и халиф на ступеньки возле ворот, над которыми виднелась высеченная из камня рука, символизирующая слова Писания: «Рука свидетелей будет на нем сперва, чтобы умертвить его. И рука всего народа после». Халиф прислонился спиной к кактусовому дереву с пожелтевшими цветами. Рабби Шмуэл сидел напротив, рядом с деревом, где росли плоды граната.

Тут к ним и подошел Абдаль Малик.

– Что тебе надо? – спросил правитель.

– О господин мой сиятельный халиф, да пребудет на тебе благословение Аллаха, – начал Малик, – слова, которые я пришел произнести пред тобой... Не только от своего собственного имени говорю я, но и от имени всех правоверных арабов, коим весьма неприятно, что ближайшие советники наших мудрых повелителей – евреи! Стыд и позор для арабского народа, что сыны презренных евреев

стоят над нами и нами помыкают. Особенно противен всем твой визирь Шмуэл; он – как заноза в нашем глазу. Человек он низкий, бесчестный и бессовестный, и все его мысли о том, как бы обогатиться за государственный счет. И если оставить его на прежней должности, то вся страна наша скоро будет лежать в руинах и падет перед неприятелем!

Некоторое время халиф глядел поочередно то на своего визиря, то на жалобщика-араба, глядел с выражением крайнего замешательства на лице – как человек, который не понимает, о чем вообще идет речь.



В конце концов он спросил визиря:

– И что ты об этом думаешь?

Рабби Шмуэл в самых простых и доходчивых словах изложил халифу историю про то, как этот араб пытался оттяпать себе долю берберского компаньона и как он отказал ему в его просьбе. Повадал он и об обещании Абдаля Малика отомстить за резкий отказ.

– Вот и вся подоплека этой пыл

кой речи, – закончил рабби Шмуэл.

Слова араба весьма рассердили и обидели халифа: он ведь был берберского происхождения. В гневе он кликнул стражу и велел схватить интригана.

– Вели отрезать его поганый язык, – приказал он рабби Шмуэлу.

Абдаля Малика тут же схватили, заковали в кандалы и бросили в подземелье крепости. В соответствии с заведенным порядком рабби Шмуэлу предстояло теперь выполнить приказ повелителя.

По окончании судебного разбирательства рабби Шмуэл отправился в темницу, где сидел закованный в кандалы Абдаль Малик, ожидая своей участи. Араб упал перед ним на колени и, едва не плача, начал умолять его о прощении.

– Поднимись, – проговорил рабби Шмуэл. – Поднимись и скажи мне – сколько ты рассчитывал заработать на поставке деревьев?

– Думаю, что заработал бы около тысячи золотых, – отвечал араб.

– Возвращайся домой! – велел рабби Шмуэл. – А я велю казначею выплатить тебе эту тысячу, но отныне и впредь побереги язык свой от злобных речей и уста свои от лукавства, ибо жизнь и смерть во власти языка!

Неделю спустя, когда халиф и рабби Шмуэл снова сидели в воротах суда, перед ними, к величайшему удивлению халифа, вновь явился тот же самый араб.

– Господин мой халиф! – воззвал к властителю Гранады Абдаль Малик. – Я пришел повиниться в прегрешении своем, я совершил горькую ошибку, я был не прав и достоин худшей кары. Рабби Шмуэл – самый добрый и благородный человек на всей земле. Пусть же проклятия, которые я по неведению обрушил на его голову, превратятся в славословия и да пребудет на нем благословение праотца нашего Ибрагима!

– Почему ты не выполнил мой приказ? – повернулся халиф к главному визирю.

– Я все в точности исполнил, как ты распорядился, – отвечал рабби Шмуэл с лукавой улыбкой. – Разве ты не видишь собственными глазами, что я вырвал из уст его прежний скверный язык и вложил добрый, нелживый?!

Халиф расхохотался от всего сердца. После этого случая он стал ценить рабби Шмуэла еще больше.

Ī ādāāā ā ēāēōā Ÿ. Ī ādāēī pēāā.

Ī āāāēāā ēā pēāāōōō

ĒĀŌĀĒĪ ĀĀĒĀĀDŪ 2004 ĒĒŅĒĀĀ 5765 – 12 (152)

ВОПЛОЩЕННАЯ В РЕАЛЬНОСТЬ

Ī ādāāī Āāēāī ūēēē

«Мечта вовсе не так далека от действительности, как это кажется многим. Если вы захотите, все это не будет сказкой».

Теодор Герцль

«Когда придешь к доброжелательным людям, передай им мой привет. Скажи им от моего имени, что и мечты заполняют время, которое суждено нам провести на земле. Мечта вовсе не так далека от действительности, как это кажется многим. Все деяния людские были некогда мечтами и в будущем мечтами будут вновь».

Теодор Герцль



Сколько их было – утопий о счастливом будущем, но лишь единственный раз в истории утопия осуществилась.

Это произошло в нашей стране.

Ибо нашлись люди, которые в эту утопию поверили и своей жизнью доказали ее реальность.

Литературных утопий было немало – «Атлантида» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Государство Солнца» Кампанеллы.

В XIX веке Сен-Симон и Оуэн пытались реализовать свои утопии на практике.

Ничего не получилось. На пути реализации прекрасных идей о Новом Обществе встал страшный враг – человеческая природа. Жители колонии Оуэна охотно слушали симфонические концерты, но работать бесплатно почему-то не хотели. Фаланги Сен-Симона рассыпались в прах. Что получилось из прекрасных мечтаний Маркса и Энгельса о новом социалистическом обществе – все знают. Ленин и Сталин был правоверными марксистами и буквально осуществляли то, что сказано у Маркса и Энгельса.

И вот еще одна литературная утопия – «Альтнойланд» – «Старая Новая родина». Роман-утопия, написанный в 80-х годах XIX века. Речь в романе идет о том, какой будет Палестина в 1924 году.

Сегодня, через 125 лет после написания романа и через 80 лет после описанного в романе Прекрасного Будущего, мы можем оценить, какие из мечтаний Герцля сбылись, а какие остались мечтами.

Элементарное сравнение описанного в романе с реальностью говорит о том, что примерно 80 процентов из описанного сегодня осуществилось.

К чести автора надо сказать, что ничего из описанного на момент написания романа в действительности не существовало.

Ḍāḏēēḑḑāī ī ūā ī ḏāḏēēḑḑāī ēḃ Ḍāḏēēḃ:

• *Ḍī āḏā ī ēḏā ī ḏēāḏāḏḑō āḏāē ā Ḍāḏēēḑḑāī ēḃ*

• *Ḍīḑḑāī ū ḏēāḏēēḑḑāī ī ūā āḏḏēēḑḑāī ḏō ī ḏḏēāī ēḃ.*

• *Ḍī ḏēāḏāī āḃ ḃēāḏō ḏēēāḏēēḃ ḏō ḏāī ū.*

• *Ḍāḑēī ā ḏēō: ḑāī ēā ḏḏāī ḃēēḑḑē ī āḏō ī ḏāī ī āḏḏēēḑḑāī ī āḏḏēāī ēḃ (ḑḑḏē).*

· Èi i rōō iāi uāē ē oōōōōā ā Āāōōōō ēēāāāāōō ēi oāi nēōēēāōēē nō, i nōōāi ēp āiēō ē iōōōāi ēp iōōōōiē. Èi oāi nēōēēāōēē nō ēēāāāāōō nōāi āi i ūi oāōi iēiēyī.

· Iōēōōō nōāi āi uē āi nōōi ē nōyōōi i nōāi āēy iōāi nōāēōāēē āiōō dāēēāē.

· Iāi uāi nōōi ūā āāi ēāōi ūā āi ēūēōū āēy āiāi i āi nēāi ēy.

· Iōāāōōāi ēā I āēāiōēi ū ēç āāi ēi āi iē i ūōōiē ā ūāōōōiēē ēdāē.

· Āiāi āi ēā (ā ōi ēēēā āēy āēi uēi) āi āi ōi ā çāēi i ūāōōēū i ā nōāi ēā

· I nōāi ēā i dēōōāi ūō āi āōōōā I āōōāi i iōy, nōçāi ēā çāāi ēōōi ūō i dāi dēyōēē.

· Nōçāi ēā ā I āēāiōēi ā āōōēēēō ōāōōāi āçāō, ēçāōōēūōā

· Āiçōōāēāi ēā ē dāçāēōēā Èāōōāēēi ā ēāē nō iēēōū nō dāi ū.

· Iāyçāōāēū āy iāi nōāi āi iāy nēōēāā āēy ēāēāi ā āāēāāi ēā nō dāi ū ā ōā: āi ēā āāōō ēāō. (Iōōiāōāç I āēēi āēū iē nēōēāi ē nēōēāi ā āōi ēē.)

· Ōāēōōi iāy āçāōā - i iāi nōē āāi ēāōi çā: ēōūāpōōy i iōāēōōi ā āiōiā yōiā i dāi dēyōēy nōōāēyāō i āāiā: ā dāēēāi ū (iōōiāōāç Èi oāi āōāōā).

· Ōāēōā - ēōōi i uē āiōā ē i āēāōi āōōāi uē i iōō.

· I āi nōāi i āi nēāēāi ēā āāōōāi, ā: āiōi i nōē i āēū.

· Ā I āēāiōēi ā nōiāōōāōō nōāi āi iāy āēpōā - ōāēēū

· Āiāi āi āy ōāēōōi ēçāōēy.

· Iāi nōāi āi iāy iōāi ēçāōēy iōiāēōōēē i iēēōōēē i i āēāiōēi ā āēy āāōōā çāōōāēi ūō nō dāi nōāēūp i i ūō dāi ēy āēēē.

· Ā I āēāiōēi ā nōiāōōāōō āiāi ēōi uē ēēāāōāiōēōāēūiē ōāiōō, nōāēdāpūēē ē dāi dāāēy pūēē i i ēāōōāi āi ēy āi āiāi i ēōā

I āāiēēçāi i ūō i dāi nēāçāi ēyō Āāōōy:

· I iāçā ēç I āēāiōēi ū ēāōō ā Āāēōō, Āāi āiē ē āāēāi - āç i āāiāi ē ā Āāōōi ā

· Ā I āēāiōēi ā nōiāōōāōō ē i iāōōēāi uē iāi nōāi āi i uē nōōē - āiā iōāi dēyōēy, āçāōō, ōāōōō ē ō. ā yāēpōōy ēiēēāēōēāiēē nōāi āi i nōūp āiāō dāāiōiēēā āāi iāi iōāi dēyōēy. Dāiōiāāōāēē ē dāāiōiēēē āēāō ā i iēiēē āōi iēēē āōōā n āōōāi. Iāō iāiāōiāēi i nōē ā çāiāiōiāēāi

· I āēāiōēi ā Āāōōy: āiōē: i i çāi ēi āāō ōāōōēōi dēp i ūiāēiēō Èēāiā ē Èi dāi ēē.

· I āiōiā i āi ēūi āi nēiā i āi nēāi ēā (ōōōēē) ēēāāi nēiāēy pō i dēōōā āāiāā ā I āēāiōēi ō ē āēāō ā i ēōā ē āōōēāā nōāāyī ē.

· Ā I āēāiōēi ā dāāiōāpō āāi ēē ē i āāçēi ū āāōiāēēēō ē āi āōēēāi nēēō ōēōi.

· Āi nōāi iāēāi Ōōāi ā Èāōōāēēi ā iāi nēōēāāpūēē i dāi nōāēōāēē āiōō dāēēāē.

· Ā I āēāiōēi ā dāāiōāpō ōāōōōi i ā āāōiāēēēō yçāēāō.

· *Á Íæáñðeía ááíðýò íà ááðíæíñeð ýçíeáð, æeðáæè ñòðáíú í óæááðòíý á í áðáíáá ñáýíáíúð òáèñíá, íáíeñáíúð íà èáðeðá Ááðíe ðíí áíà ááíðýò íí-íáí áæè.*

· *Ðæeáý ííeíñòíð íòáæeíà íò áíñááðíòáá, ðæeáíçíúá ááýòáæè íeéáeíá æeýíeý íà íáíáñòáííç æeçíúíá íeáçíááð.*

ÄĀĚĂĀĎŮŇĚĚĂ Ī ĀĪ BŌĪ ŪĂ ÄĀŌŪ 1 ÄĀĚĂĀĎŮ



130 ěăò ĩ äĭŷ đĭăăĭĕŷ пианиста, педагога, профессора Московской консерватории и Джульярдской музыкальной школы Джозефа (Иосифа Аркадьевича) Левина (Lhevinne; 1874, Орел – 1944, Нью-Йорк).

2 ÄĀĚĂĀĎŮ



90 ěăò ĩ äĭŷ đĭăăĭĕŷ экономиста, члена Академии искусств и наук США, профессора Университета Дьюка в Дареме, Университета Аояма гакуин в Токио, автора работ в области экономики Японии **Мартина Бронфенбренера** (Bronfenbrenner; 1914, Питсбург, США – 1997, Дарем, США).



70 ěăò ĩ äĭŷ đĭăăĭĕŷ штангиста, обладателя золотой олимпийской медали 1956 года **Игоря Михайловича Рыбака** (р. 1934, Харьков).

3 ÄĀĚĂĀĎŮ



60 ěăò ĩ äĭŷ đĭăăĭĕŷ биохимика, члена Национальной АН США и Лондонского королевского общества, профессора Гондурасского университета, директора Лондонского института биомедицины им. Вольфсона, автора работ в области химических реакций организма **Сальвадора Монкады** (Moncada; р. 1944, Тегусигальпа, Гондурас).



80 ёàò ñ äÿ ðæääéÿ астрофизика, члена Национальной АН США и Лондонского королевского общества, АН Австралии, профессора Корнеллского университета, автора работ в области термоядерных реакций в недрах звезд **Эдвина Эрнста Салпетера** (Salpeter; р. 1924, Вена).

5 ДЕКАБРЯ



110 ёàò ñ äÿ ðæääéÿ физикохимика, академика АН СССР, профессора МИТХТ, автора работ по квантовой химии, экспериментальным исследованиям строения и реакционной способности молекул (дипольные моменты, колебательные спектры, электрический парамагнитный резонанс и др.), лауреата Государственной премии СССР **Якова Кивовича Сыркина** (1894, Минск – 1974, Москва).

7 ААЕААДБ



115 ёàò ñ äÿ ðæääéÿ философа, драматурга и литературного критика, основоположника католического экзистенциализма, предложившего теорию о том, что подлинный мир бытия (существование) противостоит неподлинному миру обладания, «таинство» (интуитивное постижение) – «проблеме» (рациональному познанию), в основе драм которого лежат религиозно-моральные конфликты («Расколотый мир», «Жажда», «Рим больше не в Риме»), **Габриеля Оноре Марселя** (Marcel; 1889 – 1973, Париж).



125 ёàò ñ äÿ ðæääéÿ композитора, пианиста, автора оперетт «Светлячок», «Роз-Мари» (совм. с Х. Стогартом), «Король-бродяга», «Три мушкетера» и др. **Рудольфа Фримля** (Friml; 1879, Прага – 1972, Лос-Анджелес).

8 ÄÄËÄÄÄ



55 лет со дня рождения психолога, члена Ака-демии искусств и наук США, профессора Йельского университета, автора работ в области педагогической психологии, а также интеллектуального развития и закономерностей мыслительной деятельности, разработавшего практические психодиагностические методы, позволяющие измерять различные аспекты интеллекта, создавшего систему обучения, в рамках которой каждый учебный предмет может преподаваться определенным способом, соответствующим доминирующему типу интеллекта, **Роберта Стернберга** (Sternberg; p. 1949, Ньюарк, США).

10 ÄÄËÄÄÄ



200 ääò ì äÿ ääääéÿ математика, иностранного почетного члена Петербургской АН, члена Берлинской и Парижской АН, Лондонского королевского общества, профессора Кенигсбергского университета, автора трудов по вариационному исчислению, математическому анализу, дифференциальным уравнениям, теоретической механике Карла Густава **Якоба Якоби** (Jacobi; 1804, Потсдам, Пруссия – 1851, Берлин).



70 ääò ì äÿ ääääéÿ вирусолога, члена Национальной АН США, профессора Висконсинского университета в Мадисоне, исследовавшего взаимодействие онкогенных вирусов с нормальными клетками, открывшего вирусный фермент (обратную транскриптазу), обеспечивающий синтез ДНК на матрице РНК в процессе передачи генетической информации, сформулировавшего теорию провируса, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Д. Балтимором) 1975 года и Национальной научной медали США **Хаурда Мартина Темина** (Temin; 1934, Филадельфия – 1994, Мадисон, США).



75 ääò ì äÿ ääääéÿ психолога и лингвиста, члена Национальной АН США, профессора Пенсильванского университета, автора работ в области когнитивных аспектов лексикографии **Лилы Глейтман** (Gleitman; p. 1929, Нью-Йорк).

12 ÄÄÊÀÁÐ



100 éàò ñ äü ðæääéý боксера, чемпиона мира 1927–1928 гг. среди профессионалов в полулегком весе Бени Басса (Bass; 1904, Киев – 1975, Филадельфия).

14 ÄÄÊÀÁÐ



90 éàò ñ äü ðæääéý биолога, вирусолога, члена Национальной АН США, профессора Иллинойского университета, директора Онкологического института при Колумбийском университете в Нью-Йорке, автора работ в области молекулярной биологии опухолеродных вирусов и их взаимодействия с клетками Сола Спигельмана (Spiegelman; 1914–1983, Нью-Йорк).

15 ÄÄÊÀÁÐ



90 лет со дня рождения физика, члена Парижской АН, РАН, Лондонского королевского общества, Национальной АН США, профессора Коллеж де Франс, создавшего поляризованную протонную мишень, открывшего ядерный антиферромагнетизм и ядерную прецессию нейтронов, автора работ по магнетизму, физике твердого тела, спектроскопии, ядерной физике, кавалера ордена Почетного легиона Анатоля (Анатолия Израилевича) Абрагама (Abragam; р. 1914, Москва).

16 ÄÄÊÀÁÐ



155 éàò ñ äü ðæääéý математика, члена АН Венгрии, профессора и ректора Будапештского политехнического института, автора работ в области математического анализа Юлиуса Кёнига (König; 1849, Гьор, Венгрия – 1913, Будапешт).

17 ÄÄÊÀÁÐ



60 éàò ñ äü ðæääéý джазового музыканта и композитора, профессора Иерусалимской академии музыки, автора балетов «Пугачев», «Мельница Балтарагиса», опер «Рыжая лгунья», «Танго», рок-оперы «Чертова невеста», мюзиклов, музыки к кинофильмам Вячеслава Шевелевича Ганелина (р. 1944, пос. Красково Московской обл.).

18 ААЕАДВ



65 éàò ì áÿ ðæááéÿ биолога, вирусолога, члена Национальной АН США, директора Национального института здоровья США, президента Онкологического института Слоуна-Кеттеринга, профессора Калифорнийского и Корнеллского университетов, автора работ в области молекулярной биологии опухолеродных вирусов и их взаимодействия с клетками, доказавшего (совм. с Дж. М. Бишопом и Д. Стезленом) клеточное происхождение ретровирусных онкогенов, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Бишопом) 1989 года и Национальной научной медали США **Харолда Вармуса** (Varmus; р. 1939, Оушнсайд, США).

19 ДЕКАБРЯ



110 éàò ì áÿ ðæááéÿ композитора, члена Немецкой академии искусств, автора политических песен для рабочих хоров, музыки к пьесам Б. Брехта, опер «Осуждение Лукулла», «Ланцелот» и др., лауреата четырех Национальных премий ГДР **Пауля Дессау** (Dessau; 1894, Гамбург – 1979, Берлин).



85 éàò ì áÿ ðæááéÿ биолога и генетика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института и Гарвардского университета, автора работ по генной регуляции **Бориса Магасаника** (Magasanik; р. 1919, Харьков).



75 éàò ì áÿ ðæááéÿ физика, академик РАН, автора работ по физике высоких энергий, экспериментально открывшего (совм. с сотрудниками) антигелий-3, т. н. серпуховский эффект, h-мезон, лауреата Государственной премии СССР **Юрия Дмитриевича Прокошкина** (1929, Москва – 1997, Протвино Московской обл.).



105 éàò ì áÿ ðæááéÿ языковед, профессора МГУ, автора работ по грамматике, практической стилистике современного русского языка, учебников и методических пособий для средней школы и вузов **Дитмара Эльяшевича Розенталя** (1899, Лодзь – 1994, Москва).



60 éàò ì ãíÿ ðæääéÿ физика, члена Национальной АН США, профессора Корнеллского и Рокфеллеровского университетов, автор работ в области универсальных принципов описания классов итеративных нелинейных преобразований, используемых при моделировании зависящих от времени феноменов в физике и биологии, **Митчелла Фейгенбаума** (Feigenbaum; р. 1944, Филадельфия).

23 ÄÄÊÄÁÐ



120 éàò ì ãíÿ ðæääéÿактера, режиссера, народного артиста СССР, художественного руководителя Харьковского театра русской драмы, профессора Харьковского театрального института **Александра Григорьевича Крамова** (1884, Киев – 1951, Харьков).

24 ÄÄÊÄÁÐ



100 éàò ì ãíÿ ðæääéÿгидробиолога, океанолога, члена-корреспондента АН СССР, профессора МГУ, автора работ в области биологической продуктивности и географической зональности океана, лауреата Государственной премии СССР **Вениамина Григорьевича Богорова** (1904, Москва – 1971, Кишинев).

25 ÄÄÊÄÁÐ



120 éàò ì ãíÿ ðæääéÿбоксера, обладателя золотой олимпийской медали 1904 года (первой в истории) в тяжелом весе **Сэмюэла Бергера** (Berger; 1884, Чикаго – 1925).

27 ДЕКАБРЯ



110 éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ радиотехника, академика АН СССР, Героя Социалистического Труда, директора Радиотехнического института АН СССР, профессора МИИС, автора работ в области радиотелефонной модуляции, антеннам, генераторным лампам, радиоизмерениям, руководившего созданием мощных радиовещательных станций, участника сооружения ряда ускорителей заряженных частиц (в т. ч. синхрофазотрона под Серпуховом), лауреата трех Государственных премий СССР **Александра Львовича Минца** (1894, Ростов-на-Дону – 1974, Москва).

28 ДЕКАБРЯ



90 éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ кавалера «Креста Виктории» (высшей военной награды Великобритании) **Томаса Уильяма Голда** (Gould; 1914, Довер, Великобритания – 2001, Лондон).

30 ÄÄÊÄÁÐB



70 лет со дня рождения астрофизика, члена Национальной АН США, профессора Института перспективных исследований в Принстоне, автора работ в области нейтринной астрофизики, лауреата Национальной научной медали США **Джона Бакола** (Bahcall; р. 1934, Шривпорт, США).

31 ÄÄÊÄÁÐB



80 éàò ìí äíÿ ðíæääíéÿ экономиста, члена Национальной АН США, АН Нидерландов, профессора Гарвардского и Токийского университетов, Массачусетского технологического института, автора работ в области финансовых рынков, семейного бюджета, таможенной политики, ценовой политики в нефтяном секторе экономики и др. **Хендрика Хаутеккера** (Houthakker; р. 1924, Амстердам).



95 èàò ìí àíý ðèæääéý Героя Советского Союза Якова Иегудовича Чапичева (1909, Новороссийск – 1945, Вроцлав).

Ñíñò àæè àäü Ááí àæéò Èèñèèñ

14 ДЕКАБРЯ

ΔΙΣΑΪΕΪ ΟΡΔΑΕ. Ι ΟΣΥΕΑ ΑΕΣΙ Ε



90 лет со дня рождения пианиста, профессора Мэрилендского и Колумбийского университетов, Джульярдской музыкальной школы, Филадельфийской консерватории Розалин Тюрек (Tureck; 1914, Чикаго – 2003, Нью-Йорк).

Для многих Розалин Тюрек – это все равно что сам Иоганн-Себастьян Бах. И действительно, другого исполнителя, столь же тонко и верно чувствующего музыку великого немецкого композитора, найти трудно. Впрочем, Тюрек играла не только Баха. Напротив, в творчестве, как и в жизни, она всегда была необычайно восприимчива ко всему новому, старалась вобрать в себя как можно больше. На протяжении многих лет она была известна как блистательный исполнитель Листа, Шопена, Вебера, Чайковского, Дебюсси, Рахманинова.

Она прекрасно разбиралась в литературе, истории, философии и многих науках, а ее общественная жизнь была необычайно насыщенной. Розалин Тюрек была почетным доктором музыковедения самых престижных университетов мира, в том числе Оксфордского университета, кавалером Большого командорского креста ордена «За заслуги» (ФРГ), основателем и директором Фонда исследований Баха, автором нескольких музыковедческих монографий и статей в периодической печати.

Розалин Тюрек родилась в Чикаго, штат Иллинойс, в 1914 году. Ее первым педагогом по музыке стала ученица и ассистент Антона Рубинштейна по Петербургской консерватории София Бриллиант-Ливен. Именно она познакомила начинающую пианистку с произведениями Баха, венских классиков и русской фортепианной литературой конца XIX – начала XX веков, что послужило отправным моментом в творческой судьбе Тюрек.

В девять лет девочка впервые вышла на сцену, а уже в одиннадцать выступала с Чикагским симфоническим оркестром.

Розалин несколько лет занималась в Джульярдской музыкальной школе у Ольги Самаровой. Ей было тринадцать, когда она приняла участие в конкурсе молодых исполнителей, выиграла главный приз, и ее признали лучшей среди восьмидесяти тысяч других юных музыкантов. После выступления к ней подошла София Бриллиант-Ливен и сказала: «Если бы я не видела, кто сидит за роялем, то могла бы поклясться, что играет сам Рубинштейн». У Розалин Тюрек именно слова ее педагога вызвали ощущение настоящего успеха.

Тюрек была очарована музыкой Баха, которого в то время считали полезным для изучения, но слишком сухим для концертного исполнения. Юная пианистка стала изучать старинные инструменты и исполнительские практики, бытовавшие во времена ее кумира. В четырнадцать лет Розалин уже играла на органе, рояле, клавесине и клавикордах.

А четырем годами раньше, еще будучи ученицей Джульярда, Розалин знакомится со Львом Сергеевичем Терменом, русским изобретателем, человеком, создавшим первые электронные музыкальные инструменты. Эта встреча пробудила в ней интерес к электронной музыке и произвела такое неизгладимое впечатление, что уже в 1931 году она дает концерт на терменвоксе на сцене Карнеги-холла в Нью-Йорке.

На протяжении всей жизни она оставалась сторонницей новой музыки. Именно благодаря ей мы знаем имена таких композиторов, как Дэвид Даймонд, Уильям Шуман, Витторио Джанини, Луиджи Деллапиккола. Она первой исполняла их сочинения, написанные для нее и с мыслями о ней. В 1949 году Розалин Тюрек основала ассоциацию современных композиторов Composers of Today, а затем и Общество современной музыки (Society of Contemporary Music), которое существует по сей день.

В 1936 году в Карнеги-холле, в сопровождении Филадельфийского оркестра, которым в то время руководил знаменитый Юджин Орманди, она исполняет Второй фортепианный концерт Брамса. Это ее выступление становится очередной сенсацией.

Но подлинная слава пришла к Розалин Тюрек лишь после того, как в 1937 году она объявила серию сольных концертов, состоящих исключительно из произведений Баха. Концерты проходили в Таун-холле – самом престижном по тем временам зале Нью-Йорка. Именно тогда один из видных американских критиков назвал ее «жрицей Баха».

Придет время, и такие же концерты пройдут в Лондоне, Монреале, Копенгагене и во многих других европейских столицах. В первое из своих многочисленных европейских турне пианистка отправилась в 1947 году. За Европой последовали Южная Америка, Южная Африка, Израиль и Азия.

Позднее, в Лондоне, Розалин Тюрек создала собственный струнный оркестр (Tureck Bach Players) и много выступала с ним в качестве солистки и дирижера.

Концерты и административную работу в основанном ею в 1966 году Международном институте Баха Розалин Тюрек совмещала с преподавательской деятельностью. Ее учениками были не только пианисты, но и музыканты других специальностей, имена которых теперь известны во всем музыкальном мире. Среди них Шерон Исбин, глава гитарного отделения Джульярда, Римма Сушанская и многие другие.

Розалин Тюрек скончалась утром 17 июля 2003 года в своем доме в Ривердейле, Нью-Йорк. Ей было 88.

По ее просьбе во время похорон звучала запись концерта, данного ею в Большом зале Петербургской филармонии в 1995 году – в тот единственный раз, когда она посещала Россию.

Ī aērii Āāriēāi ēi

ÈÇ ÍÀΘÁÉ ÄÁÊÀÁÐÛÑËÊÉ Ì Î × ÒÛ

«Ì Î ÊÀ ÁÐÛ Ì Í Á ÁÐÓÍ Á Ò»

В одном не очень большом провинциальном городе в 90-х годах прошлого века потихоньку начала образовываться еврейская община. Люди, забывшие язык, традиции, культуру предков, решили объединиться и сообща создать то, что позволило бы им считать себя частью нации. Люди захотели понять самих себя, ответить на вопросы: кто они, откуда их корни, кто их родственники, что их объединяет. Город этот называется Ульяновском. Путь зарождения и становления еврейской общины был здесь точно таким же, как образование татарской, чувашской, мордовской и других национальных культурных автономий.

История ульяновской еврейской общины одновременно длинная и короткая. Евреи жили в Симбирске с середины XIX века, у них были свои моленные дома (синагоги), налаженная организация взаимопомощи и другие общинные институты. Прежняя община была ликвидирована в 30-х годах XX века вместе с последней синагогой. В 1990-х годах евреи решили вспомнить свою историю и обычаи, образовав ядро новой еврейской общины. Она быстро развивалась, в общину приходили новые члены, в том числе молодежь, организовывались кружки, клубы, школы, евреи стали изучать традицию, историю, религию. И никому, казалось, дела до них не было.

Постепенно община стала заметной: она помогает нескольким сотням старых и больных людей, обеспечивает их продовольственными посылками, лекарствами и медицинским оборудованием. В летнее время организуются поездки детей в лагеря отдыха. Евреи теперь широко отмечают национальные праздники, собираясь группами до 500 человек.

Однако деятельность общины обращает на себя внимание антисемитов. Все чаще стали появляться антисемитские опусы в печати, стали случаться погромы в общинном центре, вылазки скинхедов. По мере сил евреи, наученные горьким опытом прошлого, дают отпор, направляют властям сигналы о том, что антисемитизм – это проблема не евреев, а общества, ставят диагноз обществу: оно больно шовинизмом. Власти все это пропускают мимо ушей. В общем, все как обычно: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Ульяновская еврейская община становится заметной и среди других еврейских общин России. Она выделяется большим количеством молодежи, участвующей в общинных программах. Фестиваль еврейской культуры «Ханука в Симбирске» на многих произвел впечатление своим размахом, организованностью, уникальностью некоторых проектов. На новом этапе общину уже пытаются использовать в своих политических целях так называемые общественные деятели, но она тщательно дистанцируется от политических интриг.

Сведения о жизни ульяновской еврейской общины дошли до главного раввина России Берла Лазара. Ему стало интересно узнать, каким образом евреи Ульяновска, не имея помещений, раввина, синагоги, сумели наладить интересную, насыщенную жизнь, умудрились не поругаться с властью и в то же время не дать себя в обиду. Раввин Берл Лазар решил приехать в Ульяновск и посмотреть все на месте.

Об этом сообщили в администрацию области, и губернатор Владимир Шаманов пригласил главного раввина России, члена Совета по делам религий при президенте России, на встречу. Речь на ней шла о национальных проблемах в России, о взаимодействии власти и национальных религиозных организаций. Среди других тем обсуждалось отсутствие у еврейской общины своего здания. Из четырех городских синагог, отнятых коммунистами у евреев, не была возвращена ни одна. Губернатор В.А. Шаманов пообещал главному раввину России в ближайшее время передать еврейской общине здание, примыкающее к еврейскому общинному центру, чтобы после ремонта и реконструкции там можно было открыть синагогу.

Увы, кому-то стало плохо от этого визита. Зеев Жаботинский в свое время сказал: «Каждая нация имеет своих негодяев». Очевидно, нашлись такие люди и у нас. Не хочется вспоминать весь негатив, который автор статьи, появившейся в одной из московских газет за подписью Михаила Белого и перепечатанной «Симбирскими известиями», и те, кто стоят за его спиной, выплеснули на главного раввина России.

В этой ситуации удивляет беспомощность власти. Прямым оскорблением подвергается глава администрации области: ему приписываются слова, за употребление которых предусмотрена статья Уголовного кодекса. Но власть молчит.

Всем известна истина, что история развивается по спирали. На это, между прочим, недавно указал президент России, заявив, что мировое сообщество ведет себя по отношению к международному терроризму точно так же, как было в далекие годы Мюнхена. Что за этим последовало, все знают.

Представляется, что сегодня в Ульяновске «раскручивается» «спираль местного масштаба», когда власть, игнорируя подобные публикации, сама себе создает неразрешимые проблемы в будущем.

А. Діаооєі, Оєуїїтє

P. S. Ўої ієїї і аїєї іаїєїаї іїїєа аїоїаа іоаоає а «Дііієї і єоїїаа» є «Њєї аєоїєєо єааїоєуї» аєу іаєєєаоєє аї аїоїіє іа:аоє. І і іє іаї і аїоїаїєа єєє іаєаїоїа іа:аоїа єаїаїєа іаєєєїааоуїої ієїї і іа іоаєї.

І о єї аїє аааєїєїє іаїєїї Оєуїїтєа аїєї іаїааєаї саяаєаїєа іоїєєоїо іаєаїоє і аєїоаао А.А. Єааєїїї аї, ааєї сà і аєїї : даґаааоїїї є іоєїуої і аої. І і а і-аааї іє даґ аєаїоїї іоуаєєа іаїа ааїїєєа єєє іаєаєаїєа даґаєаоїїї і аїоєїаї єоїїєї є аїоїаєаї є, оаї іаї ії ії іоуї єо іоуаєаїєу.

Іаєаїї сà іао аїоїа є ааї оєїаїаєоаєає, іоїаїї іааїа аєаї ії дааєїїї Дііієє Ааоєїї Єааоїї... А єїоїоїє даґ і ії іоаїіаєїїї іаєааоаєуї є іоуаєаїєу аїоєїаї єоєї а оєуїїтєєо =єї іаї єєїа

ЊЄІАІ-ЄАЄ ЊІАЄІАДЊЄАБ І ОЄЄ

Мне кажется, многие авторы «Лехаима» спекулируют на Холокосте и «проталкивают» через ваш журнал весьма посредственные, чтобы не сказать антихудожественные, произведения на эту тему. Смакуют патологию убийств, натуралистически описывают зверства, не забывают пересыпать речь жертв смачным еврейским жаргоном. То, что было на самом деле, тот ад никакому перу не описать. Но авторы зарабатывают на общем горе. Это ложная, поймите, дешевая торговля на страданиях нашего народа. Пересыпая свои опусы анекдотическими ситуациями, подшучивая над слабостями своих героев, они не возвышают, а унижают наш народ.

Я уже не говорю о многочисленных «околохудожественных» штампах типа: «...Свет утра... необоримым теплом...» В данном контексте это звучит, по-моему, почти садистически. (Л. Коваль, «Смерть сумасшедших», № 10, 2004).

Должна заметить, в других номерах журнала «Лехаим» тоже немало окололитературной туфты. Читаю – и какая-то тоска овладевает мною. Куда девалось меткое слово?! Слово – как снайперская пуля, но летящая в цель, а не вязнущая в болоте окололитературщины. Обидно.

І. Ааї, Аїєїаа